ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания 33-й

№ 1
ЯНВАРЬ
1957

В этом номере:

На обложке:
рисунок А. Кокорина
к рассказу «Навстречу шторму».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Заместитель ЧАБАНА

А. Хршановский **Рисунки П. Кирпичева.**

ТРИ РУБЛЯ

Кроме красивых и шумных курортов, на Черноморском побережье Кавказа есть и тихие уголки. Это или рыбачьи поселки у моря, где вдоль галечного берега всегда растянуты на просушку сети, а домики прячутся в непроходимых чащах гигантской кукурузы, или древние селения в устьях горных рек, с узкими улочками и сложенными из камня заборами, над которыми щедро свешиваются ветви отягощенных плодами деревьев.

В одном из таких селений я и познакомился с Виссарионом-младшим. Он был единственным и любимым сыном моей хозяйки и отъявленным девятилетним разбойником. Виссарион-старший, отец Виссариона-младшего, погиб в Венгрии у озера Балатон, и его увеличенный в самой лучшей фотографии Сухуми портрет в ореховой рамке висел в парадной комнате.

Когда я въехал в эту комнату на правах постояльца, Виссарион-младший ходил за мной и смотрел, как я устраиваюсь в их доме. Особенное его внимание привлекли ледоруб, горные окованные ботинки и главным образом небольшая складная подзорная труба, которую я беру с собой в горы, чтобы просматривать подступы к вершинам или наблюдать издалека за турами.

— Эт-то замечательно! — говорил Виссарион, рассматривая в перевернутую трубу знакомые ему предметы, ставшие необычайно далекими.

А когда я остановился перед портретом Виссариона-старшего, в лице которого мне почудилось что-то знакомое,— может быть, и встречались где-нибудь на войне,— мальчик встал рядом.

— Хороший у тебя был отец,— тихо проговорил я, отрываясь от нахлынувших воспоминаний.

Виссарион гордо сверкнул заблестевшими глазами и торопливо вышел из комнаты...

Кровать была высокая, с огромным количеством подушек, которых я, признаться, не люблю. Мне приходилось каждый вечер перетаскивать их на стол, а утром снова водружать на место.

Зато прямо с кровати я видел в окно верхушки деревьев (дом стоял на горе), белую кайму прибоя, небо и море, в безветренные дни до того одинаково синие, что различить, где кончается одно и начинается другое, было трудно.

На рассвете меня разбудили какие-то странные звуки. Кто-то царапался под открытым окном. Чтобы уберечь от сырости, дома в здешних местах строят на высоких кирпичных столбах-подпорках, и подобраться с земли к окнам жилого этажа невозможно. По узкому карнизу, идущему вокруг здания на трехметровой высоте, бродят иногда только кошки.

Я и подумал, что это вышел на свою утреннюю прогулку хозяйский кот. Но ошибся.

В окне появилась маленькая коричневая рука и уцепилась за подоконник, затем вторая...

Прошла минута... Наконец снизу осторожно поднялась голова Виссариона.

В его черных глазах было выражение тревоги и отчаянной решимости.

— Курыца хочешь? — спросил он громким шепотом, убедившись, что я не сплю.— Три рубля. Хороший курыца. Хочешь?..

Я понял, что Виссарион предлагает мне

участвовать в какой-то незаконной торговой операции. Слишком необычны и таинственны были время и способ, к которому он прибегнул, слишком невероятна была разница между действительной стоимостью курицы и тремя рублями, которые он просил. Кроме того, я подозревал, что своих кур у Виссариона не было. Значит...

Все время, пока я об этом спросонья раздумывал, Виссарион напряженно смотрел на меня, ожидая ответа. Вероятно, его ноги не доставали до карниза, потому что голова постепенно опускалась, но он делал судорожные усилия и снова приподымался над подоконником.

— Хочешь?

— Нет, Виссарион,— твердо ответил я.— Не хочу!

И вдруг я сообразил, что этот негодный мальчишка может сорваться.

— Подожди,— сказал я и поспешно встал с кровати, собираясь втащить его в комнату.

Виссарион презрительно посмотрел на меня, голова его опустилась, и руки одна за другой исчезли с подоконника. Я подошел к окну. На карнизе никого не было.

Одевшись, я спустился в сад. Мать Виссариона хлопотала у летней печурки во дворе. Из трубы прямо в небо поднимался сизый дым. Точно такие же столбы дыма вырастали и над соседними садами. Куры разгуливали по дорожкам, склевывали опавшую алычу и не подозревали, какую участь готовил Виссарион одной из них.

Я вышел на улицу, осмотрелся и увидел Виссариона. Он сидел мрачный на каменном заборе, обхватив руками колени. Над ним свешивались широкие трехлапые листья и дымчато-синие плоды инжира.

— Для чего же тебе нужны три рубля? — спросил я.

Виссарион молчал. Он даже не посмотрел в мою сторону.

Я почувствовал себя неловко.

— Тебе эти деньги очень нужны?

Виссарион поднял нос к небу и вздохнул.

— Конечно.

— Так возьми! — обрадовался я и протянул ему трехрублевку.

Он гордо посмотрел на меня с высоты забора.

— Нет!

Я растерянно стоял с протянутой рукой, а Виссарион невозмутимо возвышался надо мной, будто не он, а я хотел продать ему чужую курицу, будто не ему, а мне нужны были эти три рубля.

Наконец я сообразил, в чем дело.

— Хорошо. А ты поможешь мне собирать камни на пляже? Будешь работать? Согласен?

— Почему нет? — оживился Виссарион.— Согласен.

Мать ушла в колхозные сады на работу, а мы с Виссарионом отправились на пляж. У меня есть давняя привычка привозить домой с гор и с моря красивые или редкие камни. Я объяснил Виссариону, какого цвета, с каким рисунком и какой формы гальки мне нужны, и он принялся за работу.

Вскоре я понял, что его усердие превосходит мои желания. Он натаскал такую гору камней, что мне пришлось многие из них выбрасывать.

Виссарион сидел мрачный на каменном заборе...

Виссарион огорчался:

— Зачем бросаешь? Оч-чень интересный камень. Смотри...

Потом мы купались. Виссарион прекрасно плавал и нырял, доставая со дна раков-отшельников, и наконец, получив свои честно заработанные три рубля, убежал.

На другой день Виссарион исчез с утра и не явился к обеду...

Вечерний ветер навел на море муаровую рябь. Солнце опускалось за дальний мыс на западе. Очень медленно тянулось время. В доме было тихо. Сквозь закрытую дверь из соседней комнаты пробивалось тиканье ходиков.

Я знал, что мать Виссариона сидит там, положив руки на колени, и прислушивается, не стукнет ли калитка.

Надо было что-то делать, но что?

Наконец она не выдержала и вошла ко мне.

— Виссариона нет. Много раз обед согрела. Совсем холодный снова. Вы, конечно, деньги ему не дали?

Я смутился.

— Дал. Три рубля. Но, понимаете...

— Это очень плохо!— сурово сказала она.

«Так-так, так-так»,— говорили ходики.

— Пойду,— пробормотал я.— Буду искать...

— Э! — Она махнула рукой.— Где искать? Близко был, кушать пришел бы.

Она заглянула в окно, и вдруг в ее глазах появилось выражение ужаса.

В узенькую калитку протискивалось несколько человек. Двое мужчин кого-то несли на руках.

Ох, как быстро сбежала немолодая женщина по крутой лестнице навстречу! Как обхватила она мокрое тельце Виссариона и прижалась к нему! А когда убедилась, что он жив, какими поцелуями покрыла его лицо!

Что скрывать, и у меня защемило в горле...

* * *

Именно три рубля необходимы были Виссариону, чтобы внести последний взнос за снасть для ловли лососей, которые заходили в реку из моря. Заполучив ее вчера вечером, он сегодня на рассвете ушел на промысел.

Целый день Виссарион забрасывал блесну так же, как это делал однорукий Жаца — известный рыбак,— и ничего!.. Наконец ушел домой и Жаца, который поймал одну рыби-

У камня было еще мелко, и Виссарион вскочил на ноги.

ну. Виссарион перебрался с берега на тот камень, где ловил знаменитый рыбак, и так же, как он, замаскировал себя ветвями. Хитрая рыба все видит.

Виссарион был голоден. Он смотрел на исчезающую в буром потоке лесу и шептал:

— Ай, лосось, ай, лосось, кушай серебряную рыбку!—А сам думал: «Мать харчо сварила. Сердиться будет. Ай-яй, Виссарион! Никуда не годится».

Вода уносилась к морю и шумела, шумела... Виссарион задумался.

Рывок был таким неожиданным, что он упал в воду. У камня было еще мелко, и Виссарион вскочил на ноги. Сердце у него забилось.

— Не уйдешь, не уйдешь...

Но прежде чем он успел встать, новый толчок сбил его с ног. Течение подхватило Виссариона и поволокло на глубокое место. Здесь вода неслась, как во всех горных реках, с бешеной скоростью. Виссарион плавал хорошо, но на одной руке у него была намотана леса, и он не собирался с ней расставаться. Где-то на другом ее конце сидела крупная рыба. Очень крупная рыба...

Виссарион еще надеялся подобраться к берегу. Он перевернулся на спину, чтобы отдохнуть, но река — не море: Виссариона потянуло вниз, и он, прежде чем вынырнуть,

нахлебался воды. Короткие волны захлестывали лицо. Он испугался и распустил лесу.

Но было поздно. Близкий берег стал далеким и чужим, незнакомым, небо вдруг повернулось и оказалось совсем рядом. Потом оно исчезло. Его сменил зеленый полумрак, а где-то сбоку сквозь пелену сверкнули ослепительные искры солнца. Виссарион вынырнул еще раз, закричал:

— Мама!.. Мам...— и потерял сознание.

Его увидели и вытащили колхозные конюхи, которые у берега мыли лошадей. С трудом им удалось привести его в чувство.

Несколько дней Виссарион болел. Он лежал в постели тихий и бледный, оживляясь только, когда на улице раздавался условный свист. Это его друзья сгорали от нетерпения: им хотелось узнать, как он ловил лосося.

Если матери Виссариона надо было куда-нибудь отлучиться, ее место у постели мальчишки занимал я. Он требовал, чтобы я рассказывал ему про снежные горы, про Москву и особенно про войну. Когда в рассказе дело доходило до танков, лицо его становилось гордым и печальным.

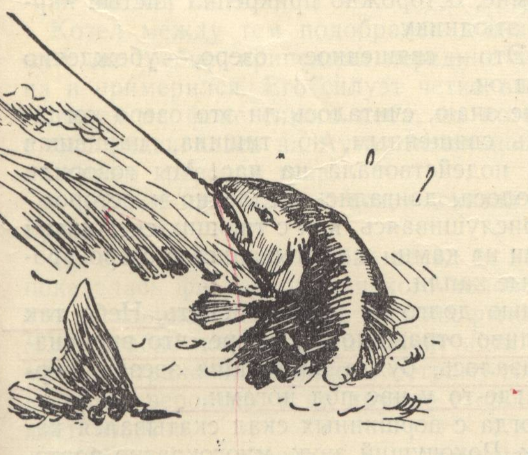
— Мой отец был танкист. Понимаешь?..

Однажды он спросил у меня:

— У тебя дети есть? Как я?..

Я сказал, что жена и дочка, такая, «как он», погибли в Ленинграде во время войны.

Виссарион замолчал и долго о чем-то думал. Потом он приподнялся на локте и за-

глянул в мою комнату, где в открытую дверь был виден на стене портрет Виссариона-старшего.

— Зачем война? — спросил он наконец, глядя мне в глаза.

Что я мог ему ответить? Действительно, зачем?..

* * *

Я уезжал. Машина, которая должна меня подвезти к вокзалу, придет к девяти часам вечера. В восемь я уже сходил выкупаться на прощание, упаковал свой рюкзак и вынес его в сад.

Мать Виссариона приготовила для меня плетеную корзиночку с инжиром и грушами. Я знал, от подарка отказаться нельзя. Это тяжелая обида для хозяина.

В саду было темно. Свет уличного фонаря пробивался сквозь густые деревья и узорами разрисовывал землю.

Внизу, за садами, шумело море. В кустах звенели цикады. Поразительно, что их звон слышишь только в день приезда и когда уезжаешь.

Неслышными шагами подошел Виссарион-младший и молча сел рядом.

— Посоветоваться хочу,— наконец сказал он.— Зимой, конечно, буду в школу ходить. А летом, понимаешь, коровы, лошади в горы пойдут траву кушать. Мне в колхозе предлагают работу — тоже в горы пойти. Заместителем чабана. Ты как думаешь?

— Что ж, если мать отпустит, надо соглашаться,— сказал я.

— Правильно, соглашусь...— Виссарион замолчал вдруг и тихонько прижался к моему боку.— Ты письмо напиши,— вдруг добавил он строго,— как живешь...

СВЯЩЕННОЕ ОЗЕРО

Вот уже два дня, как мы жили на Священном озере, потому что мой спутник Николай Петрович Гром не желал уходить отсюда.

В первый день нашего путешествия я каялся, что позволил себя уговорить и взял его с собой. Он отправился в горы в белых полотняных брюках и в сандалиях, обуреваемый желанием запечатлеть на своих этюдах альпийские луга, горные потоки и вечные снега.

Гром был совершенно беспомощным. Его сандалии скользили, как хорошо смазанные лыжи, и на подъемах и при спусках. Он падал с грохотом, потому что в его деревянно
этюднике тюбики с краской и кисти н . Она
закреплены. Поднимаясь, художн лась в озере,
всего ощупывал этот этю я. Он стоял непо-
Смущенно улыбаясь, о то место, где недав-
ся догонять меня и белые скалы гребня
Гром украдкой пил и ьчик.
я объяснил ему, что и как-то деревянно
В середине дня я еня, не то у себя.
мя ли нам возвратит

Николай Петрович подкупал меня мужественным упорством, с которым переносил свои мучения.

Окончательно вопрос разрешился на первом ночлеге. Гром дотащился до места привала совершенно разбитый. Он сбросил с себя рюкзак и злополучный этюдник и сказал: «Ухх!..» Но не растянулся на земле, как это сделали бы многие на его месте, а, пошатываясь, осторожно подошел к бушующей реке и умылся ледяной водой. Потом с трудом разогнул спину, вернулся ко мне и хрипло проговорил:

— А хорошо, черт побери! Что я должен делать? Варить кашу? Собирать дрова?..

Я знал, что у него болят все мышцы, что каждое движение дается ему усилием воли. Но он не жаловался и собирался еще работать.

Было ясно: у него не хватает опыта и умения, но есть зато твердый характер.

Все-таки я освободил его от обязанностей по устройству ночлега и приготовлению ужина. Он настолько устал, что засыпал в промежутках между двумя ложками каши.

У него не было спального мешка, и я отдал ему свой и, пока он укладывался, достал запасные резиновые тапки и шерстяные носки. Завтра он их наденет вместо своих дурацких сандалий.

Художник заснул мгновенно. Я по опыту знал, что он видит во сне крутую каменистую тропу и быстро несущуюся воду горной реки.

Я устроился у костра и еще долго не спал. Черные лапы пихт протянулись над головой, и сквозь них просвечивали далекие звезды. Серые стволы буков, освещенные красноватым светом костра, будто придвинулись к нашему лагерю из темноты. По-ночному мягко шумела где-то рядом невидимая река, потрескивали сучья в костре, но было очень тихо. Воздух стал холоднее. Наступала ночь...

Мы спали крепко, вставали на рассвете. Под пихтами еще пряталась ночная темнота, долины и ущелья дремали в предутренней серой мгле, но уже голубело небо, на вершины падали первые лучи солнца, и там все загоралось яркими красками: бело-розовые [illegible]а снегов, коричневые скалы, зеленые лу-
сарио[illegible]жже — красные стволы сосен и белые
снасть для [illegible] потоков.
дили в реку из [illegible]вал и походных обязан-
вечером, он сегодн[illegible]ставал раньше меня, а
промысел. какао на крепком нар-
Целый день Виссари[illegible] источник за обыкно-
так же, как это делал имело своеобразный
известный рыбак,— и ни[illegible]дилось.
домой и Жаца,, которы

* * *

Озеро почему-то не значилось на моей довольно подробной карте. Мы и не подозревали о его существовании, пока взбирались к белым скалам горы Аутки по уходящей из-под ног мелкой каменной осыпи. Я рассчитывал повидать здесь туров. Они любят глухие места.

Тяжело дыша, мы поднялись на очередной уступ, и прямо перед нами встала отвесная стена вершины, на которой чудом держались висячие снежники. Под стеной в правильном цирке лежало круглое глубокое озеро. С боков его стискивали покрытые кое-где темно-зеленым мхом скалы. Они круто, как бастионы неприступной крепости, падали в густо-синюю воду и смутно белели, исчезая в глубине.

Здесь было необычайно тихо и пустынно. Даже ветер не мог пробраться в это защищенное со всех сторон скалами место и зарябить холодную, неподвижную гладь озера... Только если облачко набегало на солнце, вода в нем темнела и становилась сумрачной.

— Сердится,— тихо и очень серьезно сказал Николай, как будто перед ним было живое существо.

— Сердится,— откликнулось в скалах эхо.

— Видишь? — шепотом спросил Николай.

— Видишь?..— еле слышно прошелестело над водой.

Художник покачал головой и, устроившись на камне, осторожно прикрепил чистый картон к этюднику.

— Это — священное озеро,— убежденно сказал он.

Я не знаю, считалось ли это озеро когда-нибудь священным, но тишина, царившая здесь, подействовала на нас. Мы говорили вполголоса, двигались медленно и осторожно, прислушиваясь, как с тающих снежников падали на камни и скатывались в озеро прозрачные капли.

Ночью долго не могли заснуть. Небо так отчетливо отражалось в озере, что временами казалось, будто настоящие звезды мерцают где-то у нас под ногами.

Иногда с вершинных скал скатывался камешек. Рокочущий звук, многократно повторенный эхом, замирал не скоро. Чудилось, что кто-то ходит вокруг нас в темноте неслышными шагами и вздыхает.

— Местечко...— задумчиво сказал Николай.

— Священное,— мрачновато поддразнил его я.

На другой день я лазал по скалам, окружающим озеро. Мне хотелось найти выход на гребень Аутки с тем, чтобы перевалить в соседнюю долину, не возвращаясь на тропу, ведущую к перевалу. Но пути не было. Аутка стояла стеной.

Внизу, у озера, я видел неподвижную фигурку работающего Николая. Еще ниже — крутые зеленовато-серые склоны, темный лес, прорезанный каменными щелями, по которым срывались в долину ручьи-водопады, а дальше, на севере и востоке, теснились, вырастая одна над другой, вершины Главного Хребта. Солнце светило ярко, но синяя дымка прикрывала дальние горы. К непогоде... Надо спускаться.

Перепрыгивая с камня на камень, я приблизился к Николаю. Он встал из-за этюдника навстречу, но широко открытыми глазами смотрел мимо меня вверх, на гребень Аутки.

— Тур!..— драматическим шепотом сказал он.— Смотри!

Я оглянулся. По острому гребню, ведущему от перевала к вершине, осторожно, но уверенно пробиралось рогатое существо.

— Какой же это тур? — улыбнулся я.— Это — домашнее животное. Понимаешь? Козел. Вероятно, на той стороне стадо пасется. А этот наелся, и его вверх потянуло. Отчаянный, должно быть. Видишь, у него один рог сломан?

— Но что ему там нужно? Он ведь сорвется!

— Может быть.

Козел между тем подобрался к жандарму[1] на гребне, приподнял передние копытца и примерился. Его силуэт четко вырисовывался на фоне синего неба, по которому с юга надвигалась на Аутку пепельно-серая по краям грозовая туча.

— Давай-ка собираться, — сказал я.— Гроза идет.

Но в это время на гребне вслед за козлом показалась фигурка маленького человека, и это заставило нас забыть о своих рюкзаках. Я прекрасно понимал, что значит идти одному, без страховки по такому острому гребню, который, вероятно, и на другую сторону падает отвесно.

— Назад! — закричал я.— Убирайся назад!

Но, вероятно, ветер относил звуки, и человечек ничего не слышал, потому что сделал еще несколько шагов вперед. Он протянул руку таким жестом, которым подзывают собаку: «На, на...»

Козел, повернув голову, выжидательно застыл, видимо, размышляя. Потом он отрицательно мотнул бородой и ловко, в несколько скачков взобрался на жандарм.

Фигурка на гребне с минуту была неподвижной. Но вот она погрозила козлу кулачком и, балансируя, двинулась вслед за ним. Мы не кричали больше: если человечек нас услышит, это отвлечет его внимание, он оглянется, потеряет равновесие и упадет.

Козел нагло посматривал вниз с вершины жандарма.

Николай сжал кулаки.

— С-скотина! — сказал он, глядя на него с ненавистью.— Слушай! — Гром повернулся ко мне.— Мы должны помочь, ведь он убьется, мальчишка! Что делать? А?.. Что делать?

А что можно было сделать? Не было никакой надежды забраться на гребень в лоб. Я молчал.

— Эх ты,— презрительно и гневно сказал Николай,— альпинист!.. Я пойду, пусти!..

Я схватил его за руку.

— С ума сошел! Тут никто не влезет. И потом... Все равно будет поздно!

Мальчик уже подошел к жандарму. Он ощупал скалу вытянутыми вверх руками, видимо, отыскивая зацепки, и полез. Это было поразительно, но он забрался.

Туча захватила вершину Аутки, и над жандармом, опускаясь все ниже, клубились ее зловещие черно-серые лохмотья. Стало очень тревожно. Озеро почернело.

На наших глазах мальчик поймал своего козла за рог и колотил его рукой по бокам. Козел, приседая на задние ноги, соскользнул с жандарма обратно на гребень и остановился там, дожидаясь хозяина. Мы видели, как мальчик осторожно, распластавшись, начал спускаться (а это в лазании по скалам самое трудное и опасное). Мы видели, что на середине пути нога его не нашла опоры, и все тело поползло вниз. Мы все это видели и ничем не могли помочь...

Туча, колыхаясь, опустилась еще ниже и, как занавес, скрыла и жандарм, и мальчика, и козла, и весь гребень. Первые тяжелые капли упали нам на лица, и со страшного низкого неба струями ринулась вода. Она разбивалась о камни, пузырилась в озере, текла по щекам Николая. Он стоял неподвижно, вглядываясь в то место, где недавно были синее небо, белые скалы гребня и этот отважный мальчик.

— Погиб?..— сухо и как-то деревянно спросил он не то у меня, не то у себя.

[1] Жандарм — крутая скала на гребне, преграждающая путь.

— Пойдем,— сказал я, сдувая с губ воду.— Только скорее. Может быть, он еще жив, если ему удалось задержаться на том склоне. Сюда он не падал.

Мы вскинули мокрые рюкзаки. Я взял у Николая этюдник. Чтобы сократить путь, мы, не спускаясь вниз, перелезали через скользкие скалы, перепрыгивали вздувшиеся, ревущие ручьи. Но удивительное дело: Николай ни разу не упал, не оступился. Мы шли наугад, потому что сплошная серая завеса дождя не позволяла видеть ничего дальше нескольких метров. Ветвистые молнии опоясывали низкое небо, и сразу же от страшных ударов грома содрогались горы.

Я не подозревал, что у такого непривычного к невзгодам человека, как Николай, окажется столько энергии. Когда я ненадолго останавливался, чтобы выбрать путь, он торопил меня.

Наконец мы выбрались на тропу, и, хотя по ней неслись нам навстречу мутные потоки, идти стало легче. У перевала дождь ослабел. Гроза уходила куда-то на север. Я достал веревку, и мы, обвязавшись, вступили на гребень Аутки. По мокрым скалам идти надо было очень осторожно. Дождь совсем прекратился, но мы вошли в облако, окутывающее Аутку. Шаг за шагом, с трудом различая лишь место, куда ставить ногу, шли мы по острому гребню. На последнем, особенно опасном участке я остановил Николая. Он мог упасть сам и сорвать с гребня меня. Я еще раньше объяснял ему принципы страховки, а теперь повторил их, перекинул веревку через выступ скалы и сказал:

— Иду.

— Иди,— ответил мне невидимый в тумане Николай.

Жандарм возник из тумана так неожиданно, что я чуть не уткнулся в него. На гребне и на жандарме никого не было. Я попробовал немного спуститься на южный склон. Нога моя нашла опору. В полутора метрах от гребня была узкая полочка, а дальше скала обрывалась вниз так же, как и к озеру. Полка тоже была пуста. Как я ни вглядывался, я не мог различить следы крови. Впрочем, их мог смыть дождь.

В южную долину Николай спускался тяжело. Нервное напряжение покинуло его, он спотыкался. Мы были насквозь мокрые, а становилось холодно. Надо было скорее добраться до леса, развести костер и обогреться.

Тучи понемногу разошлись. Выглянуло вечернее солнце. Оно садилось за горы и уже не грело. Чистая, вымытая дождем трава склонов засверкала. Обрывки облаков ползли над лесом, цепляясь за верхушки пихт. Ушло облако и с Аутки. Она теперь была красной от заходящего солнца.

Внизу, у слияния рек, мы увидели серую драночную крышу и дымок над ней. Это был балаган — так называют здесь временные летние постройки, где живут пастухи.

— Дойдешь? — спросил я у Николая.— Там и обсушимся.

— Дойду,— безразлично сказал он.

В БАЛАГАНЕ

Поднималась ночь. В горах она именно поднимается из ущелий к вершинам, которые первыми встречают солнце и последними с ним прощаются. Сквозь щели в стенах балагана просвечивали лучи красноватого пламени, отчего он казался сказочным и воздушным: вот-вот улетит куда-то.

Мокрая одежда прилипала к телу. Холодный ночной ветерок потянул откуда-то сверху и зашевелил темные лапы пихт. Гром шел из последних сил. Я видел, что он уже и не пытается унять дрожь, которая порывами сотрясала его тело.

«Сейчас, сейчас все кончится,— думали мы.— Постучимся у дверей, попросим приюта». Я забыл, что в горах пришельца всегда встречают собаки. И на этот раз нам навстречу поднялись две черные овчарки величиной с молодого льва, только повыше ростом. Они тихо и поэтому особенно грозно зарычали.

Я сообразил, чем это может кончиться, и уже собирался вместе с художником становиться на четвереньки — таков единственный верный способ озадачить псов и избавиться от их нападения,— но дверь балагана отворилась, и на пороге появился однорукий человек. Он, по-видимому, сразу все понял: и то, что мы устали, и то, что промокли во время недавней грозы.

— Ачх! — негромко крикнул он собакам, и те виновато, но недовольно отвернули свои страшные морды в сторону.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал нам однорукий.— Заходите, гостями будете. Устали, конечно, в горы ходить.

В балагане жарко горел костер. Три девушки, обнявшись, сидели на лежанке. В глубине, на такой же лежанке, кто-то спал, укрытый с головой черной буркой.

На стене висело ружье, слева в углу поблескивали молочные бидоны. Старик абхазец с горбатым носом, повязанный башлыком, дремал у огня, сидя на пихтовом чурбане.

Чабаны знают, что усталым людям не до разговоров. Никто ни о чем нас не расспрашивал.

Дядя Ваня, человек лет пятидесяти, давно не бритый, молча подгреб под железный таганок угли, достал сковородку и вытащил из-под ближайшей лежанки таз со свежей форелью.

Пока форель жарилась, одна из девушек налила нам в миски кислого молока — мацони, отрезала полкруга овечьего сыра.

— Кушайте, пожалуйста,— приветливо улыбнулась она.

Мы поели и легли. Я слышал, как шлепнулась на рюкзак мокрая одежда Николая. Он повозился под буркой, которую ему дали вместо одеяла, повздыхал и затих. Меня устроили на широкой постели дяди Вани. Она стояла в углу у стены, и, лежа, я видел весь балаган.

Однорукий ловко подкатил к огню бидон с молоком. Огромная тень заметалась по стенам и нарам. «Сыр будет делать»,— подумал я.

От костра веяло теплом. Приятная истома разливалась по согревшемуся телу. Пряно пахли пучки чебреца и каких-то других трав, развешанных на стене надо мной. Я закрывал глаза, и запахи альпийских лугов вызывали в воображении солнечный день, пышущие жаром склоны. Несколько минут я спал, потом просыпался и видел того же дремлющего старика, тот же дым, уносящийся к отверстию в крыше, однорукого, склонившегося над бидоном. Он спрашивал у дяди Вани:

— Скажи, пожалуйста, почему ты решил бороду растить?

— Внуки пошли,— отвечал дядя Ваня, улыбаясь.— Подросли и говорят: «У всех деды как деды, а у тебя и бороды нет. Какой ты дед?» Вот, Жаца. Теперь отпускаю бороду. Понял?

— Эге,— рассмеялся однорукий,— в твоей семье критика оч-чень сильно развита!..

— Да, уж развита, это точно.

Веки у меня слипались. Последние слова я слушал сквозь сон. Перед глазами вставала стена Аутки с колыхающейся над ней грозовой тучей... «Жаца, Жаца...— вспоминал я.— Почему это имя мне так знакомо?»

Среди ночи меня разбудил крик.

— Аа-ля-ля-ля-ляаа! — отчаянно кричал кто-то возле балагана.

Голос был звонкий, но в нем слышалась угроза. Я приподнялся на нарах и прислушался. Все стихло. Никто не пошевелился в балагане. Костер давно потух, лишь сквозь золу и пепел кое-где просвечивали красные огоньки углей. В щели пробивался яркий лунный свет и ложился полосами на нары вдоль стен. «Луна стоит высоко,— значит, поздно»,— подумал я. То, что никто, кроме меня, не проснулся, было удивительно. А может быть, крика и не было? Может быть, он мне почудился?

Я прилег на локоть, чтобы снова забраться под теплую бурку, но вдруг крик повторился, а следом за ним бухнул выстрел.

Уже ни о чем не раздумывая, я сунул босые ноги в свои мокрые ботинки, схватил ледоруб и выбежал из балагана.

Тихо... Трава блестит от росы. Темные пихты спокойно стоят, залитые лунным светом. Вниз уходит черное ущелье, исчезая вдали в синем ночном тумане...

Грустно и шумно вздохнула одна из коров и удивленно повернула ко мне голову: мол, что случилось, зачем так быстро куда-то бежать?

Я завернул за угол балагана и столкнулся нос к носу с мальчиком. Он держал в руках ружье.

— Это ты...— сурово начал я, но остановился. Уж очень знакомыми были это лукавое лицо и лохматая голова, точно такая же, какой я ее видел два года назад.— Виссарион?!

— Э,— улыбнулся Виссарион,— здравствуй! Два года одно письмо писал? Нехорошо.

Это была правда. Я смутился.

— Но ты, Виссарион, тоже написал мне только одно письмо!

Я завернул за угол и столкнулся с мальчиком.

— А ты сколько раз быстрей меня пишешь? — быстро спросил он.

— Ну, ладно,— сознался я,— виноват. А зачем ты кричал и стрелял?

— Медведи ходят,— таинственно сказал Виссарион.— Кругом ходят, теленка кушать хотят. Мы каждую ночь кричим, медведя пугаем.— Виссарион погладил ружье и вздохнул.— Стреляем редко. Патронов мало. Но сегодня медведь близко ходил. Слышал? Сучья трещали. Совсем рядом.

Я ничего не слышал, но молча согласился. Если очень хочется выстрелить, медведь всегда кажется гораздо ближе, чем на самом деле.

Мы вместе вернулись в балаган. Виссарион вежливо пропустил меня вперед, как старшего и гостя. Забираясь на свое ложе рядом с дядей Ваней, я сообразил, что Виссарион-то и мог быть тем самым мальчишкой на Аутке.

— Виссарион,— спросил я у темноты,— ты спишь?

Молчание было мне ответом.

Мы с Николаем проснулись рано, но в балагане уже никого не было. Художник в одних трусах заглядывал по очереди под все лежанки.

— Понимаешь,— смущенно сказал он,— штанов нет.

— Как это нет? — изумился я.

— Так, нету, и все.

— Не может быть! Кому нужны твои штаны? Ищи как следует.

Мы обшарили весь балаган, но штанов действительно не было.

— Ладно,— сказал я,— пойдем умоемся. Потом спросим.

Старик-абхазец сидел на солнцепеке у входа и топором выдалбливал из букового чурбана кадушку для масла. Вдалеке Нюся, Муся и Нина в белых халатах доили коров.

— Здравствуй, отец,— сказал я.— Вот штаны у товарища пропали.

Старик поднял голову, и в его выцветших глазах мне почудилась усмешка.

— Нехорошо. Человеку без штанов нельзя.

— А вы их не видели? — с надеждой спросил Николай.

— Нет.

Николай вздохнул и безнадежно махнул рукой...

Нападение было совершено, когда мы, согнувшись, умывались рядом в сверкающем белой пеной холодном ручье.

Удар пришелся Николаю с тыла, и он, не удержавшись, распластался в воде, окатив меня брызгами.

Он яростно вскочил, выхватив из ручья увесистый булыжник. Но враг тоже не собирался отступать. Нагнув рогатую голову, он выжидающе застыл на берегу, готовый к следующей атаке. Я видел, как на лице Николая мгновенно сменились выражения гнева, удивления и радости. Да, радости. Один рог у козла был сломан. Значит, это тот самый козел! Его мы вчера видели на гребне Аутки. А Виссарион, бегущий к нам на помощь с палкой в руке,— тот самый мальчик, которого мы считали погибшим.

— Ачх, ачх, ачх!.. Будешь? Будешь?.. Эта козел называется Шайтан, по-русски черт,— объяснил нам Виссарион, когда Шайтану удалось наконец вырваться и галопом взлететь на огромный камень, где он, по-видимому, почувствовал себя вне опасности.

— Паршивое животное,— сказал Гром.

— Он поступил неправильно,— согласился Виссарион, взглянув на художника.— Гостя обидел. А вообще, конечно, это хороший козел. Все козы выполняют его распоряжения. Шайтан — мой заместитель. Понимаешь?

Виссарион взглядом просил моего сочув-

ствия. Как-никак, я был его старым знакомым.

Теперь, когда все разъяснилось, Николай повеселел, несмотря на то, что у него побаливало ушибленное место.

— Ты смотри, какое сочетание красок! — говорил он, пока мы приближались к балагану.— Синее небо и белые снега. Темные пихты и ручей. Ты видишь? А воздух?! А пятна коров на зелени?! И сам балаган с этим столетним мудрым стариком. А мальчик?! Ты чувствуешь, как это здорово?..

— Подожди,— сказал я, останавливаясь.— Вот твои штаны, висят на дереве. Только твои ли? Уж больно чистые.

Штаны были еще сырые, но Гром надел их, виновато улыбаясь. Ему было стыдно, что он заподозрил, будто их могли присвоить.

— Ведь я даже не просил никого. Кто их выстирал?

Виссарион отказался с нами завтракать: он уже поел с чабанами,— но не отказался от слипшихся конфет, которые нашлись в кармане моего рюкзака. Набив ими рот, Виссарион вертел ручку сепаратора. В один бидон лилась тонкая струйка желтых сливок, в другой — синеватая струя снятого молока. Видимо, какая-то мысль мучила Виссариона. Он поглядывал на нас и языком переворачивал во рту конфеты.

— Ты много ходишь,— наконец проговорил он.— Все видишь. Книжки много читал. Скажи: скоро нам электричество сделают?

— Что, ручку вертеть надоело? — спросил Гром.

— Конечно,— невозмутимо ответил Виссарион.— На будущий год коров будет много, еще год — еще больше. Три сепаратора надо. Кто будет ручки крутить? Кто будет коров пасти? Электричество есть — включил, повернул, вжж — готово! Получай сливки — делай масло. Ручки крутить машина может,— заключил он.

— Это трудно,— уклончиво ответил я, представляя себе, как поведут сюда по кручам линию передачи. И тут же подумал, что не первый десяток лет хожу по горам, но в первый раз слышу, чтобы на верхних пастбищах, где, казалось, жизнь и работа чабанов идет так, как она шла сотни лет тому назад, вдруг появилась мысль об электричестве.

— Знаешь, Виссарион, раз это нужно, будет и у вас электричество.

Мы должны были идти к Алмазному водопаду, о котором Гром мечтал еще в начале нашего путешествия. После Священного озера у художника оставался один-единственный чистый картон, на котором он и собирался изобразить водопад. Я остался в балагане и принялся перезаряжать фотоаппарат. Гром выбрался наружу — приводить в порядок промокшее содержимое своего этюдника. Виссарион тоже исчез.

Было спокойно, как бывает в доме, из которого все ушли на работу. Слышалось легкое тюканье топора. Это старик по-прежнему долбил свою кадушку. В приоткрытую дверь вливалось солнце и задувал ветерок, поднимая пепел в погасшем костре. Я провозился долго, и когда вышел, ни художника, ни Виссариона поблизости не было.

Я присел возле старика и молча наблюдал за его работой. Глядя на его сухие коричневые руки со вздувшимися венами и крючковатыми пальцами, я понял: этот человек, работавший всю свою долгую жизнь, не может не работать и сейчас. Виссарион мне сказал, что дедушка Анхо был знаменитым чабаном. Он лучше всех знает, где надо пасти коров, где овец, где лошадей, и каждый раз весной уходит со всеми в горы, хотя дети, внуки и правнуки и просят его оставаться дома. Ведь путь в горы нелегкий.

— Скажи, отец,— спросил я.— Мальчик один пасет стадо — это хорошо?

Старик поднял голову и посмотрел на противоположный склон ручья, где я разглядел

Старик-абхазец сидел на солнцепеке и топором выдалбливал из букового чурбана кадушку для масла.

белые штаны художника и черную фигурку Виссариона.

— Храбрый мальчик, горы знает, хорошо!

— Но ведь он мог погибнуть?

И я рассказал дедушке Анхо о том, что мы видели вчера.

— Есть в горах один закон,— медленно, с раздумьем, будто вспоминая что-то, сказал старик.— Трусом быть — лучше погибнуть.

Мы говорили со стариком еще довольно долго. Солнце начало припекать: близился полдень. Я встал и пошел к художнику. Он рисовал. Удерживая около себя Шайтана, Виссарион позировал. Эту задачу он, очевидно, понимал по-своему. Грудь его была выпячена, глаза вытаращены, и смотрел он ими, не мигая, прямо перед собой.

Зато Шайтан не придавал значения важности происходящего и все время порывался освободиться. Стараясь не изменять выражения своего окаменевшего лица, Виссарион ругался:

— Эа!.. Глупая животная! Стой смирно, как солдат на карауле. Картину испортишь.

Я заглянул в этюдник. Среди еще неопределенных белых, серых и зеленых пятен, которые должны были изображать Шайтана, снега, зеленые склоны, балаганы и серые скалы, выделялось живое и лукавое лицо Виссариона. Я поразился: тот Виссарион, который стоял сейчас перед нами, гораздо меньше походил на себя, чем созданный художником.

Когда сеанс кончился, Виссарион отпустил Шайтана, подошел к нам и долго стоял перед этюдником.

Гром ждал приговора своему произведению. Наконец Виссарион сокрушенно сказал:

— Сколько тысяч раз надо кистью мазать, чтобы такая картина получилась! Ай-яй-яй!

Обиженный художник озадаченно посмотрел на меня и буркнул:

— Дело не в количестве!

— Конечно,— вежливо согласился Виссарион.— Ты сколько лет учился?

— Много,— ответил Гром.— Всю жизнь.

— Это я понимаю. Оч-чень сложная работа. Правильно? Машина не сделает?

Художник кивнул головой.

Я сказал Николаю:

— Это ведь твой последний картон. А как же водопад?

— Водопад, водопад! — рассердился он.— Человек все-таки лучше!

После обеда мы попрощались со всеми обитателями балагана и Шайтаном и вышли в путь. Виссарион нас провожал. Через плечо у него висел на ремне мой подарок — подзорная труба. Время от времени он останавливался, чтобы посмотреть в нее, но уже не перевертывал, как раньше.

— Смотри! — кричал он мне.— Жаца молоко в балаган несет! А туда посмотри: Аутка — рукой достать можно!

Но вот у кладки через речку наступила минута прощания, и Виссарион присмирел.

— Опять писать не будешь? — печально спросил он.

— Ну что ты, Виссарион,— смутился я,— конечно, буду!

— Смотри...

Он отвернулся, должно быть, для того, чтобы скрыть слезы, но вдруг резко и повелительно сказал:

— Сахарр давай!..

Брови у Николая поднялись. Я тоже опешил от такого категорического распоряжения, но, подчиняясь, быстро достал из кармана рюкзака несколько кусков сахару.

Виссарион схватил их и что есть духу побежал по склону.

Наперерез ему спускался к балагану табун лошадей.

Вольность и сдерживаемая сила чувствовались в их легкой побежке, гордо изогнутых шеях, распущенных по ветру гривах и хвостах. Они не шли, а будто плавно летели, едва касаясь земли копытами.

— Ах, черт побери! — восхищенно сказал Николай.— Ну и кони!

Когда Виссарион подбежал к табуну, его сразу же обступили длинноногие жеребята.

— Пойдем,— проговорил Николай.— Ему теперь не до нас.

С полчаса мы спускались лесом, но потом тропа вышла на открытую площадку, нависающую над рекой.

С нее мы снова увидели далеко вверху серую крышу и стены балагана. Маленькая фигурка стояла на камне и смотрела в нашу сторону, приложив к глазам подзорную трубу.

Навстречу шторму

В. Успенский

Рисунки А. Кокорина.

— На берег пойдешь, сынок?

— Нет,— буркнул Петя.

— Что так?

— А чего я там не видал!

— Дело хозяйское. Тогда оставайся вахтенным. Уж заодно...

— Ладно, уходите,— хмуро отозвался Петя. Он был явно не в духе.

Экипаж рыболовного бота «Краб»— четыре человека, не считая Пети Бабкина,— имел в общей сложности сто два года морского стажа. И капитан Павел Павлович, рослый старик с моржовыми усами, и старший моторист, и остальные члены команды были пожилыми, видавшими виды рыбаками. А Петя мог прибавить к ста двум годам всего-навсего неполных шесть месяцев. Он лишь весной окончил мореходное училище, и «Краб» был первым судном в его послужном списке.

Да, сейчас Петя Бабкин был явно не в духе. Во-первых, на берегу, в рыбачьем поселке, сегодня действительно нечего делать; даже кино не будет. Во-вторых, это злосчастное прозвище «сынок»... На боте все звали его так, но именно потому, что Петя годился в сыновья любому из четырех членов команды, он воспринимал это прозвище как оскорбительный намек на свою крайнюю юность. Худенький, узкоплечий, он выглядел даже моложе своего и без того совсем не солидного возраста. Это очень его огорчало.

— Сынок, трави якорь... Сынок, готовь сеть... Сынок, скати палубу... Сынок, отдай чалку...— то и дело слышалось на «Крабе», и никто из старых рыбаков не подозревал, как страдает Петино самолюбие.

«Краб» находился под разгрузкой. В трюм опустили два шланга. Через один шланг электромотор гнал воду в отсек, наполненный рыбой. Второй шланг всасывал воду вместе с рыбой и выбрасывал ее на непрерывную сетчатую ленту транспортера. Шлепая по роликам и отцеживая на ходу воду, лента несла рыбу в бункер.

После полудня бот отошел от причала и бросил якорь в полукилометре от берега, в просторной, открытой с моря бухте. Вся команда собиралась на берег.

Капитан Павел Павлович садился в тузик последним. Он набил табаком короткую трубку. Пальцы у него были такие толстые и крепкие, что казалось, трубка вот-вот хрустнет в его руке.

— Мотор подготовь. С утра на лов выйдем,— приказал он юноше.

— Есть подготовить...

На борту время тянулось медленно. Осенний день был пасмурен и холодноват. Над водой с резкими криками носились чайки. Бабкин попытался представить себе, что делает сейчас Павел Павлович; сидит, наверно, дома и пьет крепкий чай. Потом Петя стал думать о своей семье, которая жила в городе,

где Петя окончил мореходную школу. Мама сейчас, конечно, хлопочет с обедом, а братишка вертится около нее.

Петя спустился в машинное отделение, проверил мотор. Потом почистил картошку на ужин.

С северо-запада, из «гнилого угла», задул ветер, по воде потянулись длинные полоски ряби. Над потемневшим заливом неслись низкие лохматые тучи, сыпали мелким косым дождем. «Краб» начало покачивать.

Обычно в такую погоду капитан уводил бот в соседнюю бухту, лучше защищенную от волн и ветра. Петя с тревогой посматривал на высокий скалистый берег, возле которого, вскипая белой пеной, бился прибой. Уж Павел Павлович наверняка заметил, что погода портится. А раз заметил, значит, поторопится с возвращением.

Ветер крепчал с каждой минутой. Море покрылось островерхими волнами. Они росли, увеличивались на глазах.

Петя увидел рыбаков, бежавших вдоль берега туда, где стоял тузик. Бабкин обрадовался, но вскоре тревога снова овладела им. Он видел, как рыбаки протащили тузик поглубже в море и вскочили в него. Но волна тотчас отбросила легкую лодку назад, к берегу.

После второй попытки тузику удалось перебраться за линию прибоя. Рыбаки работали веслами изо всех сил, но ветер относил тузик обратно. Эта борьба продолжалась минут десять.

Ухватившись рукой за дверь рубки, Петя не спускал глаз с лодки. Вот ее снова потащило назад. Высокий вал швырнул ее к скалам, навалился, подмял под себя. Когда вал отхлынул, тузика уже не было. Среди волн чернели головы рыбаков.

Потом Петя увидел их всех на скале. Даже сквозь частую серую сетку дождя он различал могучую, высокую фигуру капитана.

— Пал Па-а-лыч!— закричал Бабкин, но ветер скомкал, смял и унес в сторону его слова.

Что же делать? Помощи ждать неоткуда. На лодке до «Краба» уже не добраться. Петя был один. От него зависела теперь судьба бота.

— Мотор подготовь. С утра на лов выйдем.

«Может, попробовать пройти в ту бухту?»— подумал Бабкин. Вначале эта мысль понравилась ему. Но нет! Даже сам Павел Павлович не решился бы сделать это во время шторма. Пролив узок, в нем есть рифы. Наверняка разобьешь судно о камни.

Широкий высокобортный «Краб» хорошо держался на волне. Его развернуло носом к ветру, и острый форштевень распарывал идущие на него волны. Ветер срывал с них гребни, растягивая кружево пены по воде и наполняя воздух солеными брызгами.

«Краб» дергался на якорном тросе всякий раз, когда его поднимало волной. Рывки все усиливались, корпус трещал.

Начало темнеть, когда Бабкин вдруг заметил, что бот дрейфует. Якорь уже не мог удерживать судно, он скользил по дну. Гонимый ветром и волнами, «Краб» понемногу приближался к берегу, туда, где вода с грохотом обрушивалась на скалы. Еще двадцать минут, от силы полчаса,— и бот ударится о камни. Проломится деревянная обшивка... А к утру ничего не останется от лучшего судна станции. Только где-нибудь на низком берегу выбросит волнами пробковые матрацы да изломанные доски.

Со стороны причала время от времени взлетали ракеты. Люди беспокоились, ждали от Бабкина каких-то действий. Но что можно сделать одному?

В голове пронеслась мысль. Она показалась настолько дерзкой, что Петя отогнал ее. Но мысль возвращалась снова и снова. Бабкин не раз слышал рассказы о рыбаках, застигнутых штормом в море. Они разворачивали свои суда навстречу волнам, ветру и шли вперед. Шли столько времени, сколько бушевал шторм... Правда, там была вся команда, а здесь Петя один...

Но раздумывать было некогда. Рев прибоя слышался уже совсем близко. «Пойду!»— решил Бабкин. Закрепив штурвал, Петя спустился в машинное отделение, запустил двигатель, дал ход и, взяв топор, несколькими ударами перерубил трос.

«Краб» двигался медленно. Пришлось еще раз спуститься к машине и дать самый полный вперед. Двигатель взревел, корпус «Краба» задрожал, словно в лихорадке.

Теперь пути назад не было. Оставалось одно: идти в море. Бабкин встал к штурвалу.

Опустилась ночь, темная, беззвездная. Петя давно уже не видел берега, и только по усилившейся качке понял, что «Краб» вышел в открытое море. Теперь бот швыряло во все стороны, вода то и дело захлестывала палубу.

Мотор под палубой гудел напряженно, с надрывом. Казалось, он не выдержит бешеного темпа, сорвется, заглохнет. Бабкин закрепил штурвал и открыл дверь рубки. Ветер вырвал ее из рук, откинул, с силой бросил назад. Получив удар в плечо, Петя отлетел в угол, но тотчас вскочил и выбрался из рубки. Цепляясь за все, что попадалось под руку, он на четвереньках добрался до люка машинного отделения.

В машинном отделении горела электрическая лампочка. Под ногами плескала вода. Ее было еще не очень много, по щиколотку, но при качке она устремлялась от борта к борту, увеличивая и без того большой крен. Петя уменьшил обороты двигателя, запустил помпу. Ему хотелось посидеть несколько минут в тепле, отдохнуть, собраться с мыслями. Но «Краб» раскачивался с такой силой, что было ясно: его развернуло бортом к волне. Бабкин снова бросился в штурвальную рубку.

О радио Петя вспомнил случайно. Он зашел в каюту капитана взять бинт, чтобы перевязать рассеченную руку, и тут увидел на столе рацию.

Забыв про бинт, он включил ее и надел наушники. В наушниках тотчас послышался треск, свист, писк. Петя медленно вращал ручку настройки. Зазвучала музыка, далекий, невнятный говор, быстрая россыпь радиотелеграфных сигналов. Петя уже не чувствовал себя одиноким на маленьком боте среди беснующегося моря. Может быть, в этом хаосе сигналов и о нем ведут сейчас переговоры на своем быстром языке радисты гаваней и судов.

Бабкин взялся за ключ и принялся выбивать сигналы. Три точки. Три тире. Три точки... Работал он медленно, с большими паузами. Левой рукой он, борясь с качкой, держался за стол, чтобы не упасть, а правой выстукивал одно и то же: три точки, три тире, три точки: «SOS! SOS! SOS!». Петя передал сигнал десять, двадцать, может быть, полсотни раз, радуясь тому, что кто-то сейчас слышит его призыв о помощи...

Что было потом, Петя помнил смутно. В машинное отделение прибывала вода. Приходилось то и дело пробираться от штурвальной рубки к мотору. Там Бабкин поправлял всасывающий шланг помпы и снова возвращался в рубку. А через несколько минут снова нужно было спускаться в машинное отделение. От качки шланг болтался из стороны в сторону, попадал на сухое место, и помпа начинала работать вхолостую... Несколько раз Петю окатывало с ног до головы, два-

жды он, потеряв равновесие, летел на палубу.

Пете хотелось снова включить приемник, снова почувствовать, что он не одинок в разъяренном море, но теперь это было уже невозможно. И Петя продолжал нескончаемые рейсы по мокрой, скользкой палубе от машины к штурвалу и обратно. Маленький корабль, упрямо карабкаясь с волны на волну, шел в черную ночь, навстречу шторму.

* * *

По расчету капитан-лейтенанта Рымова, до базы оставалось еще часа три. Тральщик шел полным ходом, тяжело переваливаясь с борта на борт. В антенне жалобно, на высокой ноте выл ветер, и по этому звуку Рымов без помощи приборов знал, что шторм уже достиг семи—восьми баллов.

Во втором часу ночи на мостик прибежал командир отделения радистов Астахов.

— Сигнал бедствия,— доложил Астахов.— Радиостанция маломощная, работает плохо!

— Координаты?

— Не переданы. Выстукивают только «SOS!»

— Возьмите пеленг,— приказал Рымов.

Когда Астахов сообщил пеленг, капитан-лейтенант приказал:

— Радируйте на базу: терпит бедствие неизвестное судно. Идем к нему.

Тральщик изменил курс и пошел к мысу Бурунному. Где-то в том направлении, на прямой, протянувшейся от корабля, находилось судно, просившее помощи.

Рымов то и дело спрашивал радистов по переговорной трубе, не повторяются ли сигналы бедствия. Но радиостанция неизвестного судна замолчала. Пусто было и на экране радиолокационной установки.

Ночь близилась к концу, небо на востоке чуть посветлело, когда тральщик вышел на траверз мыса Бурунного, никого не встретив на пути. Рымов хотел уже было ложиться на обратный курс, как вдруг радиометрист доложил, что радиолокатор показывает какое-то препятствие впереди. Капитан-лейтенант бросился к карте. По курсу корабля не было никаких островов, берег лежал далеко справа.

Включили прожектор. Луч света гигантским лезвием рассек темноту. Капитан-лейтенант вскинул к глазам бинокль. Далеко впереди среди волн то появлялась, то исчезала темная точка. Луч прожектора уперся в нее и не выпускал из вида.

— Рыбацкий бот!— доложил сигнальщик.

Когда тральщик приблизился, глазам капитан-лейтенанта открылось печальное зрелище. Мачта бота была сломана. Волны трепали его, как пустую бочку, иногда накрывая совсем.

Рымов направил тральщик с наветренной стороны, чтобы закрыть бот от волн и ветра. Вдоль борта встали матросы с кранцами в руках. Но при такой качке кранцы были плохой защитой от удара. Поэтому капитан-лейтенант только сбавил ход, проводя тральщик мимо. Этого было достаточно, чтобы на палубу бота прыгнули с хода четверо: лейтенант Никифоров и трое матросов.

Тральщик, проскочив, развернулся и минут через десять вновь приблизился к боту. С него на борт тральщика перебрались двое. Один поднялся на мостик к командиру.

— Лейтенант Никифоров просил передать, что бот пойдет своим ходом. Двигатель в порядке,— доложил матрос.

— А команда?— спросил Рымов.

— Команда, товарищ капитан-лейтенант, на берегу. На боте был один человек. У него тяжелые ушибы. Он сейчас со мной перебрался к нам. Фельдшер делает перевязку.

— Один?— удивился Рымов.— И у руля и в машине один стоял?

— Так точно!— подтвердил матрос.

Капитан-лейтенант спустился с мостика и вошел в кают-компанию. На кожаном диване сидел худенький, бледный паренек. Голова его была забинтована, на плечи накинут чей-то бушлат.

— Это тебя сняли с бота?

— Меня,—приподнимаясь, ответил юноша.

— Сиди, сиди!— Рымов опустился на стул, снял фуражку.— Ну и история у тебя! Я, брат, с детства на море, а в такие переплеты не попадал...

* * *

Ожидая, пока утихнет шторм, «Краб» два дня простоял в порту. На третьи сутки Петя повел его в бухту, где находился рыбозавод. На борту были два матроса, выделенные ему в помощь капитан-лейтенантом.

Толпу людей, собравшихся на берегу, Бабкин увидел издали, и едва он, прихрамывая, сбежал по трапу на деревянный настил рыбацкой пристани, как сразу попал в медвежьи объятия капитана.

— Спасибо, Петя!— сказал капитан.— Дай-ка я поцелую тебя, сынок!

Павел Павлович сказал «сынок» громко, при всем народе. Но почему-то Пете на этот раз было даже приятно слышать это «обидное» слово.

Джон Моррисон

НОЧНОЙ человек

Рисунки В. Цельмера.

Конечно, я слышал его и раньше, до того, как все это произошло. В детстве запоминаешь уйму всяких мелочей, над которыми и не задумываешься по-настоящему, пока не случится что-нибудь, что заставит обратить на них внимание. Из таких вот маленьких открытий и состоит наше детство — это великое путешествие в жизнь. Одно открытие причиняет боль, другое—нет. Все зависит от того, чего вы ждали, от того, рушилось ли ваше представление о чем-то или стало самой жизнью. Я вспоминаю два моих ранних открытия: что Санта Клаус был ненастоящий, а Ночной Человек настоящий. Первое огорчило меня, второе заставило забыть об огорчении и вдохнуло в меня веру, которая жива и по сей день.

Я был тогда совсем маленьким, не помню даже, сколько мне было от роду. Я только что оправился от болезни, и после нескольких недель, проведенных в большой спальне под надзором матери, меня снова перенесли в мою маленькую детскую. В ней было окно, в которое я мог видеть всю нашу переднюю веранду, настоящую австралийскую веранду: когда ты идешь по ней, половицы ужасающе скрипят. Доски веранды выгорели, столбы облезли. Спереди веранду закрывала буйно вьющаяся зелень, но веранда выходила на восток и с утра хорошо прогревалась солнцем. Она всегда была устлана опавшими лепестками жасмина, бугенвилеи, розы, глицинии — не успевал опуститься один лепесток, как вслед за ним уже летел другой. Моя кровать стояла у самого окна. Я лежал и смотрел, как скользили по солнечным бликам коричневые ящерицы. Шорох их беготни спугивал майн, клевавших спелые винные ягоды с ветки, которая свешивалась на ступеньки веранды.

У нас был старый ирландский сеттер, он тоже составлял мне компанию. Он мчался сломя голову, как только отец спускал его утром, и совал на подоконник большой мокрый нос, чтобы удостовериться, что я на своем месте. Потом до конца дня он лежал возле окна и, заслышав малейший шорох с моей кровати, колотил хвостом по сухим выветренным доскам веранды.

Хорошие это были дни! Но настоящую жизнь вдохнул в них Ночной Человек. Я столько отдыхал и спал, что стал очень легко просыпаться. Правда, только на мгновение, как пробуждается ребенок: повернется, пробормочет что-то и снова окунется в сон. Через день или два я заметил, что, проснувшись, я всегда думаю об одном и том же: что это звякает ночью? Днем я не раз вспоминал об этом, вспоминал и вечером, когда меня укладывали спать. Я никого ни о чем не спросил, потому что вовсе не боялся,— просто мне было любопытно. Может быть, я уже смутно понимал, что это такое. Но одно то, что я думал об этом, когда ложился спать, значило, что подсознательно я ждал этих ночных звуков.

Я почти совсем выздоровел тогда, а здорового ребенка мимолетный звук разбудит лишь на секунду. Но на следующее утро я уже знал, в чем тут дело. Я понял все в ту минуту, когда выглянул в окно и увидел голубой эмалированный бидон на верхней сту-

пеньке веранды. С этой минуты тайна перестала быть ночными звуками, а стала Ночным Человеком. Более того, она уже не была тайной, она стала приключением.

Я никому ничего не сказал. У меня только что рушилась одна из чудесных иллюзий. Я потерял веру в то, что взрослые всегда говорят правду. Сказка о Санта Клаусе была разоблачена. Случилось это во время депрессии, когда Санта Клаусы нанимались за шесть пенсов в час в каждую лавчонку. В те дни, когда многие дети не могли купить и грошовой игрушки, в изобилии появились эти волшебные рождественские раздатчики игрушек. Даже мои ребячьи глаза отметили, как неестественно выглядят исхудалые лица над пушистыми белыми бородами и потрепанные брюки, выглядывающие из-под красных балахонов.

Ночного Человека я решил раскусить сам. Я, конечно, давно уже знал, что молоко не льется с неба, а имеет какое-то неясное отношение к «молочнику». Но «молочник» было для меня всего лишь словом; я еще не дошел до того, чтобы облечь его в человеческий вид, еще даже не задумывался, какой он. Но ведь звуки сами по себе не рождаются, и молоко само не льется в бидон, и теперь я очень хорошо знал, что́ именно заставляло меня просыпаться среди ночи. Я твердо решил сам открыть, что это за штука такая — «молочник».

Вначале я решил не засыпать с вечера, но это мне никак не удавалось. Тогда я попытался проснуться в тот момент, когда «он» приходил. Так вышло лучше. Когда при первом звуке сдвинутого бидона я, вытянувшись, сел на постели, была глубокая ночь. Окно было открыто, но крыльцо находилось посередине веранды, на расстоянии примерно пяти ярдов, и я не мог ничего разглядеть. Зато я уловил малейшее «его» движение. Вот «он» снял с бидона крышку, положил ее рядом на веранду, зачерпнул семь раз из большого ведра, налил семь раз в бидон, накрыл его крышкой, повесил ковш, закрыл крышку ведра и ушел. Я услышал его быстро удаляющиеся по садовой дорожке шаги, приглушенный стук деревянной калитки, потом тронулась с места лошадь, и тележка покатилась по дороге.

В первую ночь кое-что было еще неясно. Но за три ночи я полностью изучил все, что он делал. Это уже был не таинственный «он»; это был человек. А с ним была лошадь, и тележка тоже принимала в этом участие. Иногда он разговаривал с лошадью. Я узнал ее имя — Лысый. Я решил, что это хорошее имя, смешное и ласковое. Такое же, как имя нашей собаки—Хмурый. После его отъезда я долго старался представить себе, как выглядят Ночной Человек и Лысый. Мне нравилось слушать плеск молока, льющегося в бидон. Я сосчитал его шаги до калитки и старался отгадать, у какого следующего дома он остановится на нашей улице. Я обнаружил, что он всегда приходит перед рассветом; часто уже пробивались первые блики утра, когда я снова засыпал. Однажды, когда он пришел немного позднее обычного, я был в восторге: я увидел его, частичку его, во всяком случае. К несчастью для меня, бидон всегда ставили к столбу крыльца так, что ему не надо было подниматься: он доставал бидон, стоя на нижней ступеньке. Еще только начинало светать, но я увидел его руки, когда он ставил бидон на место и закрывал крышку. Не могу сказать, большие были руки или маленькие, белые или коричневые, но это были настоящие руки. Они удостоверили его реальность, а остальное неважно. Я начал молить о том, чтобы хоть раз рассвет запоздал и я увидел бы еще что-нибудь.

Мне ни разу не приходило в голову, что Ночной Человек появляется не всегда в одно и то же время. Все, связанное с ним, было таким прочно установившимся! Как же мог я усомниться в точности часа его прихода? Звуки, которые я слышал, когда он приходил, были всегда одинаковы и чередовались в одной и той же последовательности. И всплеск молока и число шагов до калитки — всегда все было одинаково. Даже в ту ночь, когда шел дождь.

Я был в страшном беспокойстве в ту ночь. Я понимал, что дождь может нарушить обычный порядок. Но Ночной Человек пришел, и я чуть было не завопил от восторга и веры в него. Он стал героем. Он был гораздо лучше Санта Клауса и всяких других волшебников, о которых мне всегда рассказывали. Он никогда не разочаровывал. Все остальное кончалось, исчезало или менялось, но Ночной Человек был вечен.

Он стал главным в моей детской жизни. Половину дня я думал о нем и, мечтая о нем, укладывался спать. О нем и о Лысом. Мне ясно представлялся большой человек с добрым лицом, сидящий на чудесной, ярко разрисованной тележке, впереди которой шагала смешная лысая лошадь. Я научился просыпаться в тот момент, когда он ступал на нижнюю ступеньку веранды, а затем стал просыпаться раньше,— когда он шел по тропинке, потом, когда он открывал калитку. В конце концов, каждую ночь я в волнении

сидел на кровати, ожидая той минуты, когда протрусит по улице Лысый.

И вот настал день, о котором я молил, день, когда весь небосвод сместился. Что-то случилось с солнцем, луной и звездами, и Ночной Человек пришел средь бела дня. Сейчас я знаю, что ему, наверно, нездоровилось или у него были какие-то неприятности, а может, у него родился сын, но подобные объяснения не удовлетворили бы меня тогда. Да дело было и не в объяснениях. Он пришел средь бела дня — все остальное не имело значения.

Я ждал его бесконечно долго и чуть не заплакал от счастья, когда музыка цоканья копыт Лысого заставила меня выскочить из постели. Не каждое утро вам достается такой рассвет! Скорее вон из постели! И не первый раз в это утро, конечно. Я уже вставал один раз, чтобы удостовериться, что молочный бидон пуст, и с того момента меня раздирали самые противоречивые чувства: страх, что он не придет вовсе, и сомнение в том, что я увижу его, если он придет.

Все получилось чудесно. Дверь из моей комнатки открывалась в коридор, который вел в кухню. Мне пришлось пробежать через весь дом по коридору и кухне, сбежать по крыльцу задней веранды и обогнуть дом по дорожке вдоль забора. Я мчался босиком, в ночной рубашке, но было прекрасное солнечное утро, и дорожка была совсем сухая. Хмурый чуть не своротил с места свою конуру, когда я пулей пролетел мимо, но я даже не заметил его. Для такой атаки с фланга была причина: с Ночным Человеком я мог встретиться у передней веранды, но тогда за деревьями сада я не увидел бы лошади. Мне нужна была лошадь, я еще никогда не видел лысой лошади.

Он быстро сделал свое дело, этот парень, но недостаточно быстро. Он уже налил бидон, а я еще только успел обогнуть дом. Но зато я первым подбежал к калитке. И здесь

Он остановился, протянул длинную загорелую руку и потрепал меня по голове.

я столкнулся с ним лицом к лицу — с моим Ночным Человеком.

Нет, он не разочаровал меня. Он и вправду был высокий, молодой, без шляпы, волосы у него были светлые, и он улыбался. Всё, как я представлял себе. Я хотел что-нибудь сказать, но слова застряли у меня в горле. Зато он заговорил! Он даже дотронулся до меня. Я встал на газоне, что шел вдоль дорожки, чтобы не помешать ему пройти. Но он остановился, протянул длинную загорелую руку и потрепал меня по голове. В первый раз ему пришлось сделать больше, чем двенадцать шагов, чтобы дойти до калитки.

— Здравствуй, птенчик!

«Здравствуй, птенчик!» У него уже и имя было для меня и улыбка, словно костер в холодный день, а его рука ласково взъерошила мои волосы. «Здравствуй, птенчик!»

Все было так, как должно было быть. Даже большая размалеванная тележка и умная серая лошадь, которая сама двинулась с места, хотя ее никто не понукал. Правда, она не была лысой. Но это тоже было правильно, потому что лысая лошадь, по правде говоря, вовсе уж не казалась мне такой красивой.

В тот день я навсегда понял, что живой человек и сама жизнь прекраснее всех волшебных героев басен и сказок.

Перевела с английского И. Архангельская.

Я. Аким

БОЕЦ-УДАЛЕЦ

Я боец-удалец,
Я боец-молодец.
Выходите драться,
Тоненькие братцы!

От моей
Крутой руки
Скрываться бесполезно.
Пусть не прячутся
Враги
Под шляпкою железной:

Я врасплох
Захвачу,
В деревяшку
Вколочу!

Вот пришел я
К сапогам.
Мне здесь очень рады.
Я и тут своим врагам
Не даю пощады —

Стук-стук,
Стук-стук,
Загоняю их
В каблук!

А бывает, прибегу,
Крякну для потехи
И детишкам
Помогу
Расколоть орехи.

Щелк-щелк,
Щелк-щелк,
От работы
Будет толк!

...Я боец-удалец,
Я боец-молодец.
Выходите драться,
Тоненькие братцы!

БУМАЖНЫЙ ДОМИК

Я домик,
Но только
Совсем безэтажный.
Я тонкий,
Некрашеный
Домик бумажный.

Хоть дверца моя
Заперта
Не замком,
А просто лизнули ее
Языком,
Но внутрь никого
Не пускает
Без спроса;
Живут там приветы,
Ответы,
Вопросы,

Наказы и просьбы,
Свернувшись,
Лежат,
Марки с печатями
Их сторожат.

Хозяин один
До зарезу им нужен.
Кто он такой? —
Прочитайте
Снаружи.

За ним во весь дух
Я гоняюсь по свету:
Плыву по волнам,
И летаю,
И еду.

— Дорогу!
— Дорогу!
Я юркий, отважный,
Я тонкий,
Некрашеный
Домик бумажный!

Встречи с китайскими пионерами

Р. Измайлова

Фото автора.

Этого мальчика из города Шаосиня зовут Синь-хуэй, В переводе с китайского это значит «Новый ум». Он учится в первом классе. Его школа носит имя знаменитого китайского писателя Лу Синя.

В моих блокнотах, привезенных из Китая, среди заметок и цифр часто попадаются красиво выписанные иероглифы, каждый из которых похож на затейливую и сложную картинку. Глядя на них, я вспоминаю о знакомствах с китайскими детьми, которые записывали мне здесь на память свои имена. Иногда это были просто короткие встречи на улицах, разговоры в летний августовский день в парках. Другой раз мы знакомились в районном Доме пионеров, на стадионе или в знаменитом Летнем императорском дворце в пригороде Пекина. Но где бы ни приходилось мне видеться с китайскими детьми, в далекой деревне или на пляже у теплого Желтого моря, в рабочем поселке огромного города Шанхая или на берегу злой реки Хуанхэ, всегда радостно ощущалось их теплое дружелюбие, постоянное радушие и слышалось ласковое приветствие: «Нихао, сулянь тунджи!» (здравствуйте, советский товарищ!).

Обычно так говорили школьники, ребята постарше, в красных галстуках. А младшие? Те просто подходили, сияя черными лукавыми глазами, вкладывали смуглую ручку мне в ладонь, восклицая так, как будто мы уже знакомы много, много лет: «Здравствуйте, тетя!»

На одной из страничек блокнота по-китайски выведено: Дэн Гуан-хун. Где же это

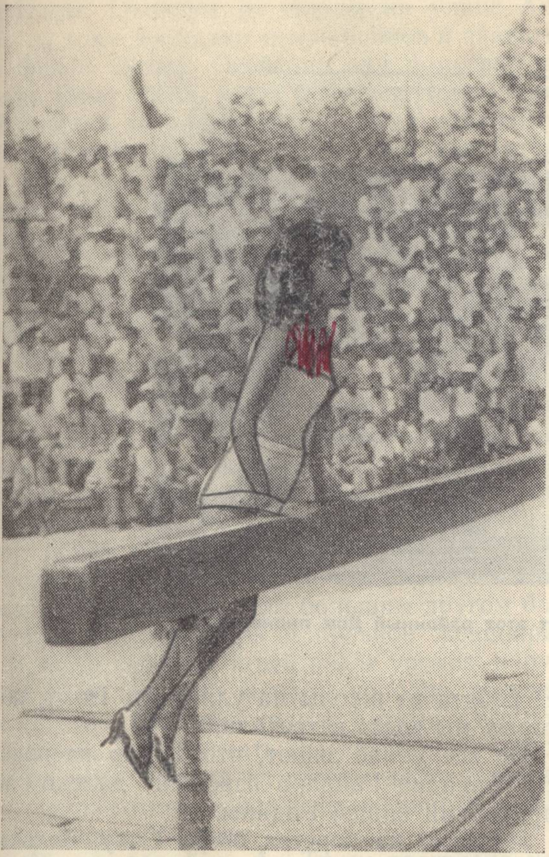
было? Конечно, помню. В чудесном китайском городе Циндао я встретила двух братьев-пионеров, которые привели на детский спортивный праздник свою маленькую сестру с заботливо заплетенными черными косами. Мы сидели все вместе на скамейке и с увлечением смотрели, как ловко и красиво юная спортсменка из Вьетнама проделывает упражнения на брусьях, а потом зашли вместе в музей морских чудес, чтобы увидеть плавающих в аквариуме редких по красоте серых рыб с синими хвостами и голубыми в полоску плавниками. Маленькая сестричка была очень довольна и, рассматривая злых огромных черепах, приветливо сказала: «Хынь-хао!» (очень хорошо). Братья захотели написать мне на память о совместной прогулке свои имена. Оказалось, что мать и отец их очень красиво назвали. Имя старшего, из 4-го класса, Дэн Гуан-юань, значило «Далекий свет», его брата звали Дэн Гуан-хун, что означает «Большой свет», а сестричку из детского сада — Дэн Сяо-лен — «Маленький лотос». В этот день мы стали большими друзьями. Бродили вместе в южном приморском парке, носящем имя знаменитого китайского писателя Лу Синя, и там братья показывали мне всякие прекрасные и незнакомые нам особенности китайской природы: лотосовое озеро, покрытое огромными, распластавшимися, как тарелки, листьями и пунцовыми лотосами, и чудесное китайское дерево, напоминающее пламенеющий букет. Оно названо в Китае «100 дней красное» за то, что целых три месяца в году пылают на нем яркие красные цветы. Наша маленькая группка по пути разрасталась, присоединялись еще ребята, и скоро в блокноте у меня появились новые столбики иероглифов с детскими именами, начертанными авторучкой и кисточкой, обмакнутой в черную тушь, и цветными мелками...

Особенно запомнилась мне встреча с пионерами в южном городе Ханчжоу, славящемся своим необыкновенно живописным озером Сиху. Окруженный зелеными горами, на которых рядом стоят стройные древние пагоды и знаменитые храмы, Ханчжоу настолько красив, что про него в Китае существует поговорка: «На небе — рай, а на земле — Ханчжоу». Большую группу ребят с учителями мы встретили в одном из известных в Ханчжоу мест — у могилы древнего полководца Ио Фея, жившего восемьсот лет назад. Прошло с тех пор восемь веков, но это место до сих пор с уважением посещается китайским народом.

Ио Фей был большой патриот, и, когда на его родину напали иноземные захватчики, он проявил великое мужество и героизм в борьбе с врагами. Он обратился к народу с призывом: «Вернем наши реки и горы!» —

В Циндао, как раз когда мы туда приехали, проходила детская спартакиада. На Желтом море были устроены лодочные гонки.

Всем очень понравилось, как выступала на спартакиаде вьетнамская школьница.

и стал во главе народного ополчения. Но потом Ио Фея придворные грубо оклеветали перед императором, и храброго борца казнили. Только впоследствии, когда выяснилось, что он не виноват, его торжественно похоронили в красивом парке, в мраморной усыпальнице, под сенью кипарисов. Мы видели, с каким почтением крестьяне из окрестностей Ханчжоу останавливаются перед могилой древнего героя и, сложив ладони, покачивают ими жестом, исполненным уважения. Так приветствуют они статуи, изображающие прославленного полководца, его жену и сыновей. Но тут же рядом, за отдельной оградой, находятся две чугунные коленопреклоненные фигуры. Скульптор изобразил тех, кто предал Ио Фея. Металл этих статуй изношен, стерт, черты лиц сгладились, потому что народ много десятков лет бросает в них в знак глубочайшего презрения камни, песок, а иные плюют за ограду, ибо нет низости более постыдной и скверной, чем предательство. Сейчас на этой ограде из чисто санитарных соображений висит новая табличка: «Плевать запрещается!»,— но, надо сказать, мало кто соблюдает это правило.

Пионеры, которых мы встретили здесь, с увлечением рассказывали крестьянам об этом историческом эпизоде. Видно, что ребята внимательно изучили старину и достопримечательности своего города. Учительница была очень довольна знаниями своих учеников. Она подошла к пожилому учителю, тоже сопровождавшему группу, и оба, радостно улыбаясь, смотрели, как старый крестьянин в широкополой соломенной шляпе слушает объяснения черноволосого паренька в красном галстуке. Мы уже не раз замечали, с какой предупредительностью относятся китайские школьники к своим учителям. Около старого учителя стояло трое ребят. Один из них нес его большой зонтик от палящего южного солнца. Другой предложил ему сбегать за чашкой зеленого чая, чтобы учитель мог освежиться. В их отношениях чувствовалась забота и теплота. Ребята хорошо понимали, что вся жизнь старого учителя была отдана школе, а мысли и чувства — детям.

В китайской пионерской газете я прочла однажды заметку школьника «Когда поднимается вода, все равно надо учиться». Вот содержание этого маленького письма в редакцию: «Деревня Чжан Чжи-уан, района Лин У-ли, уезда Хуайчжоу, провинции Хэбэй, находится в глубокой низине. Тут недавно шли непрерывные дожди, и река сильно поднялась. Более пятидесяти школьников жили на другой стороне реки, а переправляться в школу через реку было очень опасно. Учитель Чао каждый день сам переплывал реку и занимался с ними дома в деревне, чтоб не прерывать учения. Как хорошо сделал учитель Чао!»

Нелегко приходилось этому учителю Чао! Я видела во время своего путешествия по Китаю, какими страшными становятся вдруг самые мелкие горные реки во время ливней. Холодная, леденящая вода, рвущаяся с горных круч, мгновенно превращает эти реки в грозные и бурные потоки, которые сносят лодки, как легкие спички, захлестывая их водяными лавинами. Такие разливы — бедствие для деревень. Мы не знаем, был ли мо-

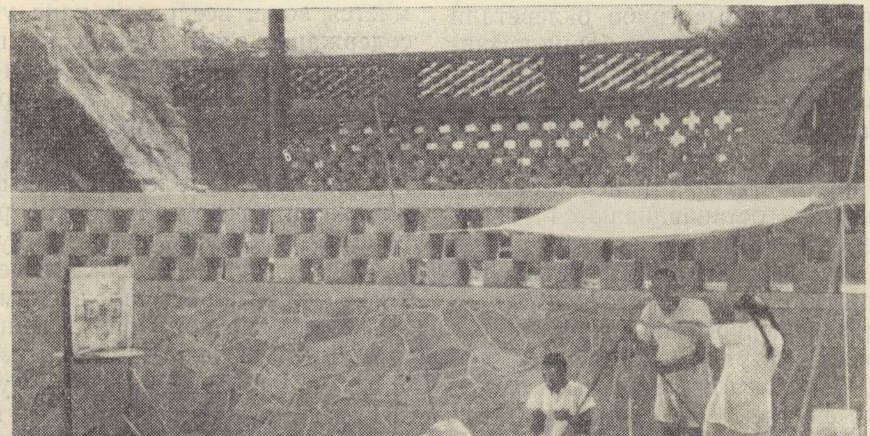
В Пекине в парке Бейхай стоит этот районный Дом пионеров.

лод или стар учитель Чао, но он был предан своему делу, и, верно, дети любили его так же глубоко, как он их. Все это вспомнилось нам около памятника Ио Фею, где пионеры проявили много внимания и заботливости к своему старому наставнику.

В разговоре с молодой учительницей-пионервожатой Чжоу Ко-и я спросила ее, как живут в Ханчжоу пионеры, чем занимаются ее ребята из школы на улице Ан Ти-лу, которых мы здесь встретили.

Не все у нас знают, что Тимур из повести Аркадия Гайдара известен далеко за пределами нашей Родины.

И здесь, на берегах озера Сиху, больше чем за 15 тысяч километров от Москвы, знают и любят Тимура и его товарищей, и много друзей нашлось у них среди китайской

Тир на бульваре в Циндао пользуется большим успехом у ребят.

детворы. Пионеры из школы на улице Ан Ти-лу тоже посещают семьи воинов и павших в борьбе героев. Особенно они помогают в этих домах тогда, когда близится Новый год. В каждой китайской фанзе тогда проводится традиционная большая уборка: готовятся к празднику. После уборки по обычаю на стены клеят нарядные новогодние картинки, украшают дом красивыми фонариками из цветной бумаги. Ребята берут в районном Народном комитете адреса матерей военных, вдов, узнают, где живут сироты, чтобы под Новый год прийти туда с метелками, щетками, коробками самодельных цветных фонарей, с заранее закупленными новогодними картинками, с силуэтами животных и цветов, красиво вырезанными из бумаги, которые в Китае любят наклеивать на оконные стекла. Сердечные хлопоты и внимание ребят радуют людей в тех домах, где побывало горе. Вожатая рассказала нам, что пионер У Коюэн из 6-го класса стал большим другом бабушки Лю, одинокой и больной женщины. Он часто забегает к ней после уроков, нарубит дров, принесет воды из колодца, сбегает в магазин. Бабушка ходила в гости к его родителям, чтоб сказать им спасибо за хорошего сына. Ребята из школы часто помогают неграмотным людям из их квартала писать письма родным.

Школа на улице Ан Ти-лу построена недавно. Ребята сами посадили во дворе вечнозеленые мирты, орешник, жасмин. Труднее всего им пришлось с пустырем около школы. Чтоб озеленить его, надо было достать дерн. Больше месяца занимались этим пустырем пионеры. Возили на велосипедах и в тележках дерн и кусты из пригорода. А когда все привилось и зацвели цветы, дали саду название в честь международного праздника детей — Сад Первого июня. Там теперь часто устраиваются пионерские сборы. К пионерам приходили в гости художник Пэн Ден-шо, герой освободительной войны Ю Чжин-тян и отличник труда с текстильной фабрики Юй Э-ги. В саду стоят деревянные кони-качалки для младшего класса, есть горка, ребята любят здесь играть в мяч, в «партизанский бой».

— Мы переписываемся с ребятами из московской школы № 101,— сказала нам вожатая Чжоу Ко-и.— Они прислали нам интересные книги, пионерские значки, фотографии вашей столицы Москвы. Мы им ответили... Но жалко, что вот уж много времени, как от них нет ответа. Нам хотелось бы писать друг другу чаще!

По поручению школьников из Ханчжоу мне хочется напомнить пионерам 101-й московской школы, что их далекие друзья ждут от них вестей.

В жизни народов социалистических стран есть много общих черт. Как и у нас, пионеры Китая стремятся участвовать во всех

...Пошел дождь, и крестьянский мальчик надел самодельный плащ, сплетенный из соломы.

важных для родины делах. Разве можно стоять в стороне в эпоху великих преобразований? Поэтому помощь взрослым во всех их трудах занимает большое место в жизни китайских пионеров. Не раз мне приходилось видеть в деревнях, как в дни каникул ребята помогали на полях и на фермах. А в 12-й школе города Пекина я встретила ребят, только что вернувшихся из совхоза Сицзяо. Другой пионерский отряд тут же выехал в совхоз на смену возвратившимся. За два летних месяца там побывало больше двухсот пионеров. Каждый провел по нескольку дней на полевых работах. Оказывается, что пионеры этой школы уже несколько лет помогают совхозу, они всегда там желанные гости. Поручения им дают самые разные: то очищать от сорняков пшеничные поля, то сортировать спелые томаты, то заняться уничтожением комаров.

В Китае почти нигде нет мух. Мало и крыс. Одно время почти все население страны принимало участие в борьбе против «четырех зол». Участвовали в ней и дети. В поселке Цаго Ян под Шанхаем мы увидели, как ребятишки смазывали известью бамбуковые палочки заборов, потому что там после дождей застаивается вода, и гнездятся личинки вредных комаров. Мы спросили одного из мальчиков через переводчика: чем это он занимается? Он нахмурил свои черные брови, похожие на шнурочек, и ответил:

— Я уничтожаю маленького, но злого Чан Кай-ши! — И рассмеялся, очень довольный своей шуткой.

Пионеры из 12-й школы города Пекина тоже просили меня передать московским школьникам, чтобы они написали им об опыте работы своих отрядов.

Правда, ребята, опыт — великое дело. Иные отряды думают и думают, чем же заняться? А ведь, кажется, нет места, где не пригодились бы пионерские руки.

В Китае я виделась с ребятами, которые перед началом учебного года сами отремонтировали дорогу в свою школу, чтобы малышам было легко по ней ходить, и назвали ее «Навстречу новичкам». В одном уездном центре я встретила других школьников, которые узнали, как трудно приходится почтальонам из-за временной перегрузки почтового пункта, и предложили свою помощь. Почта решила доверить школьникам это важное дело. Ребята, возвращаясь из школ, охотно помогали разносить газеты и письма.

В народном Китае заботятся о детях. Какие красивые большие дворцы пионеров построены в Пекине, Шанхае, Кантоне и других городах! Я видела, как причаливает к пристани «Пять драконов» на озере Бейхай в Пекине белый пароход «Пионер». Его подарило школьникам Министерство коммуникаций. Управляют пароходом сами пионеры. Весь экипаж — от капитана до матросов — дети. А сколько уже детских парков, стадионов, кинотеатров построено для китайской детворы!

...Много интересных и хороших встреч с ребятами вспоминаю я сейчас, глядя на иероглифы в своем блокноте.

И мне хочется сейчас снова сказать всем моим новым знакомым: «Здравствуйте, дорогие ребята! Я очень рада, что познакомилась с вами!»

Силуэты, вырезанные из бумаги,— традиционное народное искусство Китая. Называются они чуан-хуа. Все чуан-хуа, которые вы видите на этих страницах, сделаны детьми.

НОСКИ

Рассказ Виталия Третьякова.

Рисунок Б. Винокурова.

Зачинщиком был Кобюк. Сережа и Генка мирно гуляли у дома, когда Кобюк налетел на них.

— Пропуск есть? — спросил он сурово, воображая себя разведчиком.

— Есть,— улыбнулся Сережа.

— Предъявите!

Сережа развел руками, а Генка, решив, что Кобюков собрался их бить, захныкал.

«Разведчик» глянул на малыша сверху вниз.

— Не реви. Я же тебя не ем. Трусишка!

— Он маленький,— заступился Сережа за брата.

— Хорош маленький! — присвистнул Кобюк.— Все бы были такими маленькими!

Он прыгнул с разбегу в лужу, и грязные струйки, брызнув из-под каблуков, окатили Генку.

— Видал?! И сапоги не промокли!

Генка глотнул воздуха и окаменел, растопырив руки, расширив глаза. Потом два раза моргнул и залепетал:

— Пальто... Мама же будет ругаться!

Сереже стало жаль брата.

— Большой дурак, а еще в школу ходишь! — обругал он обидчика.

Кобюк наклонил голову и угрожающе пошел на братьев. Сережа и Генка побежали в подъезд. Кобюков в подъезд идти не решился. Потоптался возле крыльца, поднял валявшуюся у забора метелку без черенка и, стуча ею по земле, стал выкрикивать в такт ударам:

— Выходи — отлуплю, выходи — отлуплю!

Притворив тяжелую дверь, братья немного осмелели.

— Кобюк-индюк, красные сопли! — дразнился Сережа.

И Генка тянул негромко:

— Кобюк-индюк!..

Кобюкову надоело все это. Отбросив метлу, он начал переговоры:

— Мир! Выходи.

— А драться не будешь? Поклянись,— допытывался Сережа.

— Сказано: не буду. Мир!

Мальчики вышли. В знак перемирия подержали друг друга за руки. Побродили втроем немножко. На дворе было скучно и голо. Осенние дожди вымыли землю; суетливые муравьишки куда-то попрятались, и все мухи передохли.

— Полезли на чердак? — предложил Кобюк.

— Зачем?

— Так просто. Полезли?

По темной лестнице поднимались медленно. Кобюк впереди, шагая по ступенькам, как взрослый. Маленький Генка ставил на ступеньку нетвердую ногу, осторожно под-

нимал другую, сопел и только тогда делал следующий шажок. Сережа поддерживал брата за спину.

Уселись на стропила под самой крышей. Помолчали. Немного жутко было от тишины, полумрака, пахло плесенью, сыростью. Жутко, а интересно!

— Голуби здесь живут? — тихо спросил Сережа.

— Голуби? — прищурился Кобюков.— Скажи: воробьи. Голубям голубятню надо. Воробьишки, может, живут.

— Давай одного поймаем.

— Разве его поймаешь?! Была бы клетка, а так...

— Вот бы здесь жить! — вздохнул Генка.

— А чего хорошего? Живи, если хочешь.

— Мама не пустит.

Ветер хлопал ставнями, гремел на крыше оторвавшийся лист железа.

— В школе учиться трудно? — спросил Сережа.

— У! — оживился Кобюк.— Знаешь, трудно! Вчера задали списывать строчки. А строчки дли-инные.— Он показал руками, какие строчки.— Знаешь, рука устает!

— У меня тоже устает, когда суп ем,— признался Генка.

Кобюк посмотрел на него с удивлением.

— Чудак-человек. Устает! Сказал тоже...

— Завести бы своих голубей! — подумал Сережа вслух.

— Их купить надо,— уточнил Кобюков.— А где деньги возьмешь?

— У мамы попросим,— просто нашел выход старший из братьев.

Кобюк оживился, но Сережа тут же разочаровал его:

— Мама на голубей не даст; она не велит лазить по крышам.

— Можно самим заработать,— размышлял Кобюков.— Если взяться как следует...

— Ага,— заулыбался вдруг Генка.— Я копняком буду. Я в саду, знаешь, какую яму выкопал! Бо-ольшую!

— Землекопом,— поправил Кобюк.— Это еще когда примут тебя землекопом! Будешь три года ждать — не дождешься...

И вдруг вскочил с места:

— Носиков наберем! Их принимают на семена!

— Фу ты,— не поверил Сережа,— у нас ни одного клена-то нет! Где носики будешь брать, с неба, что ли?

— С неба, что ли? — повторил Генка, указывая на крышу.

— А лес зачем? — не сдавался Кобюк.— Сидите здесь. Я сейчас.

И запрыгал по лестнице, гремя каблуками.

— Можно самим заработать,— размышлял Кобюков.— Если взяться как следует...

Мальчики остались вдвоем. Сидели, прижавшись друг к другу, и Генке чердак уже не казался таким интересным.

Кобюк быстро вернулся, неся парусиновое ведро. Из таких ведер, Сережа видел частенько, возчики поят лошадей.

— Знаешь, сколько кленов в лесу?! — выкрикивал Кобюков.— Сто! Может, двести! Пошли!

— Надо у мамы спроситься.

— Вот еще! Девчонка ты, что ли?! — Кобюков даже не взглянул на Сережу, и тот согласился, что действительно лучше у мамы не спрашиваться: не пустит еще!

Лес начинался сразу за поселком, от дома ходьбы минут пять. Сережа когда-то бывал в лесу. С бабушкой. А бабушка умерла позапрошлой зимой. Генка бабушку не помнил совсем и не мог сказать точно, бывал ли он в лесу раньше.

Дошли быстро. Осенний лес поразил мальчиков сказочной строгостью. Притихшие, маленькие, они бродили гуськом по узеньким тропкам между лохматых ветвей. Было сыро и сумрачно. Дымчатый туман висел над ветвями, и не прекращался ни на минуту невнятный и ровный шум, плывущий из дремучих чащоб.

— Кто там свистит? — спросил Генка тихонько.

— Ве-тер! — прокричал Кобюков, и эхо, раскатясь, передразнило его.

— У, как! — восхищенно промолвил Сережа, и вдалеке откликнулось, замирая: «Ка-а-а...»

Сережа не думал, что в лесу бывает так интересно. Кроны осинника и берез сверкали, как на картинках, раскрашенных яркими красками. Желто-красные листья стелились под ногами, идти было мягко. Пахло сыростью и грибами. И угадывалось по всему, что лес не пустой: прячутся в нем десятки хитрых зверьков, насекомых и птиц, которые сейчас, наверное, подглядывают за ребятами из своих норок и гнезд.

У ствола огромной сосны мальчики нашли птицу. Она лежала на сырой траве, распластав бессильные крылья.

— Мертвая,— определил Кобюков.

Присев на корточки, долго рассматривали ее.

— Разве птицы могут быть мертвыми? — удивился Генка.

Для него «мертвая птица» было нелепым, невероятным понятием, как «черный воздух» или «каменная вода».

— Пошли, — поднялся Кобюков.— Чего тут смотреть!

Ни двухсот, ни сотни кленов в лесу не оказалось. Кобюк соврал. И все-таки один старый, ветвистый клен они отыскали. Желтые резные листья его опадали, и трава под деревом была усыпана носиками. Ветер срывал их, и носики кружились в воздухе, как игрушечные пропеллеры.

— Видали? — Кобюк разломал пополам маленький пропеллер, разнял его в том месте, где помещалось семечко, прилепил к переносице. Сережа и Генка сделали то же. Потом они собирали носики в парусиновое ведро. Генка носил по штучке, отдыхал поминутно, сопел, что-то соображая. Сережа на него глянул и обомлел: чулки у Генки были мокры до колен и рукава пальто перепачканы. И сразу вспомнил Сережа о доме, о том, что мама, может быть, уже хватилась их и предстоит им суровое наказание. Поднял на Кобюкова глаза — и тот до пояса вымок, лазая по кустам.

— Зачем у носиков крылья? — спросил любопытный Генка.

Сережа тоже не знал, зачем у носиков крылья.

— Для раз-мно-жения,— произнес Кобюков по слогам непонятное слово.

— А это чего такое?

— У начальника спросишь,— насмешливо сказал Кобюков.

— А что такое начальник? Он начинает? А чего начинает?

Скоро носики собирать надоело.

— Здесь плохие,— решил Кобюков.— Поищем другое дерево.

И опять пошли в чащу. Бродили долго, но клены больше не попадались. Генка притомился и хныкал. Сережа успокаивал брата, но он и сам понимал, что лучше было бы вернуться.

— Пошли отсюда! Ну их, носиков этих! — несмело посоветовал он, но

Кобюк промолчал, и у Сережи возникло страшное подозрение: может, они заблудились?

Еще поколесили немножко. Генка совсем раскис.

— Ладно! — скомандовал Кобюков.— Привал. Отдыхай!

Сели на голую землю. Сосны шумели над головой, и ветер стряхивал с веток звонкие капельки. Генка прижался к брату, и слышно было, как он глубоко и ровно вздыхает.

— А тут волки живут? — поинтересовался Сережа.

— Не,— качнул головой Кобюков.— Они боятся людей.

— А медведи?

— Медведи живут. Я летом одного видел. Лежит в берлоге. Спит.

— Врешь!

— Соври ты! — Кобюков выковырял из-под коры маленького жучка.— Видал, животина какая!

— Отпусти его! — умолял Кобюкова Сережа.— Отпусти! Он жить хочет!

Кобюк со злостью швырнул жучка. Помолчали.

— Много же мы набрали! — заглянул Сережа в ведерце.

— Чего вы набрали?! Ничего не набрали! — Кобюков выхватил у него ведро и, высыпав носики на траву, разделил на две неровные кучки.— Забирай свое, а эти я сам набрал!

Несправедливый дележ обидел братьев.

— Кобюк-индюк, красные сопли! — зашептал Генка, но Кобюк так взглянул на него, что Генка сразу умолк.

— Несправедливый ты человек,— смело сказал Сережа.

— Я справедливый,— нахмурился Кобюков.— А если вы ничего не набрали...

Он поднял ведро, собираясь в дорогу.

Братья рассовали носики по карманам, и опять они долго пробирались сквозь густой березняк, усталые и голодные. Ничто уже не привлекало мальчиков: ни носики, ни красивые листья, ни гулкое эхо. Генка расплакался откровенно, и Сережа не успокаивал брата, потому что сам готов был заплакать.

— Ты дорогу-то помнишь? — спросил он Кобюкова.

Кобюков вытер нос рукавом. Скуластое лицо его было сосредоточенным и серьезным. И Сережа окончательно убедился, что они заблудились и никогда не выберутся из леса. Умрут от голода, или съест их медведь, тот самый, которого видел летом Кобюк. И так сделалось грустно от этих мыслей, что глаза сами собой налились слезами, и стало не видно тропинки.

— Ай! — вскрикнул вдруг Генка: он стоял по колени в воде и замер, боясь двинуться с места.

— Как тебя угораздило! — по-взрослому заругался Кобюк и, шагнув в лужу, за руку вывел Генку.

Сережа глянул на хлюпающие ботинки брата, на его бледное от испуга лицо и совсем растерялся, не зная, чем ему помочь.

Кобюков усадил Генку на пень.

— Снимай ботинки! — И пока Сережа стаскивал с брата мокрую обувь, Кобюк все повторял: — И как тебя угораздило!

Опустившись на землю, он тоже разулся, и выяснилось, что Кобюк не носит чулок: ноги его были обернуты кусками сукна.

— Эти тряпки зачем? — удивился Сережа.

— Портянки! — коротко бросил Кобюк, ловко обертывая Генкины ноги и надевая ему сапоги.

— А как же ты? — поинтересовался Сережа.

— Я босиком.

Генка не мог идти. Тяжелые, намокшие сапоги мешали, и он падал на каждом шагу.

— Ладно,— вздохнул Кобюков,— садись на загривок.

Сережа подсадил притихшего брата.

— Не держись ты за горло! Держись за плечи! — просил Кобюков.

Но мокрые руки скользили, и Генка хватался за шею. Кобюков дышал тяжело, хрипло, но шел. Так двигались медленно, частенько отдыхая. Кобюков нес Генку, за ним с трудом поспевал Сережа с ведром и ботинками.

Из чащи выбрались незаметно. Лес поредел, и стало светлее и суше. Сережа успокоился понемножку, деловитая уверенность Кобюкова передалась и ему.

Вышли на светлую большую поляну. В просветах между деревьями вдалеке белели строения поселка.

— Видишь? — Кобюк смахнул со лба капельки пота, улыбнулся, вздохнул облегченно.— А говоришь: дороги не знаю. Я, брат, не заплутаюсь ни в жизнь!

В последний раз сели передохнуть: братья — на полусгнивший пенек, Кобюк — прямо на землю.

— Вот что,— сказал он, подумав.— Ссыпай в ведро ваши носики.

Сережа хотел запротестовать, но вспомнил: Кобюк несет Генку... Пришлось смириться.

Скоро выбрались на мощеную улицу. По ровной дороге Генка смог идти сам.

Братьям хотелось домой, но Кобюк не позволил:

— А носики кто за вас сдавать будет?

— А где их сдавать? — насторожился Сережа.

— Сейчас покажу.

Он привел мальчиков к двухэтажному серому зданию.

— Здесь! — мигнул лихо братьям и зашагал к крыльцу.

Сереже было страшновато немножко, но от товарища отставать не хотелось, и он тоже пошел, ведя за руку Генку.

В темном коридоре Кобюков толкнул какую-то дверь, и они увидели белые стены и плакаты на них; на плакатах нарисованы разные кусты и деревья. За письменным столом — мужчина, пожилой, полный, с чисто выбритой головой.

— Мы носики принесли,— сказал Кобюков, встряхнув парусиновое ведро.

— Заходите,— коротко велел лысый человек.— Дверь! Дверь закрывать надо!

Кобюков поставил ведро на стол, и мужчина стал перебирать толстыми пальцами прозрачные крылышки.

— Как собирали? Прямо с земли?

Кобюков посмотрел на плакаты, вздохнул:

— Не-е. На дерево лазили.

Мужчина насторожился:

— Врешь. Врешь ведь!

— Вру,— сознался Кобюк.— Мы не знали, как надо.

Лысый внимательно посмотрел на ребят.

— Ты в школу ходишь? — спросил он зачем-то.

— Хожу. Этот,— Кобюков кивнул на Сережу,— на будущий год поступит.

— А как фамилия твоя?

— Кобюков, Филипп,— ответил мальчик с опаской и добавил негромко: — Иванович.

— Что ж ты, Филипп Иванович, босиком щеголяешь? Простудишься!

— Вот ему сапоги отдал. — Кобюк взглянул на Генку.— Промок он.

— Ка-ак меня угораздило! В лужу!—пропищал Генка.

Все засмеялись.

— Так кто же из вас собирал? — опять спросил человек.

Сережа и Генка молчали.

— Все! — сказал громко Кобюк.— Поровну! — И добавил, поднимая глаза: — Ведь не задаром?

— Ишь ты!—Мужчина почесал за ухом.— А зачем вам деньги? Тебе, например, зачем?

Генка смутился и опустил глаза.

— В копилку положим,— нашелся Сережа.— У нас дома копилка.

— А голубей хотели купить! — прошептал с укоризной Кобюк.

— Голубей?! — Мужчина полез в карман, должно быть, за кошельком. Но кошелька он не вынул:

— Подождите, я сейчас,— и вышел.

«А если он за милиционером?» — подумал Сережа. И Генка, похоже, струсил.

— Давай убежим,— зашептал он на ухо брату.

Но дяденька скоро вернулся, протянул мальчикам три маленькие шоколадки и сказал:

— Вот, угощайтесь. На голубей у меня, друзья, к сожалению, денег не хватит. А эти, как вы зовете, носики, забирайте с собой. Они прелые, не годятся. Собирать надо с дерева.— Он потрепал Генку по волосам и сказал, видимо, самому себе: — У меня такой же внучонок растет. Далеко только. Не видел я его ни разу. Да... Ну, марш по домам.

Мальчики вышли на улицу. День посветлел как-то, повеселел. Неяркое осеннее солнце выплыло из-за туч. Ветер намел к заборам скрученные, сухие листья, и они, перекатываясь, негромко шуршали.

Кобюк и Сережа вели за руки Генку, который все спотыкался в сапогах не по росту. Сережа снизу вверх поглядывал на Кобюкова, и хорошее, теплое чувство к этому смелому мальчику зарождалось в его душе; словно еще не зная точного значения слова «дружба», Сережа сердцем, чутьем угадал его смысл.

— Знаешь,— сказал он,— мы больше не будем тебя звать Кобюк, а будем Филипп. Ладно?

— Можно,— согласился Кобюк.— Это можно.

ГРУППА АЛЬПИНИСТОВ, ШТУРМУЮЩАЯ ВЕРШИНУ ПИКА ПОБЕДЫ.
ОТДЫХАЕТ НА БЕРЕГУ ЛЕДНИКОВОГО ОЗЕРА НА ВЫСОТЕ 4 300 МЕТРОВ.

КАРАВАН ЭКСПЕДИЦИИ НА ЛЕДНИКЕ ИНЫЛЬЧЕК ПО ДОРОГЕ К ПИКУ ПОБЕДЫ.

ШТУРМОВОЙ ЛАГЕРЬ НА ВЫСОТЕ 4 700 МЕТРОВ.

Из записок путешественников

НА ВЕРШИНЕ НЕБЕСНЫХ ГОР

Я. Аркин

Фото М. Ануфрикова и В. Кизеля.

КАРАВАН УХОДИТ В ГОРЫ

Зеленая поляна на берегу реки Сарыджас завалена грудами мешков, ящиков и вьючных сум. Блестят ярко-красные баллоны с газом, высоко поднимаются мачты радиостанций...

Только что ушли машины, которые привезли нас сюда, дальше мы поедем на лошадях — единственный вид транспорта, возможный в здешних местах. Мы на Тянь-Шане.

Мы — это объединенная экспедиция Всесоюзного совета общества «Спартак» и республиканского альпинистского клуба Казахстана, тридцать человек, поставивших своей целью покорить самую высокую вершину Тянь-Шаня — пик Победы. Начальник нашей экспедиции — заслуженный мастер спорта Виталий Михайлович Абалаков. Это имя вы, наверное, знаете.

Вечер... На поляне уже раскинуты легкие палатки. Заканчивается подготовка к завтрашнему выходу: упаковываются грузы, приводятся в порядок седла и сбруя. Радисты придирчиво проверяют свои станции и тайком норовят подсунуть кому-нибудь в суму лишнюю батарею. Повар готовит ужин, у него нашлись помощники: сейчас приятно погреться у костра. Здесь, на высоте трех тысяч метров, вечерами свежо. Но это еще пустяки, дальше будет похолоднее. Ведь с каждой тысячей метров высоты температура воздуха понижается примерно на десять градусов, а на вершинах «Небесных гор», как переводится название «Тянь-Шань», дует к тому же холодный ветер... Можно себе представить, какой холод ожидает нас на «семитысячнике» — пике Победы!

Но пока мы еще только в начале пути... Утро проходит в хлопотах. Лошади, взятые из различных колхозов, не привыкли ходить под вьюком, и случается, что навьюченная лошадь либо бросится вскачь, раскидывая во все стороны ящики, либо начинает кататься по траве, и поднять ее не так-то легко. Короче, солнце уже изрядно припекало, когда длинная цепочка нашего каравана вытянулась по зеленой долине Сарыджаса. Каждый из нас ведет в поводу по паре лошадей. Впереди каравана бежит Спартак, большой желтый пес, приставший к нам по пути из Пржевальска.

Так начался наш путь... Зеленые склоны долины Сарыджаса поднимаются некрутыми увалами над бурной и мутной рекой, на юге, в облаках, проглядывают далекие снежные вершины. Их много, и все они очень высоки... Когда меня спрашивают, чем отличается Тянь-Шань от других горных хребтов, которые мне довелось видеть, я вспоминаю о двух особенностях: об огромности тяньшаньских масштабов и о суровой, холодной погоде.

С погодой мы познакомились уже на второй день нашего караванного пути. Нас встретили пронизывающий туман и холодный мелкий дождь. Ночь была пасмурной, с недалекого ледника тянуло холодным ветром.

Вскоре зеленые лужайки совсем исчезли из глаз, тропа круто забирала вверх... Под копытами лошадей осыпались камни, появились первые снежники, затем их сменили лед и сплошной снег. Лошади спотыкались на камнях морен, скользили по ледяным склонам, проваливались в снег по брюхо. Но вот наконец мы на перевале Тюз...

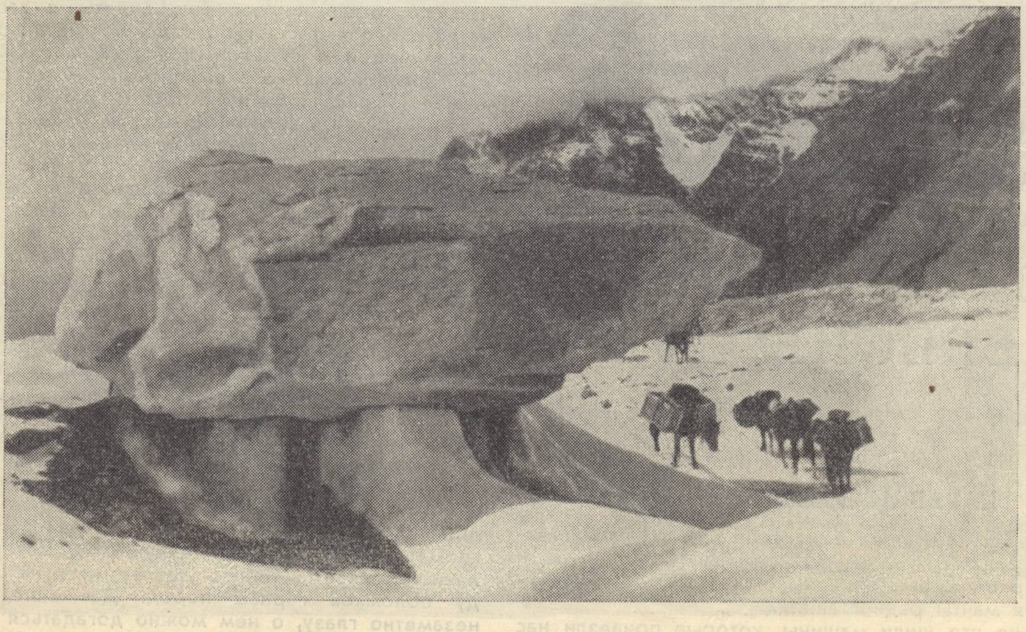
Нашим глазам открывается удивительная картина. Далеко внизу широкая долина, перерезанная лентой реки. Над ней, сверкая снегами и льдом, возвышается величественный пик Нансена. А на востоке грозным валом поднялся гигантский язык ледника Иныльчек — одного из самых больших ледников мира.

После дневки, проведенной в чудесной зеленой долине, мы вступаем на ледник. Представьте себе громадную, застывшую ледяную реку, которая медленно сползает в теплое ущелье, неся на себе груду обломков горных пород. Движение ледника незаметно глазу, о нем можно догадаться лишь по колоссальным трещинам, меняющим свою форму.

Четвероногому альпинисту пришлось труднее всех. Без темных очков, без солнечной маски. И все же он поднялся на высоту 5 300 метров.

Как трудно передвигаться на лошадях по льду и коварным осыпям ледника, можно понять хотя бы по тому, что сорок километров пути потребовали у нас три с половиной дня. Хотя группа разведки во главе с Виталием Михайловичем нашла заранее лучший путь по леднику, все же мы продвигались крайне медленно. Лошади то и дело спотыкались на крутых камнях, падали, их приходилось поднимать и перевьючивать... Дорогу строили прямо на ходу: убирали с тропы крупные камни, засыпали небольшие трещины, рубили ступеньки на ледяных склонах... Все это будни путешествия, о которых трудно рассказывать, но без которых не может обойтись ни одно восхождение... Вечерами, забравшись в палатки, мы согревались в спальных мешках и обсуждали происшествия дня, а утром снова

Камни причудливой формы встречались нам на пути. Поднимаясь на ледник, мы увидели ледниковый стол — огромный камень на ледяной ножке.

принимались за работу. Продвижение по леднику начиналось с рассвета и заканчивалось в темноте.

Все выше поднимаются снеговые вершины, окружающие гигантский ледник... На четвертый день разведка доложила, что дальше лошадям не пройти: путь прегражден огромным ледопадом. Караванное путешествие кончилось. Надо строить лагерь.

НИ ОДНОГО ПРОСЧЕТА!

И вот мы начали строить лагерь. Но прежде, чем рассказать о нем, мне хочется познакомить вас с особенностями нашего похода, а для этого нужно заглянуть в историю самого пика Победы.

Дело в том, что высочайшей вершиной Тянь-Шаня долгое время считался исполин Хан-Тенгри; на эту мраморную пирамиду трижды восходили советские альпинисты. Но в 1943 году научная экспедиция специальной фотосъемкой определила, что «Небесные горы» могут похвастаться еще одной вершиной, значительно более высокой, чем Хан-Тенгри. Высота Хан-Тенгри — 6 995 метров, а новооткрытый пик возвышается над уровнем моря на 7 439,5 метра! Вытянутая форма и своеобразность его расположения помешали альпинистам оценить подлинную его высоту. И случилось так, что они «не заметили» этой вершины, а новый пик, названный пиком Победы, был открыт, как некогда планета Нептун, «на кончике пера», то есть с помощью научных исследований.

Разумеется, желание покорить пик Победы тогда же появилось у многих наших спортсменов. Впервые это попытались сделать казахские альпинисты в 1949 году, но им помешали беспрерывные снегопады, и экспедиции не удалось подняться выше пяти с половиной тысяч метров.

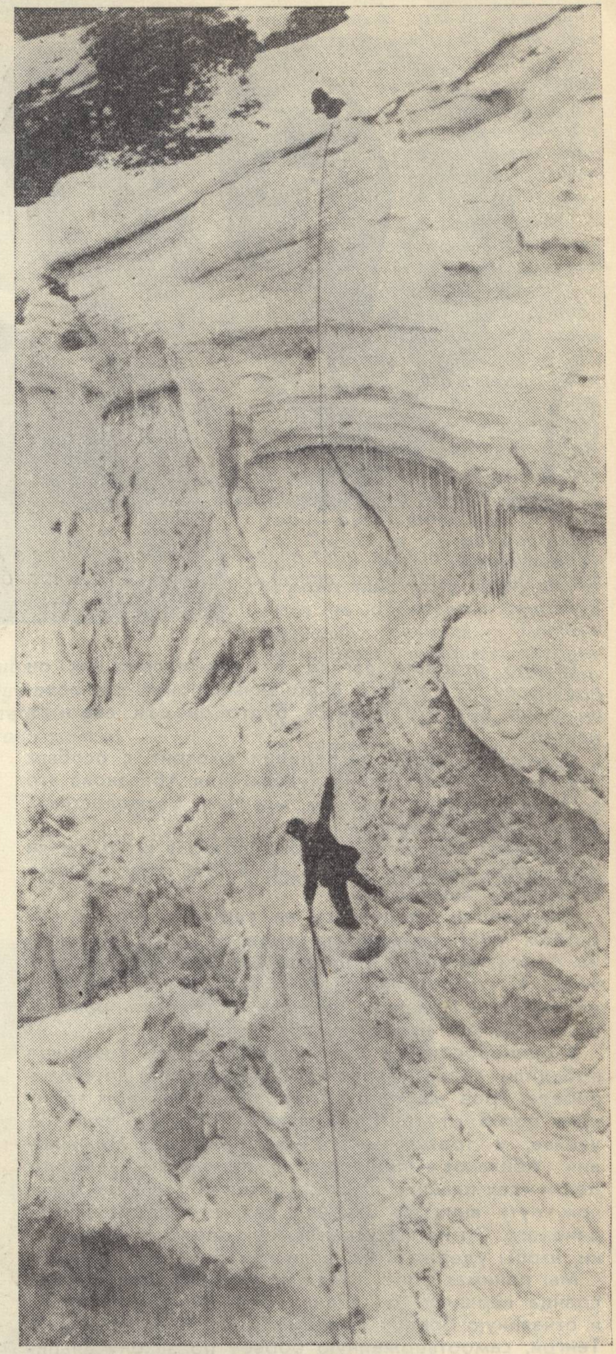
А за год до нашего восхождения в горах разыгрались трагические события. Двенадцать казахских альпинистов попытались победить эту вершину. Одиннадцать человек не вернулись вниз, а двенадцатый, молодой альпинист Урал Усенов, избежал гибели почти что чудом: он провалился в трещину и был найден там вспомогательной группой альпинистов.

Мы до сегодняшнего дня не знаем всех подробностей той страшной ночи. Известно одно: альпинисты были застигнуты жестокой снежной бурей, и ветер разметал их легкие палатки... Видимо, эти смелые, но неосторожные люди не учли особенностей тяньшаньской погоды и всех трудностей восхождения. Ведь в альпинизме нельзя допускать никаких просчетов: слишком серьезными могут быть последствия.

Память о трагическом происшествии была свежа. Мы особенно тщательно следили за тем, чтобы наше восхождение не было нарушено ни одной оплошностью, ни одной ошибкой.

Предусмотрительность необходима альпинисту не меньше, чем смелость. Все в нашей экспедиции делалось в высшей степени обдуманно и основательно. Так же основательно строили мы и наш лагерь во льдах. Тем более, что в этом лагере нам предстояло прожить почти два месяца.

За короткий срок вырос, можно сказать, целый город. В середине расположилась палатка-кухня с газовой плитой, рядом — небольшая амбулатория. В одной из палаток устроили свою «студию» кинооператоры. Но подлинным центром лагеря была большая темно-зеленая палатка — клуб, столовая, мастерская и кладовая одновременно. Ящики и сумы с продуктами и снаряжением заменяли здесь стулья и столы.

Так спускается альпинист по отвесной ледяной круче. Тонкая прочная капроновая веревка может свободно выдержать двадцатикратный вес альпиниста.

Наш лагерь находился немного ниже того места, где ледник «Звездочка» впадает в Иныльчек. От нас открывался великолепный вид. Ледяные потоки были изрезаны запутанным лабиринтом громадных трещин, над ними грозно нависали глыбы причудливой формы, а прямо перед нами, на востоке, поднимал свою великолепную мраморную вершину Хан-Тенгри, «Властелин духов».

Абалаков, как всегда, идет впереди... Вот он вбивает в ледяную стену крюк, здесь будет протянута веревка, которая обеспечит безопасность группе.

мительно мчится в лагерь и тотчас же старается забраться в Мишин спальный мешок. Это такая игра.

Кинооператоры ловят «утренние кадры». Боровиков с товарищами занимаются научными наблюдениями над воздухом — аэрологией... ,

Раздается долгожданный сигнал: «Приготовиться к завтраку!»

А после завтрака снова труд. Работы много: надо привести в порядок снаряжение, разведать пути похода, устроить промежуточные лагери, организовать наблюдение за склонами пика Победы, разработать систему связи штурмовой группы с теми, кто останется внизу, провести медосмотр...

Все должно быть тщательно проверено: мы не допустим ни одной ошибки, ни одного случайного просчета. Ничто не должно помешать нам взять вершину.

Трудно оторвать взгляд от Хан-Тенгри: так он прекрасен. Его строго очерченный конус так ослепительно бел, что кажется, будто он сам светится изнутри.

Начальник нашей экспедиции смотрит с особым чувством на «Властелина духов». Для Абалакова это встреча с врагом, грозным, могучим, безжалостным и все же побежденным.

Абалаков был в той пятерке, которая штурмовала Хан-Тенгри двадцать лет назад, в 1936 году, на заре советского альпинизма.

Альпинисты поднялись на вершину. Но на обратном пути сильнейшая снежная буря настигла их. Спуск проходил в нечеловечески трудных условиях. А тут сорвавшимся камнем ушибло одного из пятерых. Пришлось остальным спускать раненого: он не мог передвигаться сам.

В единоборстве с Хан-Тенгри за жизнь товарища победили снова альпинисты, но дорого досталась победа. Трое жестоко обморозились. Из этих троих один погиб от гангрены, второй получил тяжелое увечье, у третьего — это был Виталий Михайлович Абалаков — пришлось ампутировать фаланги почти всех пальцев на руках и ногах. Ведь на тяжелом пути вниз он охранял тех, кто поддерживал раненого. Он не выпускал из рук оледенелой веревки, чтобы удержать их, если они сорвутся.

Мы понимали, что, глядя на розовеющую в лучах солнца вершину, он видит давно минувшее время и отчаянную борьбу за жизнь друга на кручах Хан-Тенгри, самоотверженную борьбу по закону альпинистов: «Все за одного...».

...Ледник живет своей жизнью. С восходом солнца нарушается ночная тишина, журчат ручейки, постепенно сливаясь в могучие потоки, иногда слышится шорох подтаявшего камня, скользнувшего вниз... И вдруг где-то в глубине раздается гулкий удар: это произошла очередная подвижка льда, возникла новая трещина...

И лагерь тоже живет своей жизнью — напряженной и хлопотливой. Ранним утром метеоролог Миша Грудзинский записывает показания приборов. А рядом терпеливо ждет рыжий Спартак, и, едва только Миша спрячет карандаш в карман, пес стре-

НАШИ ВРАГИ

Пик Победы мы увидели впервые, когда вышли на ледник «Звездочка». Собственно говоря, термин «пик» мало соответствует внешнему виду этой вершины. Перед нами на фоне неба протянулся длинный, не меньше чем в полтора километра, гребень. Должно быть, из-за этой вытянутой формы альпинисты и не смогли понять, насколько высок пик Победы. И все же, если хорошенько сравнить этот массив с окружающими вершинами, начинаешь постигать его настоящие масштабы.

До сих пор мы читали о пике Победы, видели фотографии, слышали рассказы очевидцев, но только теперь, когда он стоит у нас перед глазами, мы ощущаем всю сложность того, что нам предстоит.

Сколько врагов у нас на пути! Первый из них — высота. Ведь на больших высотах давление воздуха быстро падает, и человек, попав в непривычные условия, заболевает «горной болезнью», становится вялым и апатичным. Единственное средство от этой болезни — постепенная акклиматизация, организм должен привыкать к высоте постепенно, и подниматься на вершину нужно медленно.

Второй наш коварный враг — погода. Что за погода там, на вершине, нетрудно догадаться, даже стоя здесь, внизу. Вершина пика Победы почти все время задернута облаками. Когда же облака расходятся, видно, что вдоль гребня тянется длинный флаг снежной пыли. Он то закручивается, как смерч, то облаком рассыпается по склонам.

И позднее мы ни разу не видели пика Победы без этого флага. Значит, ветер там никогда не стихает и почти все время идет снег. А что такое снегопад на Тянь-Шане, мы поняли еще раньше, во время одного из переходов. Двигаться по пояс в рыхлом, мокром снегу почти невозможно. А там, наверху, снегопад еще опаснее. Снег скапливается на крутых склонах и может сорваться лавиной, сметающей все на своем пути...

А техническая сложность маршрута?.. Крутые

снежные склоны и скалы? Вон там, на самом верху, у гребня, блестит на солнце чистый лед. По нему придется взбираться вверх при страшном ветре. Чтобы преодолеть эти препятствия, нам понадобится все наше умение, весь арсенал альпинистской техники...

ТРУД, ТРУД

Итак, нужно подготовить маршрут таким образом, чтобы ничто не могло нам помешать. Это значит, нужно организовать промежуточные базы, надежные убежища, где можно укрыться в любую погоду, нужно забросить туда продовольствие и снаряжение.

А это все требует труда, труда и труда. Нелегкое дело — разложить вдоль трассы почти полтонны груза. За один прием даже всем вместе не поднять такой тяжести. И вот приходится совершать «челночные» рейсы, забрасывать груз и снова возвращаться обратно, проделывая необходимую, но бесславную работу, которая нередко бывает не легче самого восхождения.

Не просто вскарабкаться вверх по крутому ледяному склону, если у тебя за плечами рюкзак весом в двадцать пять килограммов! Правда, в самых трудных местах на выручку приходят наши разведчики. Они идут впереди и ледорубом высекают во льду ступени, вбивают специальные крючья, навешивают веревки, за которые можно держаться... Но иногда и это мало помогает. Особенно тяжело пробираться по обледенелым скалам, покрытым тонким слоем снега. Ноги скользят, человеку с тяжелым грузом трудно удержать на льду равновесие, а тут еще злой, порывистый ветер крутит поземку и сбивает с ног. Останавливаешься и ждешь, опираясь на ледоруб, пока ветер хоть немного ослабеет.

Участники экспедиции А. Боровиков и М. Грудзинский ведут наблюдения за погодой и изучают метеорологические условия высокогорья.

Грузы мы забрасывали не в палатки, как обычно, а в снежные пещеры. Копать пещеру — тоже нелегкий труд. С двух сторон люди роют два параллельных входа на некотором расстоянии друг от друга. Прокопав их на достаточную глубину, поворачивают и роют навстречу друг другу, пока не образуется сквозной снежный туннель. Туннель расширяют, придают потолку форму свода, устраивают ниши для продуктов и снаряжения, ниши для кухни. Остается заложить один из входов снежными кирпичами, и жилье готово...

...На снежном полу пещеры поверх палаток и рюкзаков расстелены штормовки, свитеры и все теплые вещи, какие у нас есть. Горит свеча на ледорубе, воткнутом в снежную стену, по-домашнему

Переносим груз в следующий лагерь к подножию пика Победы. За плечами у каждого по двадцать пять килограммов.

гудят примусы в нишах. И пусть «на улице» гуляет свирепая пурга, в тепле и уюте пещеры звучат веселые песни!

К ВЕРШИНЕ!

Подготовительный труд закончен: грузы заброшены, вырыты пещеры на высоте 5 300, 5 800 и 6 200 метров... Теперь наши мысли устремлены только вверх, к сверкающему гребню Победы.

И вот наконец наступили ясные, солнечные дни. Девятнадцатого августа мы — группа штурмовиков,— по-походному набив рюкзаки, покидаем лагерь.

Идем легко. «Забросочные» выходы оказались вдвойне полезными: во время них мы привыкли к высоте и прошли хорошую тренировку... На снегу впереди отчетливо видны следы четырех разведчиков, вышедших на сутки раньше нас.

В первый день поднимаемся к пещере «5 300» и ночуем в снежном «дворце». Наутро, сменив ботинки на оставленные здесь шекльтоны — специальную обувь для высотных восхождений,— направляемся к пещере «5 800»...

Однако этот переход дался нам труднее, чем первый. Внезапно спустились облака, пошел снег, смешиваясь с крутящейся поземкой... В снежном вихре я с трудом различаю фигуру Кизеля — товарища, идущего со мной в одной связке... Продвигаемся мучительно медленно. Теперь нам понятно, как трудно приходилось здесь разведчикам: труднее всего протаптывать ступени в этом сухом, сыпучем, как песок, снегу.

Снег на Тянь-Шане особенный, он не похож на кавказский, не липнет, а рассыпается, как пыль... Разгребаешь его руками, коленями, и только тогда наконец вытаптываешь ступеньку. Но стоит товарищу, идущему следом, поставить на эту ступеньку ногу, рыхлый снег оползает вниз, и работу приходится начинать сначала. Буквально — два шага вперед, шаг назад! Лишь к вечеру, измученные, замерзшие, мы добрались до пещеры. Вот когда мы оценили это убежище!

На следующий день мы догнали разведчиков и соединились с ними в пещере «6 200». Здесь пришлось просидеть двое суток: повалил густой снег. Лишь к вечеру второго дня погода прояснилась. Выйдя из пещеры, Абалаков зажег магниевую спичку, ее ослепительный свет внезапно залил склон. Прошло несколько секунд, и внизу, в глухой черноте, вспыхнула крошечная яркая точка... Все хорошо, сигнал благополучия принят!

Когда поднимаешься по скальной стене, надо использовать каждую трещину, каждый самый маленький выступ.

Следующий день был удачным. Свежевыпавший снег за ночь так утрамбовало ветром, что на некоторых участках можно было идти, не проваливаясь. Мы пересекли черные скалы и по крутому снежнику выбрались к основанию ледопада.

Высота — 6 500 метров. Здесь тоже будет пещера. Абалаков с Гусаком, бросив рюкзаки, уходят вверх на разведку, пять человек отправляются вниз в очередной «челночный» рейс, к пещере «6 200», остальные роют новую пещеру. Достигнута еще одна ступень на трудном пути к вершине.

А утром снова вверх! Наши разведчики нашли хороший путь через ледопад. Правда, приходится рубить ступени и передвигаться надо с предельной осторожностью, но все же мы благополучно обходим лабиринт бездонных трещин... Ясный, солнечный день, но в пуховом костюме и штормовке совсем не жарко. Вот когда чувствуешь, что пик Победы — самый северный «семитысячник» мира.

Ветер не так уж силен, но идти приходится очень медленно. Высота семь тысяч метров дает себя знать, каждая попытка прибавить шаг сбивает дыхание.

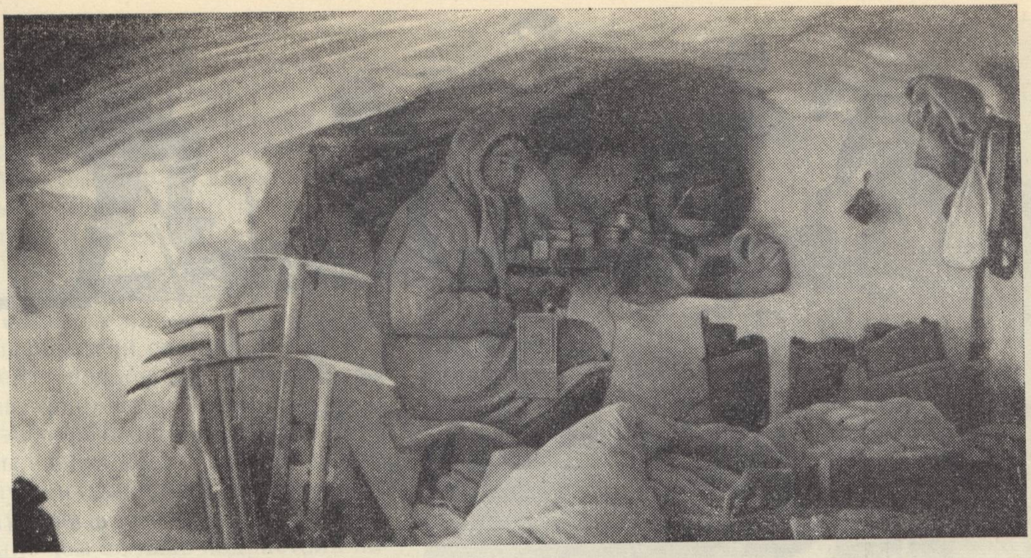
Снежный склон кажется бесконечным. Все окружающие вершины как бы спустились вниз, а до гребня Победы все еще далеко.

Опять начинается снегопад. И все же настроение у нас хорошее: ведь закончена последняя пещера. А непогода, что же? Пересидим и эту непогоду. Продуктов и терпения у нас хватит.

Сидеть приходится два дня. На склонах разбушевался такой буран, точно вершина задалась целью во что бы то ни стало сбросить вниз горсточку людей. Но нам в нашей пещере не страшно. Удобно расположившись в мешках, мы заглушаем вой ветра песнями и читаем вслух захваченные кем-то рассказы О. Генри.

И вот мы снова в пути. Идем, не отдыхая. На этой высоте самое главное — это правильный темп. Пойдешь слишком быстро — начинаешь задыхаться, слишком медленно — замерзнешь...

Через четыре часа достигаем пещеры «7 000» и располагаемся на ночлег. Последний ночлег перед решающим штурмом.

Кухня в снежной пещере.

Тридцатое августа. На склонах пика Победы свистит ветер, вздымая тучи снежной пыли. Но цепочка людей, связанных по двое веревкой, ползет и ползет вверх по отвесному склону. Ледяной ветер проникает под штормовку, заставляет поглубже прятать нос в подшлемник. Каждое резкое движение вызывает одышку. Пудовыми кажутся шекльтоны на ногах. Но ледорубы упрямо врезаются в снежный наст, и на заоругах остается четкий след ступенек.

Миновали одну скальную гряду... Абалаков, сгибаясь под ударами ветра, появляется над гребнем второй. Склон становится все круче. Лезем вверх, придерживаясь руками и ледорубом, кажется, этому не будет конца... И вдруг... Вдруг снежная стена исчезает — и перед нами просторное, огромное небо в бегущих облаках, а кругом, на сколько видит глаз, горы и горы. Мы на вершине! Мы достигли высшей точки Тянь-Шаня!..

Теперь, после громадного напряжения, всех охватывает какая-то странная слабость. Не верится, что больше уже не надо подниматься, что заветная цель достигнута! Кизель, тяжело переводя дыхание, достает киноаппарат. Перед объективом проходят усталые, небритые, почерневшие от мороза лица.

Через час ветер уже заметает людские следы на пустынной вершине. Но на ветру трепещет красный флаг, и в жестяной коробочке, спрятанной среди камней, лежит записка: «30 августа 1956 года в 16 час. 30 мин. группа объединенной экспедиции Всесоюзного совета общества «Спартак» и Казахского клуба альпинистов, под руководством В. М. Абалакова, в составе В. А. Кизеля, П. П. Буданова, Л. Н. Филимонова, Я. Г. Аркина, Н. А. Гусака, И. П. Леонова, Ю. Тура, К. К. Клецко, С. Мусаева и У. Усенова совершила первовосхождение на высочайшую вершину Тянь-Шаня, последний непокоренный семитысячник СССР — пик Победы!»

Мы — у вершины!

ВЯЗЬМИНСКИЕ АРХЕОЛОГИ

Юрий Сотник

Фото автора.

Дело было вечером в конце августа. Шестиклассник Вова Алантьев разбирал учебники и тетради, отбрасывая те, что не пригодятся в новом учебном году. Вдруг в открытое окно кто-то торопливо застучал.

— Вовк, ты дома? Я к тебе! — послышался взволнованный голос, и скоро в комнату вбежал Лева Карпенко. Он громко подышал, потом выпалил: — Завтра в школу... к девяти. Лопату возьми.

— Лопату? Зачем?

Вот часть слюдяного окошка из дворца Петра I в Переславле-Залесском.

— Курган раскапывать.

— Курга-а-н?

— Ага. На Русятке который... Раскопки будем делать. Завтрак с собой захвати.

— Ты что, с ума сошел? «Раскопки»!.. Раскопки только специалистам-археологам разрешается проводить, и они особое удостоверение должны на это иметь.

— Правильно! — воскликнул Лева.— А хочешь, я тебе скажу, что у нас теперь есть и специалист и удостоверение? В школу научная сотрудница приехала! Из Москвы! Из музея! Она будет руководить нами, а мы — курган раскапывать. Мне это сам Степан Ильич рассказал и велел тебе сообщить.

Поняв, что его приятель не выдумывает, Вова даже побледнел от волнения.

Принимать участие в настоящих археологических раскопках! Подобная удача выпадает далеко не каждому юному краеведу. Как же получилось, что вязьминским ребятам так повезло?

Почти десять лет в двадцатой железнодорожной школе города Вязьмы работает краеведческий кружок. Руководят им преподаватель истории Степан Ильич Борисов и преподаватель физики заслуженный учитель РСФСР Пантелеймон Михайлович Запорин. Уже давно одна из комнат школы отведена под краеведческий, а точнее, исторический, музей, буквально набитый экспонатами, собранными руками учеников.

Когда Вова и Лева учились в четвертом классе, они с большим пренебрежением относились к школьному музею. Они были не прочь заняться археологией, но при условии, чтобы можно было сразу сделать какое-нибудь замечательное открытие и притащить в музей что-нибудь яркое, бросающееся в глаза, например, хорошо сохранившуюся мумию в богатых одеждах или кучу усыпанного драгоценностями оружия.

Ничего подобного в школьном музее не хранилось. Самыми интересными экспонатами, по мнению Вовы и Левы, здесь были бронзовая модель пушки-единорога да несколько ржавых сабель.

Однако чем больше подрастали наши друзья, чем больше набирались знаний, тем чаще они заглядывали в музей, тем большим уважением проникались к невзрачным вещицам, собранным в музее. Оказалось, что вещицы эти как бы умеют говорить, только они очень разборчивы в выборе собеседника.

Лежит, например, в музее монетка величиной с наши три копейки. Человеку невежественному и нелюбознательному она ровно ничего не скажет и так и останется для него ненужным кусочком почерневшей меди. А человек образованный и пытливый вступит с монеткой в очень интересный разговор. Увидев на монетке полустершийся человеческий профиль, он спросит:

— Ну-ка, кто это на тебе изображен?

И, разобрав с помощью лупы еле различимые латинские буквы и переведя прочитанное на русский язык, он получит ответ:

— Людовик XVI, король французский.

— Эге! — скажет человек.— Да ведь это тот самый король, который был накануне Великой французской революции! В каком же году его правления ты появилась на свет?

— В тысяча семьсот девяносто втором году,— ответит монетка, если человек взглянет на другую ее сторону.

— Значит, ты родилась уже после того, как восставший французский народ взял Бастилию, и всего лишь за год до того, как изображенному на тебе королю отрубили голову. Насколько мне известно, ребята нашли тебя в песке на берегу реки. Как же ты оказалась у нас в Вязьме?

И, припомнив историю, человек догадается, что с момента рождения монетки до того дня, когда она попала сюда, прошло двадцать лет, наполненных бурными событиями. Революционный Конвент во Франции сменило правительство Директории, потом власть захватил Наполеон. Полчища наполеоновских войск, покорив почти всю Европу, двинулись на Россию. И вот когда наполеоновская армия с боями приближалась к Москве или когда солдаты «непобедимого» императора, голодные и оборванные, бежали под ударами кутузовских войск, монетка и упала в прибрежный песок и пролежала здесь без малого полтора века, пока ее не нашли пионеры.

Так выглядит «фашистский лапоть».

«Раскусив» монетку, ребята уже не удивлялись, что в музее хранятся этикетки с консервных банок, пустые коробки от сигарет. Они рассказывают о других захватчиках, попытавшихся напасть на нашу страну. Эти банки и коробки остались от гитлеровцев. Сигареты из Болгарии, консервы из Франции, Бельгии, Голландии и из других стран...

Разглядывая витрину с этикетками, посетитель музея видит, как много европейских государств поработили и ограбили немецкие фашисты, прежде чем напасть на Советский Союз. Витринку эту прекрасно дополняет

один экспонат — огромная галоша, сплетенная из соломенных жгутов, или, как ее называют ребята, «фашистский лапоть». Такие «лапти» надевали на сапоги гитлеровские часовые. В них нельзя было двигаться, но зато они хоть немного предохраняли ноги от обмораживания. Смотришь, и невольно возникает вопрос: «Неужели фашисты были так бедны, что не могли обзавестись приличной теплой обувью?» А при взгляде на этикетки видишь, что гитлеровцы не были бедны: ведь на них работали заводы и фабрики большинства стран Европы. Обувать же солдат в соломенные «лапти» им пришлось потому, что гитлеровское командование было слишком уверено в скорой победе. Оно рассчитывало, что наша армия будет разбита до наступления холодов, и не позаботилось о теплой одежде для своих солдат.

Однако самыми интересными экспонатами оказались вещи, принесенные ребятами с холма, что возвышается за городом над маленькой речкой Русяткой. Среди них далеко не последнее место занимают черепки от горшков.

Там, над Русяткой, находится настоящий клад для юных археологов. Сама история открытия этого клада оказалась очень поучительной для наших друзей. Услышав ее, они поняли, что такое быть настоящим исследователем.

По вершине холма, о котором я уже сказал, разбросано несколько невысоких бугров довольно правильной формы. Все местные жители знали, что это древние курганы, под которыми зарыты останки людей, живших много веков назад. Ребята, гуляя здесь, частенько вздыхали по поводу того, что им нельзя раскопать хотя бы один из этих курганов и взглянуть, что под ним зарыто. Эти ребята не были исследователями,— они замечали лишь то, что само бросалось в глаза. Поэтому никто из них не задумывался над вопросом, который волновал Пантелеймона Михайловича и других вязьминских краеведов.

Если есть курганник, где людей хоронили,— значит, должно быть поблизости место, где эти люди жили.

Конечно, обнаружить такое место гораздо труднее, чем курган: ведь над разрушенным или заброшенным жилищем никто не насыпал на память потомкам земляных холмов.

Однажды — это было еще до войны — Пантелеймон Михайлович шел по дороге к курганнику. Метрах в трехстах от курганника склон холма был изрезан небольшими карьерами, откуда местные жители издавна брали песок. И вот, бросив взгляд на откос одного карьера, Пантелеймон Михайлович заметил то, чему многие из нас не придали бы никакого значения. На откосе, сразу под травой, был виден темный слой почвы, потом шел пласт песка, смешанного с глиной, под этим пластом опять тянулась полоска почти черной земли, затем снова, уже до самого карьера, виден был один песок.

Пантелеймон Михайлович знал, что на местах, где долго жили люди, земля имеет темный цвет. Такую окраску придают ей различные перегнившие отбросы, угли и сажа из очагов. Если люди почему-либо покидают обжитое место, темный слой, или, как его называют археологи, «культурный слой», постепенно покрывается пластами песка, глины и других осадочных пород. Чем глубже под землей находится культурный слой, тем, значит, больше веков назад жили в этом месте люди.

Спустившись в карьер, Пантелеймон Михайлович отковырнул кусочек темной земли и раскрошил его. Догадка подтвердилась: он увидел на своей ладони несколько мелких угольков.

Так было открыто селище — место, где в древности жили люди из славянского племени кривичей. Изрытое карьерами, оно не представляло ценности для ученых, зато ученикам двадцатой железнодорожной школы уже никто не запрещал рыться в перекопанной земле.

И эта работа, начатая сразу после войны, ведется ими до сих пор. И каждым, кто к ней приобщается, овладевает исследовательский азарт.

Со времени Французской революции до нас дошло много книг, газет, журналов и других документов. Поэтому монетка, о которой я говорил, и другие вещи, оставшиеся от той эпохи, лишь дополняют то, что мы знаем о том времени по литературе. Другое дело — эпохи более древние, о которых не только книг, но и рукописных летописей почти не сохранилось. Тут уж только вещи, и даже жалкие обломки этих вещей, помогают нам узнать, как жили люди в те далекие времена. И надо изрядно поворочать мозгами, чтобы заставить вещи «заговорить». Учились «ворочать мозгами» и наши краеведы. Новичкам, например, Степан Ильич показывал черепок от горшка и спрашивал:

Эта сабля пролежала в земле с времен гражданской войны. Она так заржавела, что вынуть ее из ножен Леве и Вове так и не удалось.

уже известно, что это пряслица для веретен. Но под Вязьмой нигде нет такого красного камня. Откуда же взялись здесь эти пряслица?

Их и еще несколько находок Пантелеймон Михайлович показал научной сотруднице Музея истории и реконструкции Москвы Галине Петровне Латышевой и, вернувшись из столицы, доложил школьным краеведам:

— Пряслица эти изготовлялись в старинном городе Овруч, недалеко от Киева. Там много такого камня, и находят множество этих пряслиц.

— Ну-ка, скажи, как был изготовлен этот горшок?

Новичок недоумевающе молчал.

— Поверхность черепка гладкая или неровная? — задавал наводящий вопрос учитель.

— Гладкая.

— А как по-твоему: горшок был правильной формы или кривобокий какой-нибудь?

— Похоже, что правильной формы. Видите, как он ровно закругляется, этот черепок?

— А можно так аккуратно слепить горшок руками?

— Нет,— отвечал новичок и вдруг застывал с открытым ртом, пораженный внезапной мыслью: «Значит, горшок сделан на гончарном круге!»

Маленький, жалкий черепок помог ему установить, что жившие в XIII веке кривичи уже пользовались таким приспособлением, как гончарный круг.

Бронзовая пуговка, ржавые наконечники от стрел и не менее ржавые ножи, куски выплавленной железной руды, обрывочек цепочки и другие подобные вещи вызывали у краеведов множество вопросов, догадок, заставляли в поисках ответов рыться в книгах. Иные находки ставили в тупик и Пантелеймона Михайловича и Степана Ильича. Тогда, отправляясь по каким-нибудь делам в Москву или в Смоленск, учителя захватывали с собой загадочные вещи, чтобы показать их специалистам. Одно время всех интересовали треугольные камешки красного цвета с дырочкой в середине. Ребятам было

Так ребята узнали, что обитатели селища на Русятке не жили замкнутой жизнью в своих лесах, а вели торговлю с соседями, спускались далеко вниз по Днепру и принимали у себя купцов с юга.

Визит Пантелеймона Михайловича к Латышевой привел к тому, что Галина Петровна заинтересовалась этим селищем и курганами.

И вот теперь наших археологов ждало целое приключение — раскопки кургана.

Ровно в девять часов утра экспедиция вышла из школы. Были тут взрослые — Галина Петровна, оба руководителя кружка и пионервожатая Нина Кубарина, были старшеклассники и ученики шестых классов, было несколько студентов из Москвы и Ленинграда — бывших учеников двадцатой школы.

Уже по дороге Вова и Лева с огорчением узнали, что Галина Петровна приехала еще третьего дня и что уже вчера несколько старшеклассников ходили с ней на Русятку, показали ей селище и уже начали работу по раскопкам, но, к счастью для младших ребят, успели сделать немного — только сняли дерн с кургана.

До окраины города доехали на автобусе. Отсюда до Русятки было километра два. Эти километры оказались самыми мучительными для археологов помоложе: им хотелось бегом

бежать к курганам, а старшие шли степенно, не торопясь.

Но вот наконец поднялись на холм, прошли небольшой кустарник и увидели знакомые бугры, поросшие травой. Только один из них был освобожден от травы и выделялся среди луга красно-желтым пятном.

— Ура-а! — радостно завопили шестиклассники, со всех ног помчались к кургану и, вбежав на его вершину, вонзили в нее свои лопаты.

— Назад! Прочь с кургана! Сию минуту назад! — закричала Галина Петровна.— Вы что собрались делать?

— Копать...

— Как копать?!

— Так... Лопатами.

— А ну-ка садитесь на траву и слушайте.

И, прежде чем приступить к раскопкам, Латышева прочла нашим археологам маленькую лекцию.

Чтобы найти в слежавшейся земле костяк похороненного человека, надо иметь хотя бы приблизительное представление о том, как он лежит. В старину людей хоронили головой на запад, ногами на восток. Значит, прежде всего надо ориентироваться по компасу.

Однако этого мало. Костяк обычно лежит в центре кургана или близко от центра. Но как же мы будем знать, где находится центр кургана, если сроем его вершину и беспорядочно разбросаем землю вокруг? Чтобы «не потерять центра», как выражаются археологи, они, пока не обнаружат костяк, сохраняют так называемую бровку. Представьте себе курган в виде каравая хлеба, в центре которого воткнута спичка. Мы отрезали и удалили обе горбушки, а узенький средний ломоть с воткнутой в него спичкой оставили. Вот такой ломоть, только не хлебный, а земляной, и называется у археологов бровкой.

Узнав всю эту премудрость, шестиклассники молча переглянулись между собой: хороши, мол, мы были, когда набросились на курган с лопатами.

Колышками и шпагатом наметили бровку в направлении север — юг, с таким расчетом, чтобы она оказалась расположенной перпендикулярно костяку, скрытому в кургане.

Раскопки начались. Работа шла медленно, потому что копали очень осторожно. Постепенно таяли «горбушки», все отчетливей правильной дугой вырисовывалась бровка. В земле стали попадаться мелкие угольки. Ребята знали, что у древних славян существовал обычай во время похорон разжигать костер и угли от него зарывать в кургане. Этот обычай был отголоском обычая еще более древнего, когда умершего, прежде чем хоронить, сжигали.

Часа через два Пантелеймон Михайлович велел пионерам вскипятить чаю, и они покинули свое рабочее место у подножия кургана. И вот, когда был разожжен костер и когда вода уже почти закипела, с кургана раздался возглас:

— Галина Петровна, смотрите!

Все бросились к кургану и уставились на светлый округлый предмет, слегка выступивший из земли.

— Галина Петровна, это камень или...

— Нет, ребята, это не камень. Это, похоже, череп.

Галина Петровна произнесла эти слова вполголоса, но сердца у археологов подпрыгнули так, словно у них над ухом грохнула пушка.

После этого началась самая кропотливая, самая ответственная часть работы. Лопаты были отброшены. Ножами и специальными щеточками Галина Петровна и ее старшие помощники стали осторожно освобождать череп от земли. Остальные не спускали глаз с работавших археологов и с волнением гадали, кто зарыт под курганом: мужчина или женщина? Ребята уже знали, что в женских захоронениях археологи часто находят какие-нибудь украшения, а мужские, если только в кургане не был похоронен воин, с которым по обычаю зарыли его оружие, обычно оказываются беднее находками.

Скоро этот вопрос был разрешен. Когда отделили кусочек грунта, прикрывавший череп, в нем мелькнуло что-то зеленоватое. Когда это «что-то» было осторожно очищено от земли, оно оказалось позеленевшим бронзовым кольцом, слегка напоминавшим большую серьгу.

— Височное кольцо,— пояснила Галина Петровна.

Это было женское украшение, которое ребята видели на картинах из жизни древней Руси да на иллюстрациях к старинным народным сказкам. Череп был слегка повернут лицом влево. Когда его совсем освободили от земли, под ним нашлось еще одно такое же кольцо.

Окрыленные успехом, не дав себе отдохнуть, археологи принялись расчищать грудную клетку. Здесь они нашли лишь полую бронзовую пуговку, похожую на маленький бубенчик.

В это же время другие ребята освободили от земли кости ног, на которых ничего интересного не оказалось.

— Срывайте бровку! — сказала Галина Петровна.

И вот, когда бровка была срыта, на костях рук, вытянутых вдоль туловища, ребята обнаружили прямо-таки целый клад!

Здесь были два бронзовых кольца с широкими изогнутыми пластинками, украшенными рисунком из маленьких дырочек. На запястьях оказались бронзовые браслеты, а под одним из браслетов — клочок толстой шерстяной ткани.

Костяк обмерили рулеткой, сфотографировали и снова засыпали землей.

* * *

Так музей наших краеведов пополнился новыми экспонатами. Клочок бурой шерстяной ткани, покрытые зеленью металлические вещицы вызывают презрительные гримасы у малышей, а у старших ребят — множество интересных споров, догадок, различных предположений.

Почему вся ткань, в которую была одета умершая, истлела без следа, а под браслетом сохранилась? Ребята скоро догадались, в чем тут дело. Браслет окислялся, продукты окисления пропитали ткань и предохранили ее от гниения.

Все браслеты сделаны из перевитых между собой бронзовых проволок толщиной примерно в миллиметр. Проволока очень ровная, на всем протяжении одинаковая по диаметру. Как делали ее славянские мастера? Какие приспособления они имели, чтобы тянуть такую ровную проволоку? Этот и многие другие вопросы до сих пор занимают наших юных археологов.

Но вот что надо отметить.

Как ни интересна витринка с находками из кургана, а все же она составляет лишь маленькую часть экспонатов, собранных в школьном музее.

Все остальные вещи, часто не менее ценные, найдены ребятами в самых различных местах: на разрушенном селище и в карьерах, вырытых экскаваторами на стройках домов, в походах по родному краю и у себя во дворах.

Я уверен, что и вас, читатели, окружает немало вещей, которых вы не замечаете, но которые могли бы рассказать вам много интересного.

Таежный великан

Обширны и богаты земли, воды и недра Дальнего Востока, но, пожалуй, одним из главных богатств края можно считать лес.

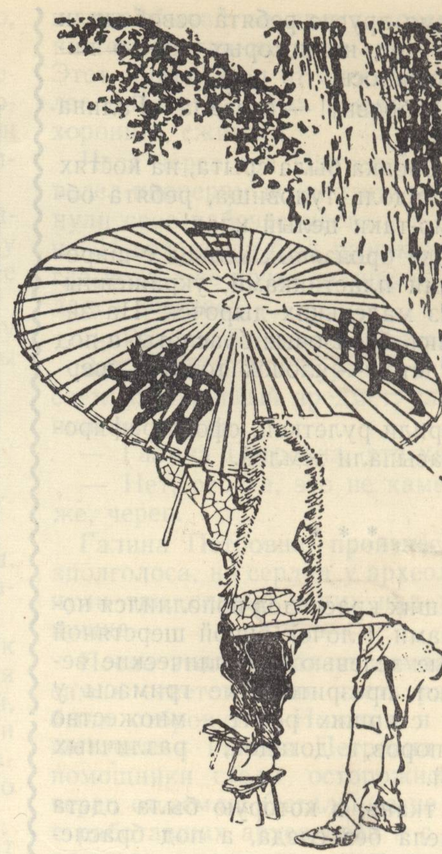
Дальний Восток обильно покрыт лесом. Каких только деревьев нет в дальневосточной тайге: лиственница, ель, амурская липа, ильм, бархатное дерево, аянская ель, белокорая пихта!

И над всем этим богатством, прорвав потолок спутанной листвы, возвышаются могучие и величавые таежные великаны — гигантские кедры. Это необычайно красивые и мощные деревья. Среди них попадаются экземпляры высотой в многоэтажные дома.

Электропильщик Василий Дмитричук спилил такой гигантский кедр. На снимке можно увидеть, какое это огромное дерево. Длина его — 22 метра. А взгляните на торец: диаметр его — 170 сантиметров. Он почти равен росту человека, который свалил этот кедр.

Укийо-е

Не правда ли, ребята, эти рисунки и картины совсем особенные, не похожие на те, к которым привык наш глаз?

Это произведения художников Японии, а в Японии искусство на протяжении многих столетий развивалось совсем по-иному, чем в европейских странах.

Художники — как рассказчики. Один повествует неторопливо, с увлечением описывая каждую мелочь, — и перед слушателями из тысячи мелких подробностей отчетливо встает картина жизни. Другой в нескольких сжатых словах передает главное, и под действием этих слов ваше воображение само рисует яркую картину.

Вот стихи:

На голой ветке
Ворон сидит одиноко...
Осенний вечер!

Это хокку. Так называются у японцев коротенькие стихотворения, всего в три строки.

Три строки перед нами, а как много сказал в них поэт! Он выбрал самые яркие приметы осени. Ведь только осенью ворон летит на ночь к человеческому жилью, и только осенью, когда сад потерял листву, отчетливо видна птица на оголенных ветвях. Ты видишь эту одинокую неподвижную птицу и чувствуешь грусть и холод осенний...

Картины японских художников изящны и кратки, как хокку. Посмотрите, какими смелыми движениями кисти нарисовал Огата Корин двух

Олень. Хокусаи (1760—1849).

Щенки. Корин (1660—1716).

играющих щенков. Того, что ближе, он только слегка очертил контуром. И все же щенок перед нами как живой: неуклюжий, толстый, добродушный, ленивый. Расшалившийся забияка-брат жует его ухо, а ему и огрызнуться-то лень.

Ясно ощущаешь мокрый, липкий снег в картине Ейсана «Женщина с зонтиком» и бешеный порыв ветра в картине Хиросиге. А продавец рыбы, изображенный Кунисадой! Сразу видно, что этот бедняк совсем продрог, долго и терпеливо ожи-

Фудзи сквозь камыши. Хокусаи

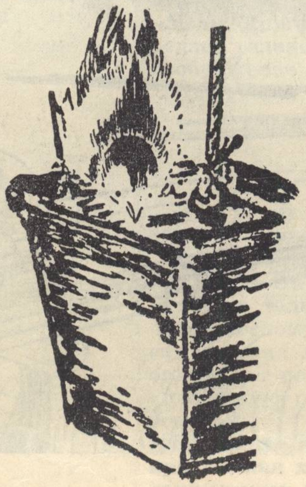

Чаепитие. Моронобу (1618—1694).

дая покупателя на свой товар. Художник Моронобу вводит нас в японское жилище, где происходит чаепитие: плетеные циновки, легкие раздвижные стенки — сьодзи,— изящная роспись на них, служанка, подающая чай, непринужденно беседующие гости...

Почти все произведения, помещенные здесь, созданы в восемнадцатом и девятнадцатом веке. До этого на протяжении многих столетий художники изображали лишь то, что нравилось знатным феодалам. Повседневная жизнь считалась «низкой», недостойной искусства. Но лет двести назад произошла великая перемена. Появились художники, рисующие не сказочных героев, демонов и богов, а обыкновенных людей в обыкновенной обстановке.

Художники, объединяемые одинаковыми убеждениями и целями, называются школой. Это была реалистическая школа Укийо-е, стремившаяся изображать то, что близко каждому японцу. Художники Укийо-е делали рисунки, которые потом мастерами-гравировальщиками вырезывались на досках из сердцевины вишневого дерева и печатались во многих сотнях экземпляров.

Оттиск гравюры стоил недорого. Даже небогатый японец мог купить его, и произведения искусства стали украшать жилища простых людей.

Великий художник Японии Кацусика Хокусаи тоже принадлежал к школе Укийо-е. Его кисти принадлежат десятки и тысячи зарисовок из жизни простых людей. Эти зарисовки — манга — составляют пятнадцать томов.

Хокусаи был не только художником, но и поэтом. На своих картинах он часто делал короткие стихотворные подписи. Вот одна из них:

Как бесконечные сны,
Скользят по реке плоты...
Ласково сквозь камыши
Фудзи шлет им привет.

Эту картину вы здесь тоже найдете. Фудзияма, гора Фудзи,— самая красивая из гор Японии. Хокусаи очень любил ее рисовать. У него есть целый альбом гравюр «Сто видов горы Фудзи» и другой альбом — цветных гравюр — «Тридцать шесть видов горы Фудзи».

В этих альбомах, рисуя Фудзи, Хокусаи одновременно показывает многообразные картины японской жизни. Тут и плоты сплавляемых бревен, и стирка белья на реке, и бочар за работой, и рыбаки, тянущие лесу, и крестьяне с тяжелой ношей на коромыслах, и усталые путники под дождем. Это были картины, близкие всем простым людям. Недаром Хокусаи называли «великим кули, рисующим для кули».

ЖЕНЩИНА С ЗОНТИКОМ. Ейсан (1787—1867).

ПРОДАВЕЦ РЫБЫ. Кунисада (1786—1864).

ПОРЫВ ВЕТРА. Хиросиге (1797—1858).

РЫБАК В КАДЗУКА-САВА.

Хокусаи (1760—1849)

ЛОДКИ НА РЕКЕ СУМИДА. Из серии тридцать шесть видов Фудзи.

Хокусаи.

ДОМИК У КРАЯ ПУСТЫНИ

Виль Орджоникидзе

Рисунки В. Константинова.

1

Мы сидели на крыше сарая — я и Галя, моя двоюродная сестра. Крыша была деревянная и почти плоская. В этих краях редко случаются дожди, поэтому на крыше не было ни черепиц, ни железа. Гладкие доски были набиты в два ряда: второй ряд покрывал щели первого. Это чтобы в сарай не набивался песок. Ведь когда начинался ветер, песок носился в воздухе тучами.

С той поры, как мы приехали сюда погостить, у наших дедушки с бабушкой прошла неделя, а крыша эта, обнаруженная нами в первый же день, стала нашим самым любимым местом.

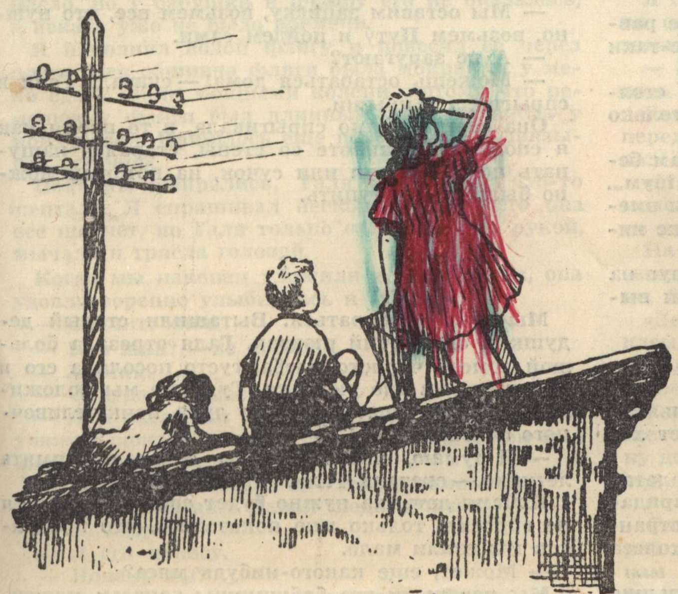
Здесь нам никто не мешал и мы никому не мешали.

Гладко оструганные доски не накалялись от солнца, как все вокруг: камни, кирпичные ступеньки крыльца, песок. Можно было лежать на крыше, и доски даже слегка холодили наши опаленные солнцем спины.

С крыши легко было сползти на турник, потому что один конец перекладины прикреплен был к стене сарая. На этом турнике мы болтались, как чертики на веревочке, пытаясь подтягиваться.

И, наконец, отсюда, с крыши, было великолепно видно все, что делается в нашем дворе и вокруг него.

Домик был маленький, каменный, огороженный камышовым забором. На одной из его стенок темным камнем был выложен номер — «186».

Вы, наверное, не раз замечали такие одинокие домики у самого полотна железной дороги. Живут в них люди, которые следят за тем, чтобы пути были всегда в порядке и чтобы не могло случиться с поездами никакой беды.

Дедушка наш работал техником по защите пути. Каждую осень он вместе с путевыми обходчиками расставлял большие деревянные щиты вдоль насыпи, чтобы зимние ветры не засыпали песком рельсы, а летом он целые дни пропадал в питомнике, где разводил какой-то особенный саксаул и большие колючие кусты, которые могут расти в самых сухих песках. Он собирался рассадить их вдоль дороги. Два пышных куста он посадил во дворе возле дома. Не раз, когда бывал закрыт семафор, останавливались около нашего домика поезда, и заспанные пассажиры, высовываясь в окна, с удивлением рассматривали зеленые кусты, неожиданно появившиеся в сухой пустынной долине.

Рельсы проходили под самыми окнами домика. Когда окна были открыты, в комнату тянуло терпким запахом дегтя от шпал. Если же кто-нибудь проходил мимо, было слышно, как с громким хрустом ломаются под ногами ракушки на насыпи.

Несколько раз мы брали с собой на крышу дедушкин компас и теперь точно знали все страны света.

Если пойти от нашего домика на север, куда тянутся рельсы, очень скоро можно прийти на станцию. Ее видно с крыши. Туда мы ходим за хлебом и за водой, когда приезжает поезд со стороны Аджи-Кабула. Это особенный поезд: платформа с двумя огромными деревянными кадками, наполненными водой для станции и поселка, вагон-ледник с продуктами и вагон-лавка, где можно купить все, начиная с ученического пера и кончая велосипедом.

Как только этот поезд медленно проползал мимо нашего дома, мы хватали бидоны и чайники и бросались занимать очередь за водой. Вода из кадушек лилась широкой тяжелой струей, вмиг наполняя ведро. Около платформы скапливалась лужа, к ней сбегались понурые станционные собаки. Они торопливо и жадно лакали воду, рыча друг на друга и огрызаясь.

За полотном железной дороги вдали стоял целый лес нефтяных вышек. Там был поселок и нефтяной промысел.

В той стороне, откуда каждое утро всходило солнце, было море. Ходу до него было «часа два для хороших ног», но наши ноги, хотя и носили нас по пескам вокруг дома

с утра до вечера, все-таки оказались недостаточно хорошими и крепкими.

Мы ходили однажды с дедушкой на море. Идти по барханам было очень трудно: горячий песок больно жег подошвы, острые песчинки кололи лицо и набивались в глаза, на губах скрипела горькая соль, от пота горела кожа.

Правда, на море, плескаясь в теплой, ласковой воде, мы забыли обо всем этом. Но зато на обратном пути все тяготы стали еще чувствительнее, и мы с трудом добрели до дому, таща ворохи пахучей «морской травы». Ею бабушка набила наши матрацы. Шелест ее по ночам напоминал нам об этой прогулке.

Да, море оказалось очень далеким!

А на юг тянулись одни барханы, из-под которых торчали странные неживые ветви: на них не было ни единого зеленого листочка. Даже дедушка редко ходил в ту сторону.

Но всегда ведь интереснее та сторона, о которой ничего не знаешь.

2

Мы сидели на крыше и чинили змея, напоровшегося на радиоантенну.

Утро началось, как обычно. Ушел в свой питомник дедушка. Загудел и отошел от станции «Ученик» — так назывался пригородный поезд. Давно, когда в поселке нефтяников не было школы, на нем ребята ездили в город учиться. Но школу построили, ребята теперь никуда не уезжают, а название осталось.

Сейчас на этом поезде уехали в город наши мамы и бабушка. Мы остались за хозяев — я с Галей да большая черноухая кавказская овчарка Пута́. Она лежала на террасе и шумно почесывалась.

Напряженно звенели телеграфные провода.

— Они звенят потому, что по ним бегут телеграммы,— сказала Галя.

— Ничего подобного, просто от жары. Нагреваются и звенят.

— Много ты знаешь! Вот если приложить ухо к столбу, можно услышать все телеграммы. Слово в слово!

Я знал, что не стоит спорить с Галей. Все равно последнее слово останется за нею. Но все-таки сказал:

— Сколько раз мы прикладывали ухо к столбу и никаких слов не слышали. Один только звон.

— Это потому, что сразу по всем проводам бегут разные телеграммы, и получается шум... А если только одна... Вот посмотри, если мы вместе скажем какие-нибудь разные слова, тоже ничего нельзя понять. Вот давай вместе!

И, чтобы убедиться в этом, мы, глядя друг на друга и считая до трех, изо всех сил стали выкрикивать разные слова.

Но кричали мы недолго.

Внезапно со стороны станции показался самолет.

Он летел низко-низко, покачивая крыльями. Я никогда раньше не видел, чтобы самолет летел так низко.

Он трещал, как мотоцикл, и, когда пролетал прямо над нами, показалось, что он хочет придавить нас к крыше своими колесами. Очень странно было на них смотреть: самолет летел, а колеса были неподвижны.

Мы отчетливо видели на его крыльях большие черные буквы: «СССР Л-217». И вдруг там, наверху, появилась большая гладкая голова с огромными, как у кузнечика, выпуклыми глазами, осмотрела все вокруг и снова исчезла. Тут мы догадались, что это пилот в шлеме и очках.

— Низко-то как!..— сказала Галя.— Как бы он за провода не зацепился...

Я прикинул расстояние от самолета до телеграфных проводов и тоже подумал, что самолет летит слишком низко.

— Смотри, смотри, Витя! Опять сюда!

Самолет действительно круто повернул, став в воздухе почти боком, и опять пролетел к станции, но уже ближе к южным барханам. Потом он снова развернулся и, покачивая крыльями, медленно полетел на юг. Он пролетел над линией барханов, неожиданно круто повернул обратно и рывками, словно спотыкаясь на ступеньках, начал опускаться все ниже, ниже и пропал за холмами.

Сразу заглох треск мотора, и стало тихо.

Мы вскочили на ноги, напряженно вглядываясь в ту сторону, где исчез самолет. И вдруг ясно увидели, что из-за холмов поднимается струйка дыма.

— Витя, что это? Что случилось?!.

Мы стояли на крыше, смотрели на этот дымок, медленно тянувшийся вверх, и думали о летчике. Наверное, кроме нас, никто не видел самолета: ведь на станции все заняты своими делами. Никто не видит этой струйки дыма, никто не знает, откуда она. А как же летчик?!. Один в пустыне, в незнакомом месте, рядом с горящим самолетом!.. А вдруг он тяжело ранен или обожжен? И никто не знает об этом...

— Он, наверное, разбился,— сказал я.

— Надо идти туда! — решительно воскликнула Галя.— И помочь летчику. Ему надо оказать первую помощь!

— А как ее оказать?

— Это я знаю!

Я поверил ей: Галина мама работала врачом, и, наверное, она научила Галю, как нужно оказывать первую помощь.

— Ну, а как мы пойдем? С кем? Ведь дома-то мы одни!

— Мы оставим записку, возьмем все, что нужно, возьмем Пуτу́ и пойдем сами.

— А не заругают?

— Можешь оставаться дома! — сказала Галя и спрыгнула с крыши.

Она всегда прямо спрыгивала, в то время как я сползал на животе со стены, стараясь нащупать ногой выступ или сучок, на который можно было бы наступить.

3

Мы стали собираться. Вытащили старый дедушкин охотничий рюкзак. Галя отрезала большой ломоть черного хлеба, густо посолила его и положила на дно рюкзака. Туда же мы положили две сухие тарани, головку лука, пачку сливочного печенья.

— Я думаю, хватит, чтобы сразу накормить летчика,— сказала Галя.

Почему летчика нужно будет сразу кормить, я не спросил, только мне показалось, что продуктов мы взяли мало.

— Может, еще какого-нибудь мяса?

Мы перерыли все бабушкины запасы: мешоч-

ки с крупами и мукой, пакеты с макаронами и солью, но не нашли ничего, кроме коробки консервов «Бычки в томате». Решили их тоже взять.

Галя еще принесла ваты, несколько туго свернутых бинтов и два пузырька: с йодом и нашатырным спиртом.

Пузырек с нашатырным спиртом решили нести отдельно, в руках, чтобы нечаянно не пролить и ничего не попортить в рюкзаке. Потом мы добавили к запасу лекарств еще несколько сырых картофелин, потому что картошку всегда кладут

на обожженные места. Это мы знали по собственному опыту. Правда, можно еще и подсолнечное масло, но у бабушки в шкафу его не оказалось, а искать уже не было времени.

Я наполнил водой флягу и повесил ее через плечо. Вся обшивка фляги была мокрая, и у меня сразу стали мокрыми колени, потому что ремешок у фляги был длинный и она повисла у моих колен. Пришлось еще повозиться, подвязывая ремешок.

Пока мы собирались, Галя все время что-то шептала. Я спрашивал несколько раз, чего она все шепчет, но Галя только отмахивалась рукой, мычала и трясла головой.

Когда мы наконец уложили все в рюкзак, она удовлетворенно улыбнулась и сказала:

— Значит, жив!

— Кто жив? — не понял я.

— Летчик.

— Откуда ты знаешь?

— А я загадала: если успею до того, как мы увяжем рюкзак, сказать сто раз «хоть бы он был жив», значит, будет жив...

— Глупости,— сказал я,— это не помогает...

— Нет, помогает! Давай сюда рюкзак!

— Почему?

— Я его понесу.

— Почему ты?

— Потому что там все лекарства и бинты.

— Нет, не дам. В походе всегда тяжелые вещи несут мужчины.

— А ты что, мужчина?

— Конечно!

— Тю! Какой же ты мужчина, если я тебя могу одним пальцем с места сдвинуть!

— А ну попробуй!

— Ну и попробую!

Галя шагнула ко мне и толкнула меня в грудь, один раз чуть-чуть, а второй посильнее, после чего я с размаху сел на пол, перевернув табурет. Это был известный мальчишеский прием, которому я ее сам научил и который она теперь так успешно применила против меня.

Я тут же вскочил, чтобы дать ей по шее, но Галя отбежала к двери и, сделав большие глаза, замахала руками:

— Ну, как тебе не стыдно, как не стыдно! Надо ведь еще написать записку!

Галя села за дедушкин стол и, осторожно макая перед каждым словом ручку в чернила, написала:

«Мы пошли за южные барханы. Туда упал самолет. Мы должны оказать первую помощь. Нас не ругайте. Путу́ взяли с собой».

На дедушкином столе обычно лежал компас, но сегодня его не было, значит, дедушка ушел далеко. Я взял ручку и приписал:

«Дедушка, жалко, нет твоего компаса. Мы идем туда, где юг, где за холмом дым».

Мы вышли из дому, закрыли дверь и спрятали ключ в условленное место.

Если вглядеться в сторону южных барханов, все еще можно было увидеть отчетливую струйку дыма.

4

Сначала мы шли очень быстро. Гора, за которой виднелся дымок, была прямо перед домом, и нам казалось, что мы доберемся до нее в два счета.

Мы прошли через ровную, утоптанную площадку и стали подниматься на склон. Путá бежала впереди, весело поблескивая белыми зубами и высунув длинный красный язык.

— Ну вот,— сказала сердито Галя,— не успели из дому выйти, а она уже пить хочет! Но мы ей ничего не дадим, правда, Витя? Все летчику.

— Конечно!

Мы взобрались на холм и оглянулись. Когда мы выходили из дому, эта линия барханов казалась совсем близкой. Теперь мы смотрели вниз и видели наш домик. Он был совсем маленький. Маленькими были и сарай перед ним и турник, сделанный как будто из спичек.

Серебристые полоски рельсов блестели перед домиком. Отсюда хорошо были видны и белая станция и поселок нефтяников.

От домика по песку прямо к нашим ногам тянулась темная цепочка. Это были наши следы.

Потом мы шли вниз, уже по другую сторону холма. Идти вниз было гораздо легче. Но впереди вставала новая гряда холмов.

Время от времени мы оглядывались на дорожку следов, тянувшуюся за нами. Так, нам казалось, мы проверяли, правильно ли идем.

Пока мы подымались на новый холм, дымка видно не было, но когда взобрались на плоскую вершину, то увидели его уже ближе. Он был черный и густой.

— Видишь дым? Так мы никогда не собьемся! — сказала Галя. Лицо у нее покраснело и было усыпано маленькими капельками пота.

— Хорошо, что остаются следы. Нам легко будет добираться назад. Прямо по следам, и все...

— А если подует ветер?

— Да, если подует ветер... А если там все сгорит и перестанет идти дым?.. Куда мы тогда пойдем?

Выходя из дому, мы об этом не думали. Просто нам некогда было подумать об этом. Но сейчас, когда мы очутились среди похожих друг на друга холмов, нам вдруг стало как-то не по себе.

— Давай поднимемся вот на тот холм и оттуда все увидим! — решительно сказала Галя.

Я двинулся за нею.

— Тебе, наверное, тяжело,— сказал я хрипло,— если хочешь, я могу понести рюкзак.

— Нет, я сама.

Очень хотелось сесть, вытянуть ноги и долго сидеть так, закрыв глаза. Останавливаясь, я чувствовал, как толчками бьется в ногах кровь.

Новый подъем оказался намного труднее. Галя два раза скатывалась вниз, сбивая меня с ног. Я кричал на нее и судорожно хватался за флягу.

Когда мы упали во второй раз, пробка из фляги выскочила и оттуда вылилась добрая кружка воды.

Галя виновато смотрела на меня, а я ползал по песку, ища пробку. Падая, Галя выпустила из рук пузырек с нашатырным спиртом. Но эта пропажа легко обнаружилась: мы заметили, как Путá роет песок лапами, шумно нюхает что-то и сердито фыркает. Это она разыскала упавший пузырек.

Пробку от фляги мы не нашли. Заткнуть горлышко было нечем, и я шел, зажимая его ладонью.

И с этого холма нам пришлось спускаться вниз. Было очень жарко, и мы, тяжело дыша, смотрели друг на друга.

— Кажется, Путá хочет пить... Очень...— сказала Галя, облизывая губы.

Путá внимательно посмотрела на нас и тоже облизнулась.

— На, попей,— протянул я флягу Гале.

— Нет, сперва ты...

— Я успею, пей ты.

Галя отпила несколько глотков, вздохнула и выпила еще.

— Еще далеко, а у нас воды совсем мало.

— Ничего...— Я отвернулся от Гали и, став к ней спиной, закинул голову, поднес флягу ко рту, но сделал только два глотка и опустил флягу, делая вид, что продолжаю пить.

— Что ты там чмокаешь? — воскликнула Галя, заглядывая мне в лицо.— Ты почему не пьешь? Ты почему же меня обманываешь?! А ну, пей! Пей сейчас же!

Мы поспорили, и я выпил еще три глотка.

Надо было напоить и Путý. Мы не знали, как это сделать. Галя держала собаку за уши, а я лил воду тонкой струйкой на высунутый язык. Путá отряхивалась и торопливо облизывалась.

5

Мы шли, шли, шли...

Места были очень похожи на те, что мы уже прошли. Снова перед нами вставали холмы, мы взбирались на них и скатывались вниз.

Рюкзак теперь нес я, а фляжку — Галя. Горлышко она затыкала большим пальцем.

Когда мы еще раз скатились с холма вниз, Галя вдруг села на песок и сказала, что надо решить точно, что делать дальше.

— Мы уже столько прошли! Может, его и нет вовсе.

— Как нет? Мы же сами видели и самолет и дым!

— А сейчас где дым, ты его видишь?

— Нет.

— Ну, значит, его и не было вовсе. Это мираж.

— Какой мираж?

— Обыкновенный, про который в книжках пишут. Идут по пустыне путешественники, идут, силы у них уже никакой не остается, и вдруг перед ними озеро, или река, или деревья... Все это им чудится, мираж...

— Чепуха! Нам же не деревья привиделись, был настоящий дым. И мы вовсе не потеряли силу, когда его из дому видели.

— Ты знаешь, Витя, мне кажется... Нам, наверное, надо вернуться... Пока наши следы не засыпало... Можно, я еще выпью водички?

Путá сидела, высунув язык, и косилась фиолетовым глазом в нашу сторону, словно хотела понять, о чем мы говорим.

— А как же нашатырный спирт и первая помощь?

— Нашатырный спирт? Здесь...— Галя потрясла рукой с зажатым в ней пузырьком.

— Ну, вставай, Галочка, вставай... Может, осталось совсем немного... Совсем близко... На вот, возьми палку... Давай-ка поднимемся на эту горку...

— Да, а за ней будет опять обрыв и опять гора! У меня уже дрожат ноги...

У меня тоже дрожали колени, колотилось сердце, соленые струйки пота заливали глаза. Но сейчас я понял, что не могу позволить себе присесть, не могу прикоснуться к фляге. Кто-то из нас должен быть сильным в эту минуту.

Галя с трудом поднялась, вытирая платком красное, усталое лицо. И тут мы увидели, что Пута́ встрепенулась, навострила уши и припрыгивающей настороженной походкой побежала в гору.

Мы поспешили за ней.

И когда, задыхаясь от быстрого шага, слизывая опухшими языками соль с губ, мы добрались до гребня, то увидели, что перед нами не было больше никаких холмов! Увидели мы и столб дыма. Он поднимался от сильно коптящего пламени, прыгавшего в большой черной бочке. Недалеко от этой бочки стояла буровая вышка. Обыкновенная, привычная, каких много было на промыслах.

В стороне на гладкой площадке, похожий на неяркую ночную бабочку, стоял небольшой самолет.

И главное, кругом были люди! И возле самолета, и возле бочки, и возле вышки.

Пута́ с веселым визгом скатилась по склону вниз, увлекая за собой потоки песка.

Мы пошли прямо к самолету, хотя уже видели, что он цел, что дым идет вовсе не от него и что без нас здесь довольно людей, и все они заняты делами, и нет никакой беды, и нет никакой тревоги.

— Значит, выходит, мы зря...— шептала Галя,— значит, мы просто так...

Пута́ уже вертелась возле самолета, обнюхивая стоявших там людей.

Заметили ее, а потом и нас.

— Вы откуда, ребята? — спросил плечистый белокурый человек в голубой майке, покрытой рыжими масляными пятнами.

— Мы со станции,— сказала Галя.

— Вот как далеко забрались! Зачем же вы сюда забрели?

— Мы не забрели... Мы специально...

— Специально?! И пузыречки у вас какие-то в руках!

— Это нашатырный спирт.

— Нашатырный спирт? Зачем он вам?

И мы рассказали этому человеку все. И про наш дом, и про крышу сарая, и про змея, и про то, как мы одни были дома и как увидели самолет.

Мы рассказывали, а тут подошли и те двое, что были возле самолета, и тот парень, что стоял у горящей бочки, и кто-то из тех, что работали возле буровой вышки.

— Ах, ребятки! — сказал человек в голубой майке, обнимая нас своими большими руками.— Ах, ребятки, ребятки мои...

Это был летчик. Он улыбался и ерошил наши волосы.

— Вот молодцы какие! Ах, ребятки, ребятки...

Оказывается, уже неделю здесь работала геолого-поисковая партия. На буровой сломалась деталь, и ее вместе с продовольствием должен был доставить самолет. Места новые, незнакомые, вот он и летал над станцией, над нашим домом, разыскивая одинокую буровую. Самолет долго петлял над барханами, прежде чем заметил столб дыма от подожженного в бочке мазута. А мы-то думали...

— Может, ребятки, вы и вазелин захватили с собой? — вдруг спросил летчик.

Нет, вазелина как раз у нас не было. Неужели понадобился именно вазелин, как раз то, чего мы не взяли?!.

— Ну, тогда мы сейчас у геологов спросим...

А когда летчик достал у геологов баночку вазелина, он густо смазал наши обгоревшие на солнце, саднившие малиновые шеи и плечи.

6

Через час на мотоцикле геолого-поисковой партии летчик привез нас к нашему домику, приютившемуся у края пустыни.

Нас встретил встревоженный дедушка. Он вышел на треск мотоцикла и визгливый лай Пу>ты́, держа в одной руке нашу записку, а в другой очки.

* * *

С той поры прошло много лет. И я вспомнил все, о чем рассказал здесь, почти случайно. Недавно я проезжал мимо той маленькой станции. Поезд проходил в тех местах ночью, и я не ложился спать.

За окном мелькали огни, огни, огни — целое море электрических огней.

Я все ждал, когда они кончатся и когда мелькнут в темноте четыре окошка одинокого домика возле полотна железной дороги.

Но его все не было.

Я спросил проводника, когда же будет станция, которую я жду.

— А мы ее давно проехали... Как это вы не заметили: там так много света! Сплошь фонари...

Значит, не стало одинокого домика у края пустыни...

Р. Кушниров

Рисунки Ю. Кискачи.

Солнце однажды устало. Ничего удивительного: попробовали бы вы каждое утро забираться на этакую высоту! Устало Солнце и не захотело вылезать из постели. Мир погрузился во тьму и уныние.

Что делать? Собрались на совет жители Земли — люди, звери, птицы. Думали-думали и придумали: надо послать к Солнцу гонца. Да такого, чтобы сумел уговорить Солнце подняться. Решили, что гонца надо искать среди птиц: никто другой не доберется до Солнца,— ведь его дом за далеким лесом, за высокой горой, за последним морем. А из птиц выбрали Павлина: очень он красив — заглядится Солнце, не сможет отказать.

Прилетел Павлин к Солнцу и стал его будить.

— Кто такой? Что надо? — говорит светило, не открывая глаз.

— Я, Павлин,— отвечает ему смиренный голос.— Умоляю тебя, взойди. Без тебя так плохо!

— Кому плохо? — спрашивает Солнце.

— Да хоть мне,— отвечает Павлин.— В темноте даже меня с моим роскошным хвостом не отличишь от вороны.

— Значит, Солнце не тебе нужно,— говорит Солнце,— а твоему хвосту?! Убирайся! Не стану я из-за твоего хвоста светить на весь мир.

И Павлин ушел ни с чем.

Тогда к Солнцу отправили Соловья. «Он такой голосистый,— думали все.— Солнце заслушается и не откажет ему в просьбе».

И правда, едва только Соловей запел, раздалось сонное бормотание проснувшегося светила:

— Как сладко ты поешь... Чего бы ты хотел от меня?

— Поднимись в небо,— стал просить Соловей.— Пусть кончится ночь.

— Разве ночь мешает петь? — спрашивает Солнце.

— Наоборот,— сказал Соловей.— Ночью я не могу не петь. И если не настанет утро, я охрипну или сорву голос.

— Значит, мне нужно подниматься лишь для того, чтобы дать отдых твоему горлу?! — В голосе Солнца зазвенела обида.— А о моем отдыхе никто не думает. Убирайся!

И Соловей ушел вслед за Павлином, а вслед за Соловьем отправился к Солнцу Попугай.

— Взойди! — стал просить Попугай.— В темноте не видно, кого я передразниваю. А что за удовольствие дразнить кого-нибудь и не видеть, как он сердится...

Солнцу даже не захотелось отвечать на это. И понятно: ведь Попугай и его мог бы передразнить.

И тогда Петух стал просить, чтобы ему разрешили отправиться к светилу. Никто не верил в Петуха: красоты он невеликой, песня его груба и однообразна. Однако других охотников не было.

Когда Петух добрался до Солнца, оно было погружено в безмятежный сон. Петух тихо подобрался к его изголовью и пропел свою немелодичную песню. От неожиданности Солнце вскочило с постели, одеяло с него свалилось, и весь мир сразу просиял и просветлел.

— Кто? Что? В чем дело? — бормочет Солнце спросонья.

А Петух снова:

— Кукареку-у! Вставай, лежебока! Обязанностей своих не знаешь!

— Какие-такие обязанности? — говорит Солнце, потягиваясь.

— Светить, согревать! — отвечает Петух.— Без тебя не станет жизни на Земле. А значит, и твоя жизнь будет напрасна.

— Я и так понапрасну работаю всю жизнь,— говорит Солнце.— Никто меня не ценит. Павлин только и глядит, что на свой хвост, Соловей только себя и слушает, Попугай...

— Ты забыл о людях,— сказал Петух,— о том старом крестьянине, что встает с тобой вместе и говорит, протягивая к тебе руки: «Солнце! Будь ласково к моему рису!»

— Что мне люди? — говорит Солнце.— Разве я стану менее светлым, если люди погибнут?

— Конечно,—отвечает Петух.—Ты потускнеешь. Вспомни, как ты множишься в каждом водоеме, выкопанном людьми, в каждой утренней росинке на рисовых листьях. А как ты сияешь в начищенных кувшинах, в которых женщины несут воду, как дробятся твои лучи в крестьянских мотыгах, отполированных землей! И как ты отражаешься в зеркальце девушки — она ловит твое отражение и посылает его своему милому... Если не станет людей, мир потемнеет, и ты не увидишь тех тысяч солнц, которые сияют во всем, что сделано руками человека.

Но Солнце не легко было уговорить:

— Сладко ты поешь, Петух, но пойми: я хочу пожить для себя. Отдохнуть.

— Кто живет для себя,— говорит Петух,— тот для других умер! И тебе ли, Солнце, не знать, что хорошо отдыхает только тот, кто хорошо поработал...

Видит Солнце, не переспорить ему Петуха. Ничего не оставалось ему делать, как подняться в небо и снова взяться за работу.

А Петух с той поры каждый день встает до зари и поет протяжно и громко. И первая его песня — к Солнцу:

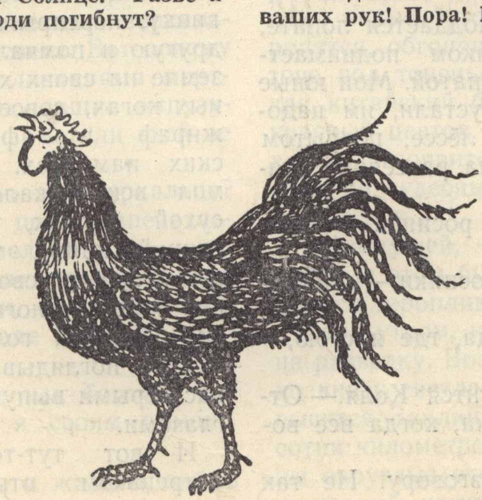
— Кукареку! Проснись! Пора браться за работу!

А вторая его песня — к Земле:

— Пробудись! Напои соками семена и корни!

И третья его песня — к людям:

— Поднимайтесь! Солнце встает! Земля ждет ваших рук! Пора! Кукареку-у!

В поисках неизвестного

РАССКАЗЫ ЭНТОМОЛОГА

П. Мариковский

Капелька росы

Последние дни августа... Ночью уже холодно, но днем солнце все еще нещадно греет землю, и в струях горячего воздуха колышутся миражи-озера. На выгоревших лёссовых холмах трава сухая и колючая. Она не гнется от ветра, только тихо позвякивают, ударяясь друг о друга, коробочки с семенами. За холмами виднеются красные горы, задернутые сизой дымкой, голые, выжженные долгим жарким летом. А в другой стороне, меж увалов, проглядывает блестящая полоса реки Чу, в необычных для этих мест изумрудно-зеленых берегах.

Сегодня мы заняты муравьем-жнецом. Подземное жилище его легко опознать по кучке шелухи из семян различных растений у входа.

Испокон веков живут эти муравьи в пустыне, питаясь семенами разных трав. Когда человек распахал и засеял желтые холмы, муравьи стали подбирать зерна, упавшие на землю. Интересно узнать, сколько килограммов зерна хранится в глубоких кладовых муравейников?

Сухая почва с трудом поддается лопате, мелкая белая пыль облачком поднимается после каждого удара лопатой. Мои юные помощники Зина и Коля устали, им надоело копаться в пыльном лёссе, покрытом сухой колючей травой. Зина рассеянно глядит куда-то в сторону.

— Смотри, вон блестит росинка! — говорит она тихо.

— Не вижу никакой росинки,— сердито отвечает Коля.

— А ты посмотри отсюда, где я стою,— настаивает Зина.

— Пустое дело! — кипятится Коля.— Откуда может взяться росинка, когда все вокруг высохло?

Я прислушиваюсь к разговору. Не так легко увидеть эту загадочную росинку, тем более, что Зина сама уже потеряла ее из виду. Может быть, и не было никакой росинки, ей померещилось?

И вдруг я отчетливо вижу: на сухом кустике колючки вспыхивает белая искорка. Не искорка, а маленький бриллиант сияет, как утренняя росинка... Сверкнула и исчезла, снова появилась и погасла.

Кто не видел, как на закате солнца вдруг зажигается другое, маленькое солнце?.. Вглядываешься в него и не можешь понять, что это. А потом оказывается, это отражение в оконном стекле большого, настоящего солнца.

Бывает и так: вдруг в траве засияет драгоценный камень. Подойдешь к нему, поднимешь с земли осколок стеклянной бутылки и дивишься, как он, такой жалкий и грязный, мог так чудесно светиться, отражая лучи.

Может быть, и в этой маленькой искорке на сухой, желтой травинке тоже окажется что-нибудь обычное, будничное? Мы все трое, затаив дыхание, подбираемся к сухой травинке...

Ничего не видно на высохшем, жалком растении... Вдруг шевельнулась веточка, и мы увидели желтого, совсем неприметного богомола-эмпузу на тонких длинных ногах, с большими серыми глазами и брюшком, похожим на колючку. Вот он скакнул на травинку, перепрыгнул на другую и помчался по земле на своих ходульных ногах, совсем как жираф в африканских пампасах. Богомол вскарабкался на сухой кустик, повис спиной книзу, молитвенно сложил свои цепкие передние ноги-шпаги, повернул голову и замер, поглядывая на нас серыми выпуклыми глазами.

И вот тут-то на остреньком отростке, что виднелся на голове

богомола, вспыхнул, переливаясь всеми цветами радуги, яркий бриллиантик.

Богомолы — хищники. Обычно они сидят неподвижно, затаившись в засаде и поджидая добычу. Как только приблизится к богомолу какое-нибудь насекомое, он прыгает и хватает добычу передними ногами, вооруженными шипами и острым отростком.

Как и большинство хищников, карауляющих добычу в засаде, богомолы окрашены скромно, под цвет окружающей растительности. Поэтому их не сразу заметишь. Только немногие богомолы тропических стран, подражающие цветам и тем самым приманивающие насекомых, имеют яркую окраску.

Наш богомол-эмпуза — желтый, со слабыми коричневыми полосками — очень походил на сухую веточку. Это сходство усиливали длинные, как былинки, ноги и похожее на колючку брюшко.

Но зачем и откуда у богомола эта бриллиантовая звездочка, о которой не слышал еще ни один энтомолог?

Вооружившись биноклем с надставной лупой, я долго и тщательно рассматриваю застывшего богомола.

Оказывается, совершенно гладкий отросток на голове богомола спереди похож на вогнутое зеркальце. Поверхность этого зеркальца и отражает солнечные лучи. Если бы зеркальце было слегка выпуклым, его легче было бы поцарапать, чем зеркальце вогнутое, лежащее в ложбинке и прикрытое с боков выступающими краями отростка.

Искорка, которую мы все заметили, видна только тогда, когда пучок отраженных солнечных лучей попадает в человеческий глаз. Она напоминает росинку и видна на расстоянии до десяти метров. У мертвой эмпузы, засушенной для коллекции, зеркальце мутнеет и не отражает света. Вот почему ученые, работающие с коллекциями мертвых насекомых и не наблюдавшие эмпузу-пустынницу в природе, не заметили этой ее чудесной особенности.

Зачем же эмпузе нужно это зеркальце? Отражая свет, оно создает полное впечатление капельки росы. А капелька росы в пустыне — ценная находка для страдающих от жажды насекомых. И они, обманутые, летят к затаившемуся в засаде хищнику, прямо к своей гибели.

— Посидим, посмотрим, как богомол ловит добычу,— предлагаю я своим помощникам.

И мы, не замечая жары и жажды, забыв об отдыхе, который ждал нас в тени машины, следим за притаившимся богомолом. Наше ожидание не напрасно. Небольшая красноглазая мушка внезапно падает откуда-то сверху и садится прямо на «росинку». Сухая палочка мгновенно оживает; молниеносно взмахивают ноги, красноглазая мушка, зажатая в острых шипах хищника, жалобно жужжит. И вот уже задвигались челюсти, разгрызая трепещущую добычу.

Взаимная выручка

Трудолюбиво, ровно гудит мотор машины. Весенний ветер, бьющий в лицо, приносит запахи цветущей пустыни. Холмы покрыты кумачом цветущих маков. Вся пустыня багровая. Красные обочины шоссе, красный горизонт, сиренево-красные дали, только кое-где пробивается сочная яркая зелень. Низко над землей бесшумно плывет лунь, его снежно-белые крылья над красной степью становятся розовыми.

Алые венчики маков с черными сердечками повернулись к солнцу — тянутся к теплу. Нежные лепестки цветов недолговечны. Тихо, один за другим, как осенние листья с дерева, падают они на землю. А рядом набухают новые бутоны, поднимаются вверх, торопятся, обгоняя друг друга. В каждом бутоне под тоненьким зеленым чехольчиком, как китайский бумажный фонарик, сложен красный цветок. Чуть побуреет зеленый чехольчик, появится трещинка в нем, и, расправляя чудесные лепестки, вспыхнет фонарик-цветок.

В цветущей, наполненной ароматом пустыне, в этом буйстве цветов, особенно ощущается торопливая поступь жизни.

Рано утром, когда все еще спят, я ухожу на разведку. Воздух чист и прозрачен. Далеко внизу светлеет река Или, за ней грядою высится Заилийский Ала-тау. До гор около сотни километров, но в бинокль хорошо видны округлые очертания зеленых холмистых предгорий, темно-синие еловые леса и снежные вершины с острыми зубчатыми скалами.

Далеко над рекой курлыкают журавли. Проносится стая уток. Снежные вершины вспыхивают розовым цветом: восходит солнце. Утром сильнее ощущается аромат цветов: накопленный за ночь нектар еще не успел испариться.

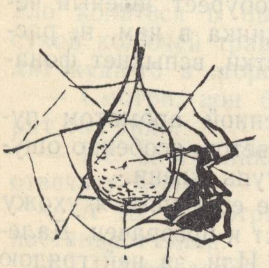
Возвращаясь обратно, с трудом нахожу наш бивак. Склон холма, у которого мы разбили палатки, вчера был покрыт сиреневыми цветами, а ночью как будто сменили покрывало — весь холм покрылся ярко-красными маками.

Как только я подошел к биваку, мой товарищ сообщил новость: недалеко от палатки, в старой норе большой песчанки, он нашел взрослую самку каракурта. Невероятная находка. Весной, во время цветения маков, происходит расселение маленьких паучков, только что вышедших из коконов, в которых они зимовали. Всю весну паучки будут усиленно расти и к началу лета, когда знойное солнце выжжет степь, станут взрослыми каракуртами и переселятся во всевозможные теневые укрытия, в том числе и в норы. Потом они отложат в коконы яички и к осени погибнут.

Откуда же теперь взяться взрослым самкам каракурта?

Но товарищ настаивает на своем, и мы топчем маки, разыскивая норку песчанки.

Среди цветов нелегко разыскать норку. Наконец она найдена, перед ее входом поблескивают беспорядочно переплетенные паутинные нити. Тенета очень похожи на ловчую сеть каракурта, только нити тоньше и нежнее. Паук, видно, затаился в норе. Солнечный зайчик от карманного зеркальца скользит по шероховатым стенкам норы, освещает коконы каракурта, старые, пожелтевшие, с дырочками, прогрызенными паучатами, и среди них необычно свежий кокон, маленький, светлый, с серебристыми, отражающими свет шелковыми нитями. Из-за кокона выглядывает какое-то черное существо. Оно и в самом деле похоже на каракурта.

Внезапно паук выскакивает и бежит прямо к выходу из норы, будто собираясь броситься на нас, нарушителей покоя. Но, как бы одумавшись, он мчится обратно и прячется за светлый кокон. Теперь его не вытащить оттуда. Может быть, раскопать нору? Но кто знает, как глубока нора и не уйдет ли от нас паук!

Мы ловим маленькую большеголовую кобылку и подбрасываем в тенета. Кобылка неловко карабкается по паутинным нитям, добирается до земли, щелкает длинными ногами и стремительно скачет прочь. Видимо, паук так напуган, что не решился выйти из своего убежища даже на такую аппетитную приманку.

Ну, что же, подождем! Через десяток минут молодая большеголовая кобылка снова неуклюже ползет по тонким блестящим нитям. Одна из нитей вздрагивает, натягивается. Из норы высовываются две черные ноги, показывается голово-грудь с восемью блестящими, как бусинки, глазами, и, наконец, выскакивает и весь паук, бархатисто-черный, с ярко-красными узенькими параллельными полосками на брюшке и красными пятнами на спине. Движениями, манерой выскакивать из логова и нападать на добычу и, наконец, своей внешностью паук очень напоминает каракурта. Только он меньше этого свирепого хищника, да и красные пятна другой формы.

И тут мне вспомнились давние годы, когда я занимался изучением ядовитого каракурта. Тогда я впервые встретился с точно таким же черным паучком.

Паучок этот относится к тому же семейству, что и каракурт, но к другому виду.

Помню, с каким интересом я ждал конца опыта. Свинке был впрыснут настой из ядовитых желез этого паучка, но свинка не заболела от этого. Потом был впрыснут настой из желез пяти паучков, в двадцать раз больше смертельной дозы яда каракурта, и отравление у свинки оказалось самое пустяковое... Паук, подражатель каракурту, оказался совсем не ядовитым. Он нередко встречался в норах, и почему-то чаще всего в тех, где были старые коконы каракурта. Что влекло его к этому захламленному логову?

К началу лета пауки-подражатели, отложив яички в коконы, замирали без движения, сморщивались, высыхали. И как раз к тому времени появлялись взрослые самки каракурта и занимали норы своих предшественников. Не обращая никакого внимания на беленькие коконы паучка-подражателя, каракурты занимались своими делами. Получалось так, что новые хозяева нор становились невольными сторожами беззащитных паучков в маленьких коконах. Пока каракурты занимались строительством логовищ, охотились за насекомыми, паучки не спеша прогрызали стенки маленьких коконов, выползали из норы и разлетались на паутинных ниточках в разные стороны, а к наступлению

осени из них уже вырастали большие черные, похожие на каракурта пауки.

Осенью пауки-подражатели забирались в норы, в которых висели коконы каракуртов, закончивших все свои жизненные дела. Паучок-подражатель становился сторожем их потомства. И, видимо, не один грызун пугался, принимая его за каракурта.

В мире животных часто бывает, что ядовитому или несъедобному животному подражают другие слабые и беззащитные. Известны совершенно неядовитые змеи, похожие на змей опасных и ядовитых. Многие безобидные насекомые подражают осам и пчелам. Животное, которому подражают неядовитые животные, даже получило специальное название «модели». Для нашего паучка моделью был каракурт.

Интересно, что развиваются каракурты и пауки-подражатели в разное время, поэтому взрослые пауки, живущие в норах грызунов, не встречаются и не мешают друг другу. Не только не мешают, но оказываются полезными. Тут получается что-то вроде взаимной выручки.

Охотник за сверчками

У края люцернового поля во время поливов всегда скапливалась вода. От избытка влаги здесь разрослись дремучие заросли бурьяна. На влажной земле в траве всегда шныряло множество черных сверчков, а вечерами раздавались громкие песни этих степных музыкантов.

Проходя как-то в начале осени вблизи люцернового поля, я увидел черную дорожную осу, тащившую за усики совсем еще маленького сверчка. Я был удивлен — ведь этих ос принято считать истребителями пауков, а не сверчков.

Каждый вид осы охотится только на строго определенную добычу. Эта узкая специализация объясняется сложностью охоты: ведь оса должна разыскать добычу и сделать укол жалом точно в определенное место, чтобы яд обязательно попал в несколько нервных узелков. Парализовать пауков сравнительно просто, так как у них нервная система сконцентрирована в голово-груди и мозг его оса может поразить одним ударом своего кинжала. Гораздо сложнее парализовать гусеницу, у которой нервные узелки расположены в каждом членике тела.

Пока я раздумывал над этим, маленькая оса, пятясь, энергично тащила сверчка, ловко лавируя между травинками, сухими палочками и камешками. Сверчок не проявлял никаких признаков жизни. Вскоре на пути осы оказалась аккуратно выглаженная норка. Видимо, она была приготовлена заранее. Оса оставила сверчка и отправилась проведать, в порядке ли жилище для будущей детки. Затем выскочила, схватила добычу и исчезла вместе с нею в норке.

Теперь там, в темноте, хозяйка норы, наверное, уже откладывает яичко. После этого она засыплет норку землей.

Как жаль, что не удалось увидеть самое интересное: как оса парализовала сверчка! Видимо, сделала она это очень быстро, на ходу. Иначе ей не овладеть бы таким шустрым скакуном.

Следовало, конечно, раскопать норку, посмотреть, как устроила свою детку оса, а заодно и поймать самого охотника. Но в это время меня окликнул один из моих спутников, и я, пометив норку куском белой ваты, поспешил на зов. Возвратиться к норке удалось только часа через два.

Вот и комочек белой ваты на сухом татарнике. Найду ли я закопанную норку? Мои опасения были напрасны: норка еще открыта, зияет черный вход в норку, а возле него суетится черная оса, как будто что-то разыскивая. Вот она схватила маленький камешек и юркнула с ним в норку. Тотчас же вернулась обратно, нашла короткую палочку и с нею помчалась в нору. Камешек поменьше не стала тащить по земле — на крыльях быстрее. Так она металась целый час (да еще до этого часа два) без отдыха, без секунды перерыва.

Теперь все было ясно. Норку нельзя было засыпать землей, как это делает большинство дорожных ос; ее нужно заложить пористым материалом, пропускающим воздух. Такая пробка не размокнет во время осенних дождей, а молодой осе легко будет выбраться наружу.

Отбегая в сторону и возвращаясь обратно, оса удивительно точно и быстро находила свою норку, хотя ей приходилось отлучаться с каждым разом все дальше и дальше: не

так уж много было подходящего материала для столь требовательной строительницы. На меня оса не обращала ни малейшего внимания. Пинцет, воткнутый у самой норы, также не вызвал никакого смятения, а вот маленький камешек, который я воткнул в отверстие норки, привел осу в замешательство. Принесенная палочка была брошена, и оса заметалась в поисках исчезнувшей норки.

Оса отбежала в сторону, но тотчас же вернулась к норе. Потрогала все вокруг ногами, схватила челюстями камешек, положенный мною, и снова забегала у норки.

И тут произошло самое удивительное: к мечущейся осе случайно подбежал маленький черный муравей (в поисках добычи где только не шныряют муравьи!). Вместо того, чтобы продолжать свой путь, как это делали другие, этот муравей остановился и замер на секунду, высоко приподняв переднюю часть туловища. Потом он стал метаться так же, как и оса, на небольшом пространстве, всего в несколько квадратных дециметров. Часто оса и муравей сталкивались, но как будто не замечали друг друга.

Так продолжалось довольно долго, не менее пяти минут. Потом муравей, утомившись, замедлил свой бег и наконец остановился. Он долго шевелил усиками и, отдохнув, помчался по своим делам. Оса же продолжала без устали метаться. Наконец она уселась на камешек, загородивший вход в нору, попробовала под него подкопаться. Не удалось. Замерла на месте: крылья ее перестали вибрировать, усики застыли.

«Сомнений нет. Здесь моя добыча и детка!» — казалось, говорила ее напряженная фигура. Еще несколько мгновений, и оса изменила поведение. Теперь она не ищет норку, а подтаскивает к выходу в норку соломинки, подгребает землю ногами, и через несколько минут на месте норки вырастает небольшой бугорок. Оса вскочила на сухую былинку и стала чиститься ногами, приглаживать усики, расправлять крылья. По давнему опыту я знаю, что это значит: сейчас оса вспорхнет и навсегда исчезнет.

Медленно поднимается рука с сачком... На этот раз удача — оса в сачке, потом в морилке. С интересом я разглядываю черную, без единого пятнышка охотницу. На конце заостренного брюшка едва выглядывает кончик жала.

Теперь остается взглянуть на норку. Осторожно разрываю почву. Норка, видимо, принадлежавшая раньше какому-то паучку, почти вертикально идет в глубь земли. Осторожно выбираю пинцетом комочки глины, камешки и палочки — чуть не до самого верха забросала оса норку. Вдруг из-за камешка выбирается совсем здоровый сверчок.

Опьянение, вызванное ядом осы, прошло, но сверчок все же беспомощен: задние ноги его парализованы. Какая нужна точность, чтобы попасть жалом в нервный узел, управляющий движениями задних ног!

За первым сверчком из раскопанной норки выбирается другой, такой же маленький и шустрый. А дальше норка заполнена рыхлым материалом, в ней больше ничего нет. Эта подстилка, наверное, для того, чтобы не скоплялась вода и не было сыро в норе.

Я укладываю сверчков в пробирку. Маленькое яичко или личинка, отложенные осою рядом с добычей, потерялись где-то в подстилке.

Сверчки чувствуют себя хорошо и каждый вечер шустро шевелят усиками, трогая ими друг друга. Но через неделю они погибают. Там, в норке, за это время их уже съела бы личинка черной осы-охотницы.

На этом можно было бы закончить рассказ, если бы не случай с муравьем. Конечно, не всегда следует объяснять все загадочные явления. Но в данном случае даже неверное объяснение принесет больше пользы, чем молчание. Хотя бы потому, что потом кто-нибудь все равно проверит его и найдет правильный ответ.

Так давайте же вместе подумаем о причине странного поведения муравья.

Муравьи очень общительны, жители муравейника моментально начинают подражать одному из своих сородичей. Тревога, например, мгновенно воспринимается населением муравейника. Может быть, поэтому и передалось муравью тревожное поведение осы?

А могло быть и по-другому. Часто, перетаскивая добычу, оса бросает ее, отлучается ненадолго, а потом с трудом ее находит. Беспокойство осы могло свидетельствовать о том, что она потеряла свою добычу, а муравей надеялся воспользоваться этим и утащить парализованное насекомое.

А может быть, у вас, ребята, найдется другое объяснение поведению муравья?

Говóрите ли на български?
Do you speak English?
Parlez-vous français?
Sprechen Sie Deutsch?

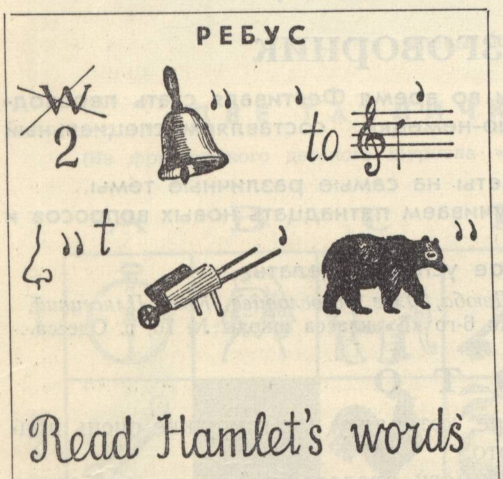

Вы говорите по-русски?

Тебе что-то рассказывают, а ты не понимаешь. Хочешь поговорить, а слов нет. Не окажетесь ли вы, ребята, в таком положении, когда летом к нам приедут гости со всего земного шара на молодежный фестиваль?! Они будут к вам обращаться по-польски, английски, французски, испански, по-болгарски, по-немецки, а вы ни одной фразы ни на одном языке не поймете. Захотите показать гостям свой город, рассказать о новой школе, о своем стадионе или Дворце пионеров, захотите расспросить об их жизни — и не сумеете...

Заранее позаботьтесь, чтоб так не случилось! Вот почитайте, как готовятся к встрече гостей одесские ребята.

В пути

— Как проехать на вокзал?
— Садитесь на этот троллейбус.
— Скажите, пожалуйста, где касса?
— Налево, за углом.
— Разрешите мне положить чемодан и немного открыть окно: здесь жарко.
— Пожалуйста, я помогу вам.

Где происходит этот разговор? (Кстати сказать, он ведется по-французски.) На улице? В вагоне? Нет, все это можно услышать у нас в школе на занятиях кружка французской разговорной речи.

Мы готовимся к Фестивалю. На занятиях кружка, на переменках мы говорим между собой только по-французски, и это наша первая тема: «В пути». Ребята задают друг другу вопросы, какие может задать человек, очутившийся проездом в незнакомом городе.

На следующем занятии кружка мы будем рассказывать о нашем Театре оперы и балета. Ведь обязательно надо будет показать гостям этот театр, гордость Одессы, рассказать, когда он был построен, сообщить, что на его сцене выступали великие артисты Шаляпин, Карузо, Собинов.

Мы хотим быть гостеприимными и хорошо встретить наших гостей. Мы покажем им прекрасные зеленые улицы нашей Одессы, сады и парки, Приморский бульвар и огни, зажигающиеся в порту с наступлением темноты. Мы хотим разговаривать с делегатами Фестиваля.

Вот почему так много ребят занимается в нашем кружке, которым руководит преподаватель французского языка Ида Борисовна Песок.

Лора Ускач,
староста французского кружка школы № 52, г. Одесса.

Наша жизнь

Новый номер школьной газеты на английском языке.

У нас в школе выходит газета на английском языке «Наша жизнь». В ней всегда бывает много интересного: и заметки о школьных событиях, и веселые фельетоны, и английские пословицы, поговорки, загадки.

Некоторые поговорки, помещенные в газете, вошли у нас в обиход. Например, тому, кто отвечает невпопад или, не разобравшись, в чем дело, вмешивается в чужой разговор, ребята говорят: «This is a horse of another colour» («Это лошадь другого цвета»), то есть это — совсем другое дело. Вместо «Курам на смех» у нас иногда говорят: «Enough to make cats laugh» («Тут и кошки засмеются»). А товарищу, попавшему в какую-нибудь скверную историю, с сочувствием замечают: «I don't want to be in your shoes» («Не хотел бы я быть на твоем месте», или буквально: «в твоих башмаках»).

Многие ребята у нас в школе читают английские книжки. Мы собрали небольшую библиотечку на английском языке. Два раза в неделю члены кружка английского языка дежурят в школьной библиотеке и выдают эти книги всем желающим.

Алла Мытиль,
ученица школы № 57, г. Одесса.

Фестивальный разговорник

Ребята нашего класса решили во время Фестиваля стать переводчиками. Мы учимся говорить по-немецки, составляем специальный «фестивальный разговорник».

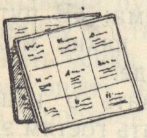
В него входят вопросы и ответы на самые различные темы.

За каждые две недели мы заучиваем пятнадцать новых вопросов и ответов.

Думаем, что к лету мы многое успеем сделать.

Лена Дзюба, Олег Богословцев, Коля Плясецкий,
ученики 6-го «Б» класса школы № 76, г. Одесса.

Лото

Я хочу рассказать об одной игре, которая у нас в кружке очень нравится всем ребятам. Это — наше лото.

Каждый получает чистый лист бумаги, разделенный на девять клеток. На маленьких карточках такого же размера, как клетки этого листа, написаны на немецком языке вопросы. Например, такие: «Сколько вам лет?», «Какое сегодня число?», «Назовите три существительных на букву «а», «Отгадайте загадку: какие часы без колесиков?» и т. п. Ведущий по-немецки читает вопрос. Тот, кто быстрее всех правильно ответит не него, тоже по-немецки, конечно, получает эту карточку.

Выигрывает тот, кто раньше всех закроет свой лист, то есть наберет девять карточек.

Наше лото помогает нам учиться говорить по-немецки.

А вы, ребята, хорошо знаете немецкий язык? Вот попробуйте отгадать такую загадку: «Auf einem Baum saßen 14 Sperlinge. Ein Knabe kam und schoß 4 davon herunter. Wieviel Sperlinge blieben auf dem Baum?»

Лена Векслер,
староста немецкого кружка школы № 36, г. Одесса.

СЕГОДНЯ МЫ ГОВОРИМ ТОЛЬКО ПО-АНГЛИЙСКИ

Недавно у нас в школе был вечер английского языка. Мы уговорились в этот день разговаривать, петь, читать только по-английски.

У входа в зал висел большой плакат: «You are welcome» — «Добро пожаловать!»

В зале на стенах — английские загадки и ребусы. Мы разгадывали их. Попробуйте, ребята, прочитать один наш ребус. (На странице 61).

На концерте пятиклассники показали пьеску; в нее были включены все слова, которые они уже успели выучить. Пьеску ребятам помог сочинить один студент-практикант. Очень хорошо у них получилось.

Ребята из шестого класса поставили «Красную шапочку» и «Трех поросят». Они сделали декорации, костюмы, маски. Наш восьмой класс вместе с седьмым поставил отрывки из «Тома Сойера». Я играл роль Тома.

И хотя не все сдержали уговор, многие ребята в зале говорили и кричали по-русски, вечер все-таки прошел хорошо.

Валерий Базаров,
ученик 8-го «Б» класса школы № 43, г. Одесса.

Ждем друзей

Знаете, кто учит нас болгарскому языку? Учителя, которых мы ни разу не видели в лицо и только надеемся скоро увидеть: наши болгарские друзья. Первыми учебниками для нас были их письма. Мы выписывали в тетрадки слова и выражения из этих писем и учили их.

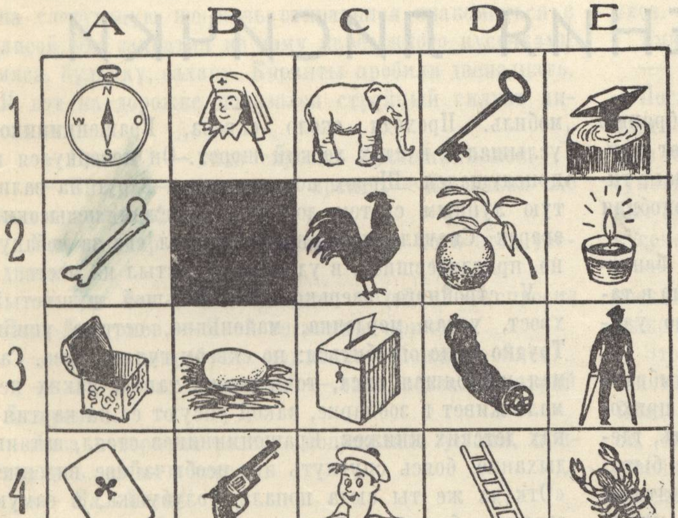
Нам хочется владеть языком наших друзей, читать их книги, знать побольше об их жизни. Мы ждем их в гости, на Фестиваль.

Прошлым летом в Одессу приехала группа туристов из Болгарии. Только сошли они на берег, как сразу же взялись за руки, стали петь и танцевать вокруг памятника на Приморском бульваре. Они всех приглашали к себе в хоровод, и все сразу почувствовали, какие это веселые, открытые люди. Недавно мы выучили песню, которую тогда пели болгарские туристы, и выступили с ней на школьном фестивале. Это хороводная песня «На герана» («У колодца»).

Галя Крамар, Лена Орехова и Валя Миль,
члены болгарского кружка 5-го «Б» класса школы № 11, г. Одесса.

ДВЕ ТАБЛИЧКИ—ОДИН КРОССВОРД

(Из французского детского журнала «Вайян»)

Разгадайте этот кроссворд. Вопросы задаются по-русски, а отвечать надо по-французски.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Напиток, любимый в Германии. 2. Бывает в горах и на шее. 3. В шитье, работа, выполняемая вручную. 4. Есть у каждого государства.

ПО ВЕРТИКАЛИ: А. То, в чем хранятся корнишоны. В. Драгоценный металл. С. Образуется в море и в корыте при стирке. Д. Название цветка, служит и прилагательным. Е. Делегаты, избранные на собрании.

Трудно сразу ответить на эти вопросы? Тогда вот в помощь табличка слева. На ней нарисованы предметы, животные, люди. Вспомните, как они называются по-французски, и впишите в соответствующую клетку правой таблички начальную букву каждого названия—вы получите решение кроссворда.

Лиса и три ее друга.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛИСИЧКИ

В полуночной Москве далеко слышен серебряный перезвон курантов Спасской башни. Замирают улицы. Гаснут окна домов. Только изредка нарушает тишину шуршание колес идущего в гараж автомобиля да шаги запоздалого прохожего.

В эти часы воздух свежеет, очищается от бензиновой гари, и в городе дышится легко. Приятно в такую пору медленно-медленно прогуляться по улицам, посидеть на сквере...

Местом своих полуночных прогулок она выбрала скверик на Миусской площади. Почему она приходила именно сюда, сказать трудно: может быть, где-то поблизости находилось ее жилище, может быть, привлекали какие-то знакомые, ей одной понятные запахи. Как бы то ни было, первым увидел ее милиционер Крашенинников.

Зимой в одну из светлых ночей он дежурил на Миусской площади. Только что пробило полночь. Было очень тихо. Все спало вокруг: дома, заснеженные деревья, чей-то заночевавший у подъезда автомобиль. Проходя около сквера, Крашенинников услышал в кустах легкий шорох. Он повернулся и прислушался. Шорох повторился, и вдруг на залитую лунным светом дорожку выбежал невысокий зверек. Сначала милиционер принял его за собаку, но, приглядевшись, в удивлении застыл на месте.

У стройного зверька был большой пушистый хвост, узкая мордочка, маленькие, острые ушки. Трудно было ошибиться: по скверу гуляла лиса. Самая настоящая лиса, точь-в-точь такая, каких немало живет в зоопарке, какой рисуют ее на картинках детских книжек. Крашенинников стоял, затаив дыхание, боясь спугнуть это необычайное видение. «Откуда же ты сюда попала, голубушка, в самую середину большого каменного города?» — думал милиционер. Лиса вдруг насторожилась, посмотрела в его сторону, понюхала воздух и метнулась в кусты. В эту ночь она больше не показывалась.

Утром, сменившись с дежурства, Крашенинников рассказал о лисе одному сослуживцу. Тот не поверил

и даже стал над ним подшучивать. А когда Крашенинников попытался убеждать, товарищ многозначительно потрогал ему лоб.

— Ты, парень, случайно не того?..

В следующие ночные дежурства Крашенинников не раз встречал необычайную посетительницу городского сквера, но говорить об этом уже никому не стал, опасаясь насмешек. Так бы никто и не узнал о лисе-горожанке, если бы однажды в полночь не пришел на сквер артист Московского театра сатиры Дмитрий Лазаревич Кара-Дмитриев.

Поздно возвращаясь после спектаклей, Дмитрий Лазаревич имел обыкновение гулять по улицам со своей собакой Ночкой. В этот раз местом прогулки он избрал Миусский сквер. Подходя к скверу, артист увидел притаившегося за кустом милиционера.

— Здравствуйте,— тихо сказал Кара-Дмитриев.— Можно мы здесь с Ночкой погуляем?

— Здравствуйте! Гуляйте, пожалуйста,— выходя из-за куста, смущенно ответил Крашенинников.— По ночам здесь любят погулять некоторые...

Вдруг зашевелились кусты, и через дорожку тенью скользнуло что-то темное. Ночка тревожно залаяла.

— Опять ходит...— пробормотал милиционер.

— Кто? — шепотом спросил артист.

— Лиса, товарищ, лиса здесь живет...

— Ну-у-у! Откуда же она сюда попала?

— Сам не знаю. Я ее несколько раз уже видел. Никто не верит.

И Крашенинников, проникнувшись доверием к незнакомому гражданину с собакой, рассказал все, что знал.

Большой любитель животных, Дмитрий Лазаревич на следующую же ночь отправился знакомиться с лисой. Он захватил из дому нарезанного кусочками мяса, булочку, сахару. Куранты пробили двенадцать. И вот на дорожке показался стройный силуэт лисички...

— Видите? — тихо спросил Крашенинников.

— Вижу! — прошептал артист.— Да какая же она красавица!

Милиционер облегченно вздохнул: хоть этот убедился!

— Как бы к ней поближе подойти? — спросил Кара-Дмитриев.— Я ей гостинцы принес.

— А вы попробуйте покликать. Может, поймет?..

— Ли-и-ска, Лисанька! — тихо позвал Дмитрий Лазаревич.

Лиса повернула голову, пошевелила ушами, пригнулась, но не убежала.

— На, Лиска!

И артист бросил на дорожку кусок мяса.

Отпрыгнув в сторону, лиса спряталась в кустах. Потом вышла, потянула носом воздух и тихонько направилась к угощению. Понюхала, оглянулась по сторонам и осторожно взяла мясо в рот. Второй кусок она съела уже безбоязненно и спокойно.

— Лиска! Лисанька-а-а! — нараспев говорил Дмитрий Лазаревич.— Лиска, Лиска! Подойди близко...

Скоро была уничтожена булочка, и на острых зубах аппетитно хрустел сахар. Когда кончились съестные припасы, зверь повернулся и медленной рысцой удалился.

С тех пор Кара-Дмитриев начал аккуратно ходить на ночные свидания. Лиса привыкла к его голосу, и как только он принимался звать: «Лиса, Лисанька! Лиса, Лиска, подойди близко»,— выбегала навстречу и грациозно кружила вокруг. Вскоре она начала брать пищу из рук артиста, но гладить себя не разрешала, а если делались такие попытки, проворно отскакивала в сторону. Ела лиса не все с одинаковой охотой, а через некоторое время стала совсем привередлива. Она, например, совершенно не желала есть сыр «Рокфор», но отдавала должное плавленому сыру. Очень нравились ей куриные головы и фарш. Дмитрий Лазаревич приучил лису есть фарш с ложечки. Через полтора месяца и жена артиста, Ольга Николаевна, тоже заинтересовалась лисичкой, и вот однажды они отправились на сквер вдвоем. Сели на заветную скамейку, возле которой происходили ежедневные встречи. Дмитрий Лазаревич, по обыкновению, пропел свою «серенаду». Услышав знакомый голос, лисанька весело выскочила на дорожку. Но, заметив Ольгу Николаевну, остановилась, тревожно тявкнула и вернулась в кусты.

— Лисанька! — звал артист.— Красавица; не надо бояться! Это же моя жена, добрый друг, понимаешь?..

Едва ли лиса поняла, но, ободренная знакомым ласковым тоном, подошла и доверчиво взяла кусочек мяса.

Дмитрий Лазаревич притронулся к руке жены.

— Попробуй теперь кормить ты.

После недолгого колебания лиса приняла мясо от Ольги Николаевны. И тут внимательный женский глаз заметил то, чего в течение долгого времени не сумели разглядеть давние друзья лисы-полуночницы: зверь судорожно, с трудом проглотил маленький кусочек мяса.

— Ошейник! Смотри, Митя, у нее ошейник! — воскликнула Ольга Николаевна.— Видишь, как она тяжело дышит, бедная?

Это была скорее догадка, чем утверждение. В пушистом меху узкий ремешок был почти незаметен. Продолжая кормить свою любимицу, артист убедился, что жена права и на лису действительно надет ошейник. Она дышала с трудом, и каждый глоток, видимо, причинял ей боль.

Первый раз Дмитрий Лазаревич уходил домой с тяжелым сердцем. Лисе, его рыжей пушистой приятельнице, грозила беда. Он долго раздумывал, что предпринять. И как только в окнах засинел рассвет, Кара-Дмитриев отправился разыскивать хозяина лисы.

Для таких поисков нужны и терпение и настойчивость, особенно если ищешь человека, ни имя, ни фамилия которого тебе не известны. Кара-Дмитриев решил обойти сначала ближайшие к Миусской площади улицы.

— Простите, вы не знаете, где здесь жила лиса? — спрашивал он прохожих.

— Нет, нет, не знаем, гражданин,— отвечали ему.

Некоторые, услышав странный вопрос, смотрели с удивлением, некоторые с насмешкой, некоторые опасливо сторонились и спешили распрощаться. Но Дмитрий Лазаревич продолжал расспросы. Он останавливал ребятишек, разговаривал с дворниками и постовыми милиционерами, день ото дня увеличивая радиус поисков. А вечером, когда он приходил из театра, жена торопила:

— Скорее. Я вот здесь припасла... Иди, она тебя ждет.

И артист бежал на очередное свидание. Теперь он делал попытки поймать лису, но она была настороже и в руки не давалась.

На пятый день один милиционер сказал ему, что слышал про ручную лису, живущую где-то в Пыховом переулке. Дмитрий Лазаревич немедленно направился по названному адресу. И тут ему сразу повезло.

— Хозяева лисы живут вон там,— указала артисту какая-то женщина.

Она подошла к дому и громко крикнула:

— Валя! Валя!

В одном из окон на втором этаже открылась форточка, и из нее высунулась миловидная головка.

— Что?

— Скажите, пожалуйста, Валя, у вас лисичка есть? — спросил Кара-Дмитриев.

— Была. Только она убежала. Не знаем, куда.

— А я знаю.

Валя захлопнула форточку и, быстро сбежав вниз, пригласила гостя в квартиру. Теперь, наконец, он услышал короткую биографию своей любимицы. Маленьким лисенком она была привезена в Москву Валиным родственником из Белоруссии. Подарок понравился всем, и лисанька стала полноправным членом семьи водителя московского троллейбуса Сазона Евменовича Близнеца. Чтобы можно было гулять с лисой по улицам, хозяин сделал ей ошейник и приучил ее ходить на поводке. Но как ни привольно жилось лисе в этом семействе, однажды ночью она перегрызла веревку и убежала.

— Это было три месяца назад,— взволнованно закончила Валя.— Теперь лиса, конечно, выросла, и ошейник давит ей шею. Спасибо, что вы ее нашли. Но как ее поймать?..

Когда ночью Дмитрий Лазаревич пришел на сквер, то увидел на скамейке высокого, худощавого человека.

— Здесь лиса не пробегала? — спросил артист.

— Пробегала. Звал — не подходит. Я ее хозяин. А вы, наверно, тот гражданин, который приходил к нам днем?

Познакомившись, они начали обсуждать создавшееся положение. Как поймать лису? Как спасти ее от неминуемой гибели? Лиса прибегала только на голос Дмитрия Лазаревича. Потребовалось немало ночей, прежде чем она снова привыкла к бывшему хозяину. Однако поймать ее не удавалось.

Тревога росла. Две семьи с беспокойством следили за судьбой зверька.

Однажды Дмитрий Лазаревич пришел на сквер позже обычного. Кликал, кликал, но лисанька не показывалась. «Неужели всё? Неужели она погибла?» — печально думал артист и вдруг увидел идущего к скверу Крашенинникова.

— Где наша лисанька? — встретил его торопливым вопросом Дмитрий Лазаревич.

— В доме номер семь, на Пыховом переулке, товарищ Кара-Дмитриев,— весело козырнул милиционер.— Час назад хозяин поймал ее петлей.

Несмотря на позднее время, обрадованный артист побежал в Пыхов переулок. Дверь отворила Валя и пригласила войти в комнату.

Лиса, закрыв глаза, бессильно растянулась на коленях Сазона Евменовича и хрипло дышала. Хозяин ласково гладил большой рукой ее мягкую рыжую спинку. А на полу валялся ошейник, который чуть не стал для нее роковым.

— Лиска, Лисанька! — позвал Дмитрий Лазаревич.

Услышав знакомый голос, лиса открыла глаза и посмотрела на человека, столько ночей подряд бывшего ее единственным другом. Он погладил ее, она издала тихий звук, похожий на лай, и по-собачьи лизнула ему руку...

* * *

Лиска жива и здорова. Нередко, выходя с хозяином на прогулку, она встречает своих старых приятелей: милиционера Крашенинникова и артиста Кара-Дмитриева. А иногда, соскучившись, Дмитрий Лазаревич отправляется к ней в гости. В этих случаях лиса ведет себя очень приветливо. Может быть, она припоминает свидания в Миусском сквере, а может быть, хитрит, ласкается только потому, что артист приносит ей любимые лакомства. Судить трудно: ведь у лисы не спросишь!

А. Тараданкин

СПОРТ

Рисунки В. Константинова.

А. Хмелик

Чья вина?

Во всем была виновата физкультура... Из-за нее к Паше пристала эта дурацкая кличка — «неженка». Из-за физкультуры же произошла у него и первая ссора с лучшим другом Колей Дудником.

Каждый урок физкультуры был для Паши настоящим мучением. Первые десять — пятнадцать минут, пока шла разминка, было еще ничего, терпимо. Паша вместе со всеми делал разные гимнастические упражнения, делал плохо, но на это почти никто не обращал внимания. Разве что Владимир Павлович скажет иногда: «Не сгибай ноги, Соболь» или: «Глужбе надо приседать. Что это за приседание?» Самое неприятное начиналось потом, когда переходили к бегу, прыжкам или начинали какую-нибудь игру. После прыжка в длину Паша никак не мог удержаться на ногах и тяжело плюхался в песок всем телом. И, конечно, тут же начинались насмешки. Но хуже всего было, когда затевалась эстафета или игра, в которой надо было бегать. Пашу не хотели брать ни в одну команду. Да оно и понятно. Когда Владимир Павлович определял Пашу в одну из команд, можно было уже не играть. Всем было ясно, что эта команда проиграет. Так оно и получалось. Как только подходила очередь бежать Паше, все достижения его команды сходили на нет. И здесь уже ему не было пощады. Ребята накидывались на него с упреками, и то и дело слышалось: «У-у, неженка несчастный!»

Каждый, кому приходилось бывать в подобном положении, знает, что долго вытерпеть это невозможно. Нужно или драться, или придумать что-то другое, чтобы избавить себя от постоянных насмешек. Драться для Паши не имело смысла: ему бы обязательно попало. Оставалось придумать что-нибудь другое. И Паша придумал. Как-то раз, когда все ребята отправились на урок физкультуры, Паша Соболь ушел домой. Назавтра его вызвали к директору. Он пробыл в кабинете почти всю перемену и вышел оттуда красный, как рак, и со слезами на глазах.

Со следующего урока физкультуры Паша опять сбежал. На этот раз к директору вызвали мать. После этого дома был такой разговор, о котором Паша не хотел рассказывать даже Дуднику.

Через неделю, перед очередным уроком физкультуры, Паша с утра ходил задумчивый. Что делать? Остаться на урок — значит опять выслушивать насмешки. Убежать? А потом... Что будет потом, Паше думать не хотелось. Может быть, он так бы ничего и не решил, если бы не вспомнились ему люди, про которых пишутся книги, снимаются кинофильмы. Эти люди ничего не боялись. Так неужели он, Паша, побоится убежать с какой-то там физкультуры? Неужели у него даже на это мужества не хватит? И Паша принял решение. А для того, чтобы все полу-

чилось уж совсем хорошо, предложил Коле Дуднику:

— Айда, Дудник, домой!

Но Дудник ничего не ответил. Только покачал головой. «Все равно один убегу»,— решил Паша.

Как только кончилась арифметика, Паша полез за портфелем. Портфеля на месте не было. Паша заглянул под парту. И вдруг Коля, сидевший до этого молча, сказал:

— Не ищи, все равно не найдешь.

Паша в упор посмотрел на друга:

— Дудник, отдай сумку!

— После физкультуры отдам,— невозмутимо ответил Коля.

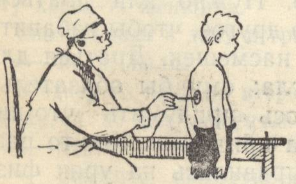
Паша почувствовал, что начинает злиться. Но делать было нечего. Идти домой без портфеля — явное безрассудство. Паша пошел на физкультуру. Но когда Владимир Павлович вызвал его на второй прыжок, Паша сказал:

— Я не могу больше. У меня сердце останавливается.

Девчонки дружно хихикнули. Но Владимир Павлович даже не улыбнулся:

— Ты это серьезно насчет сердца?

— Да.

Все против Паши

Паша не любил медосмотров. Каждый раз врач, выслушивая и выстукивая его, говорит одно и то же, видимо, забывая, что уже говорил это:

— Не нравится мне твое телосложение. Физкультурой надо заниматься, дружок, физкультурой!

А в тот раз в комнате, где проходил медосмотр, кроме врача и сестры, почему-то оказался Владимир Павлович. Дожидаясь своей очереди, Паша то и дело поглядывал на учителя: что ему здесь надо?

Но вот Паша подошел к врачу, и все сразу стало ясно.

— Пожалуйста, обратите особое внимание на этого мальчика,— сказал Владимир Павлович.

— А что такое? — насторожился врач.

— Жалобы на сердце.

Лицо врача сразу стало серьезным, и он долго вертел Пашу, заставляя его то повернуться спиной, то боком.

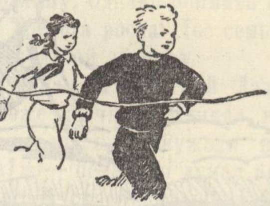
— Сердце абсолютно здоровое,— сказал он наконец,— и в легких ничего нет.

— Так,— только и произнес Владимир Павлович.

— Физкультурой надо заниматься, дружок, физкультурой! — добавил врач.

Все были против Паши — учитель, врач, мама, ребята и даже лучший друг — Коля Дудник. Все.

Выход был один — трудный, но единственный...

Ребята удивляются

Первой удивилась Тамара Леонова. Может быть, и не она, может быть, Вера Сидоренко или Валерка Десятов. Да, в сущности, какая разница, кто удивился первым? В конце концов, удивляться пришлось всем.

— Соболь, твоя очередь прыгать,— вызвал Владимир Павлович.

Паша вышел на дорожку, разбежался, прыжок — и Паша сидит посреди ямы с песком.

Ребята засмеялись. Кто-то зааплодировал и крикнул: «Бис!»

Паша встал, отряхнулся и подошел к Владимиру Павловичу:

— Можно я еще раз попробую?

— Иди.— И добавил тихо: — Молодец.

Прыжок. Паша сидит в яме.

— Можно еще?

Да что он, не слышит, что ли, как вокруг смеются ребята?

— Можно еще, Владимир Павлович?

— Пока хватит, Паша. Сейчас начнем игры с мячом...

Заканчивается урок. Ребята идут домой. А возле ямы для прыжков Паша и Дудник. Паша прыгает.

— Как ты разбегаешься? — кричит Коля.— Делай короче шаг, сильней отталкивайся.

Паша прыгает.

Ребята видят, как он снова плюхается в песок. Но почему-то это никого не смешит.

С некоторых пор начинает удивляться еще один человек — пятилетняя Вера, Пашина сестра. Однажды утром она просыпается оттого, что в комнате слышатся какие-то глухие удары. Вера открывает глаза и видит,

что Паша стоит около своей кровати и — раз, раз — лупит подушку с таким ожесточением, словно она его заклятый враг...

На следующий день Паша старательно делает зарядку и, к удовольствию Веры, снова дерется с подушкой. И на следующий день тоже.

К Паше приходит Коля. Сначала ребята сидят тихо, спокойно, занимаются какими-то своими, не интересными Вере делами. Потом Паша предлагает:

— Давай?

— Ну, давай, что ли! — соглашается Коля.

И, ухватив друг дружку крест-накрест, мальчишки начинают бороться.

Паша пыхтит, как паровоз, а Вера кричит:

— Паша! Паша! Паша! Пашечка!

И все равно Коля уверенно кладет его на обе лопатки. Но проходит месяц — другой, и Коле уже не удается так легко справиться с другом. Теперь и ему приходится попыхтеть.

Очень любит Вера, когда брат «принимает ее в тренировку».

— А ну, Верка, давай наперегонки от гаража до библиотеки!

Вера хоть и маленькая, а бегает быстро. В первый раз брату так и не удается ее догнать. И не только в первый раз. Довольно долго Вера сохраняет первенство на этой дистанции — от гаража до библиотеки. Потом все же брат начинает ее перегонять. Тогда в их состязание вводится новшество. Паша называет это новшество «раздельным стартом». Проще говоря, это означает, что Вера успевает отбежать от гаража довольно далеко, когда Паша бросается вдогонку. К библиотеке они приходят одновременно или же Паша оказывается впереди. Вере это не нравится, и она отказывается от дальнейшего участия в состязаниях. Впрочем, Паша и не настаивает. Ему и без Веры есть с кем посоревноваться. На каждом уроке физкультуры у него два десятка соперников и в беге и в прыжках.

Раньше всех терпит поражение Тамара Леонова. Именно ее Паше удается обогнать на беговой дорожке. Потом остается позади Вера Сидоренко и, наконец, Валерка Десятов.

Потом начинают оставаться позади и другие мальчишки. И все чаще и чаще Владимир Павлович говорит: «Молодец, Соболь! Хорошо, Соболь!..»

Казахская ССР, г. Талды-Курган,
школа имени Ушинского.

Рисунки В. Константинова.

Почему и отчего

Тайна бумеранга

Дорогая редакция!

Я читал книгу Жюля Верна «Дети капитана Гранта». Там описывается, как дикари охотятся на зверей с бумерангами. Ответьте мне, пожалуйста, почему бумеранг, после того как он попадет в цель, возвращается к охотнику.

Виктор Якимавичус.
С. Гедрайгяй, Литовская ССР.

Первые европейцы, попавшие в Австралию в конце восемнадцатого века, обратили внимание на оригинальное оружие местных охотников — изогнутую палку, которую называли «бумеранг». Искусно брошенный рукой охотника бумеранг, вращаясь, описывал сложную дугу и возвращался к его ногам. Австралийцы охотились с бумерангом на птиц и кенгуру.

Европейцы, которые уже умели в то время строить большие корабли и у которых были огнестрельные ружья, не могли найти объяснения странному полету бумеранга. Разгадка была найдена лишь полтора века спустя, когда появилась новая отрасль физики — аэродинамика.

Оказалось, полет бумеранга подчиняется тем же законам, что и полет планера, самолета, вертолета.

Здесь нарисован бумеранг. Видите, он изогнут не совсем по середине, лопасти его различной длины. Соотношение длины короткой и длинной лопастей равно примерно отношению 5 к 6. Длина бумеранга — около 60—70 сантиметров, ширина лопасти — 4—6 сантиметров, а толщина — около 1 сантиметра. Угол изгиба бумеранга — от 90 до 140 градусов. Иногда лопасти суживаются к концам. Ширина бумеранга в колене может быть до 12 сантиметров. Концы лопастей закруглены, а их края сведены на нет. Нижняя сторона лопастей бумеранга плоская, верхняя — выпуклая; в поперечном разрезе они напоминают профиль крыла самолета.

В чем же секрет замысловатого полета бумеранга? Оказывается, благодаря изогнутому сечению лопастей бумеранга во время его полета создается подъемная сила по тем же законам, по которым создается подъемная сила ротора вертолета. Величина подъемной силы зависит от скорости движения. Когда лопасти бумеранга вращаются в направлении полета, подъемная сила увеличивается, а когда они вращаются в обратном направлении, подъемная сила уменьшается. Кроме того, во время движения бумеранга на один полный оборот, помимо подъемной силы, на него действует еще и другая сила, наклоняющая его. Но как только бумеранг наклонится, на него станет действовать боковая сила, она искривит траекторию полета бумеранга, и он совершит такой же разворот, какой делают самолеты или планеры.

Бумеранги бывают изогнуты по-разному.

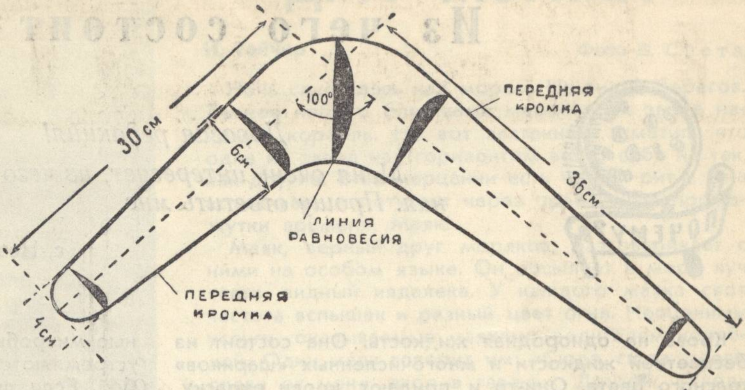
Каждый из вас в течение пяти минут может сделать из плотного картона простейшую, схематическую модель бумеранга. Нарисуйте на картоне очертания бумеранга, показанного на рисунке, вырежьте его. Затем слегка изогните лопасти, как это показано на том же рисунке, и модель готова. Положите ее на книгу и резко ударьте по одной из лопастей линейкой. Модель взлетит вперед и вверх и, описав дугу, возвратится к вашим ногам.

Настоящий бумеранг можно сделать из фанеры толщиной в 8—12 миллиметров. Для этого нужно на фанере вычертить контуры бумеранга и выпилить его лобзиком или ножовкой. а потом обработать лопасти бумеранга рубанком и рашпилем, чтобы они имели такой же профиль, как на чертеже. Потом надо уравновесить обе лопасти, без этого ваш бумеранг не будет правильно летать. Это делают так. В месте изгиба, которое обязательно должно быть отмечено, подставляют нож. Если одна из лопастей перевешивает. ее легонько стачивают рашпилем по всей поверхности до полного равновесия. Когда бумеранг будет готов, его нужно отшкурить наждачной бумагой и поярче окрасить.

Здесь показано, как изогнуть бумажный бумеранг и как его запускать.

Метание бумеранга настолько несложно, что через несколько бросков каждый может овладеть этим искусством. Метают бумеранг правой рукой так, чтобы выпуклая сторона бумеранга находилась сверху. Держать бумеранг можно за любую лопасть. Очень важно в последний момент перед вылетом бумеранга сообщить ему сильное вращение. Практикуясь в метании бумеранга, старайтесь направить полет его немного вверх и наклоняйте его в левую сторону.

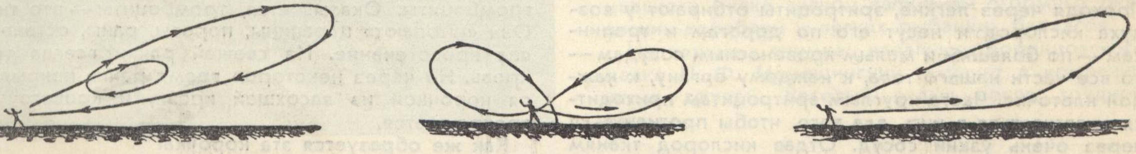

По этому чертежу можно сделать бумеранг из толстой фанеры.

В ветреную погоду бумеранг нужно метать против ветра, иначе он не вернется к вам. В зависимости от атмосферных условий и от того, как сделан бросок, траектории полета бумеранга будут самые разнообразные. Бумеранг может лететь по кругу, может описать в воздухе восьмерку, а при легком касании земли будет лететь, подпрыгивая. Удачно брошенный бумеранг может пролететь 40—50 метров, поднимаясь в высоту метров на тридцать.

Только помните: метать бумеранг нужно на открытом месте, где нет людей, потому что при возвращении бумеранг выравнивается, становится малозаметным, и, если вы не будете осторожны и внимательны, вы можете поранить кого-нибудь или самого себя.

Инженер А. Петров

В зависимости от начальной скорости вращения бумеранга и атмосферных условий он может лететь по самым замысловатым траекториям.

Деревья во льду

Уважаемая редакция!

В прошлом году в журнале «Пионер» была напечатана повесть Г. Федосеева «Улукиткан» — о работе геодезической экспедиции в Восточной Сибири. Повесть эта мне очень понравилась и сюжетом, и мастерством описания, и характерами действующих лиц. Но одно место из этой повести вызвало у меня недоумение. На странице 43-й в № 8 написано:

«По каменистому склону, покрытому ржаво-красным мхом, спускаемся к ключу и по нему выбираемся в ущелье реки Иногли. Нас встречает холодная струя воздуха. Оказывается, дно ущелья покрыто синевато-прозрачной наледью. На поверхности толстого, пятиметрового льда торчат лишь вершины деревьев».

Прошу вас объяснить, что это за явление, как, в каких условиях могла образоваться такая толща льда, почему деревья оказались вмерзшими в лед.

М. Романова, библиотекарь.
Г. Горький, Автозавод.

На севере зимою реки часто перемерзают на перекатах, и поступающая вода, не найдя прохода, пробивается на поверхность льда. Эта вода и называется наледью. Бывает и так, что мелкие реки перемерзают на большом расстоянии, но где-то в русло просачивается вода от незамерзающих подпочвенных ключей. Эта вода тоже выходит на поверхность и беспрерывно наслаивает лед, который нередко достигает пяти и более метров толщины. Иногда такая наледь выходит за пределы русла, захватывает лес, и тогда низкорослые деревья или совсем скрываются подо льдом или на поверхности торчат только их вершины. Разумеется, толстый лед тает весной очень медленно. Вот такая наледь на реке Иногли и описана мною.

Г. Федосеев

Из чего состоит кровь

Дорогая редакция!

Меня очень интересует, из чего состоит кровь и почему она красная. Прошу ответить мне.

Нина Майорова.
с. Ново-Айдар, Ворошиловградская область.

Кровь не однородная жидкость. Она состоит из бесцветной жидкости и многочисленных «шариков» красного цвета. Они-то и придают крови окраску.

Эти «шарики» называют «эритроцитами», что по-гречески означает «красные клетки» («эритрос» — «красный», «цитос» — «клетка»).

В жидкой крови — «плазме»,— кроме эритроцитов, плавают и другие клетки — бесцветные «лейкоциты» (по-гречески «лейкос» — «белый») и мелкие пластинки «тромбоциты».

Какую же роль выполняют все эти крошечные клетки? Для чего они нужны?

Эритроциты работают разносчиками кислорода. Проходя через легкие, эритроциты отбирают у воздуха кислород и несут его по дорогам и тропинкам — по большим и малым кровеносным сосудам — во все части нашего тела, к каждому органу, к каждой клеточке. Часто круглым эритроцитам приходится вытягиваться в нить для того, чтобы протиснуться через очень узкий сосуд. Отдав кислород тканям и клеткам, эти маленькие труженики возвращаются обратно к легким за новой порцией кислорода.

В крови человека очень большое количество эритроцитов — от четырех с половиной до пяти миллионов в одном кубическом сантиметре. Образуются эритроциты в красном костном мозгу. Каждую секунду в теле человека рождается несколько тысяч новых эритроцитов, этих неутомимых работников, день и ночь снабжающих наш организм кислородом, без которого не могла бы жить ни одна клетка тела.

Лейкоциты — это воины, храбро и самоотверженно защищающие наш организм от различных микробов, вызывающих болезни.

Лейкоциты мирно странствуют по телу вместе с кровью. Но как только в организм проникли опасные микробы, сразу же целые полчища лейкоцитов устремляются навстречу врагу и вступают с ним в бой. Если лейкоциты одерживают верх над бактериями, болезнь побеждена, если же одолеют микробы, здоровье, а иногда и жизнь человека в опасности. Тут необходимо прийти на помощь лейкоцитам. Надо ввести в организм лекарства, которые ослабляют или уничтожают бактерии и тем самым помогают лейкоцитам одержать победу.

Лейкоциты зарождаются в лимфатических железах и селезенке. В одном кубическом сантиметре крови их содержится шесть — восемь тысяч.

Теперь посмотрим, какую работу производят тромбоциты. Оказывается, тромбоциты — это ткачи. Они «штопают» царапины, порезы, раны, останавливая кровотечение. Из свежей ранки всегда течет кровь. Но через некоторое время ранка покрывается корочкой из засохшей крови, и кровотечение прекращается.

Как же образуется эта корочка?

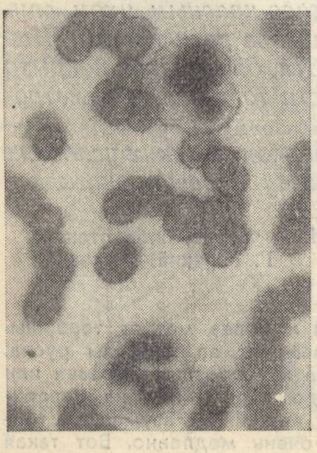
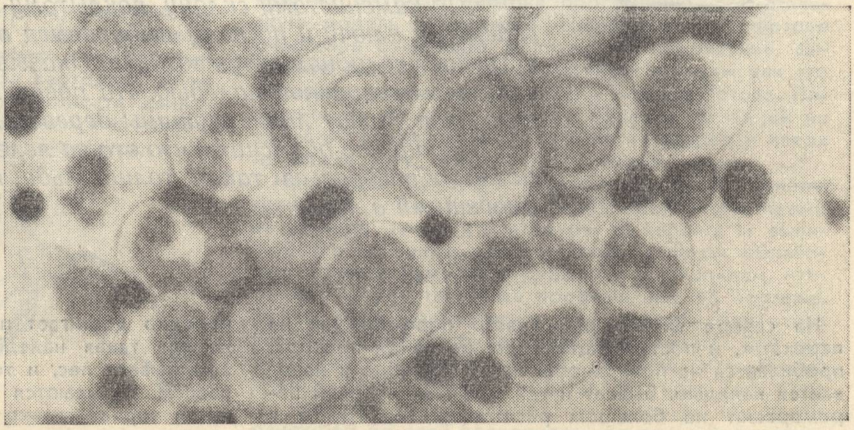
Вокруг пореза, из которого вытекает кровь, собираются кучками тромбоциты и начинают плести паутину из особого вещества, которое они берут из плазмы. Вещество это называется фибрином.

Кровяные клетки не могут пройти сквозь эту паутину, запутываются в ней и, подсохнув, образуют корочку. Если бы в крови не было тромбоцитов, человек умирал бы от потери крови даже при небольшом ранении.

Есть в крови еще много различных веществ, перечисление и описание которых заняло бы целый том.

Вот какой сложной оказалась кровь, которую считали раньше однородной красной жидкостью.

Г. Грин

Вот как выглядит кровь под микроскопом. На фото слева — среди маленьких эритроцитов видны два лейкоцита. Справа — клетки костного мозга, а в промежутках между ними молодые, недавно родившиеся эритроциты.

ДРУГ МОРЯКА

И. Тайчер Фото Е. Света.

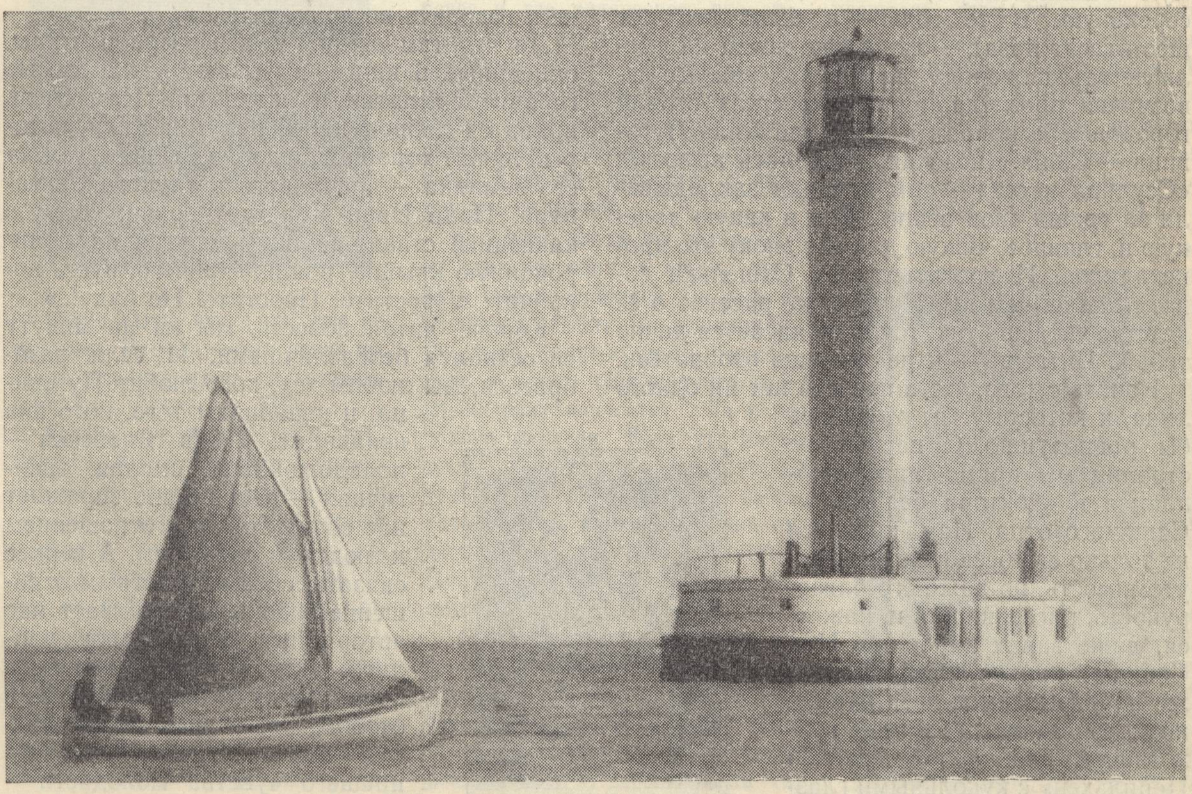
Ночь спустилась над морем. Не видно берегов. Темное небо с блестками мерцающих звезд накрыло корабль. Но вот вахтенный заметил, что одна из звезд над горизонтом ведет себя не так, как другие. В ее мерцании есть четкий ритм. Она вспыхивает и потухает через правильные промежутки времени. Маяк!

Маяк, верный друг моряков, разговаривает с ними на особом языке. Он посылает в море луч света, видный издалека. У каждого маяка своя частота вспышек и разный цвет огня. Неоценимы услуги, оказываемые маяками водителям кораблей. Один маяк говорит им: «Сюда, сюда, здесь, слева от меня, вход в гавань». Другой: «Уходи подальше в море, я стою на конце мыса, не обогнешь его — разобьешь корабль о скалы». Третий предупреждает: «Не уклоняйся, иди точно по створу, иначе не войдешь в узкий пролив».

...Белой колонной поднимается Воронцовский маяк на оконечности длинного волнолома Одесской гавани. Его вы видите на снимке внизу.

Одесса — огромный портовый город. Сюда приходят корабли со всех морей и океанов, под флагами всех наций. Рубиновый огонь Воронцовского маяка знаком капитанам огромных океанских кораблей и легких рыбацких баркасов.

На верхнем снимке: начальник Воронцовского маяка П. Ф. Мерещинский рыбачит в компании юных друзей. Веселый отдых после трудной вахты.

Детство Саши Яновской

Хочется поздравить вас, ребята! У вас появилась еще одна хорошая, настоящая книга. Называется она «Дорога уходит в даль...», а написала ее Александра Яковлевна Бруштейн, автор пьесы «Голубое и розовое».

Многие из вас уже оценили новую книгу по достоинству. Это видно хотя бы по тому, как трудно ее достать: в магазинах говорят — «распродана», в библиотеках — «на руках». И на имя автора отовсюду приходят письма: поторапливайтесь, мол, с продолжением, не терпится узнать, что было дальше...

А между тем никаких загадок, требующих немедленного разрешения, в повести нет. Речь идет об обыкновенном детстве обыкновенной девочки, которую отец называл «Пуговицей».

Протекало детство Пуговицы в эпоху самую обыкновенную, можно даже сказать, серенькую. В те годы — а было это лет шестьдесят назад — люди еще почти не умели летать, по городу разъезжали унылые извозчичьи пролетки, на перекрестках стояли городовые, а напротив дома, где жила Пуговица — Саша Яновская, виднелась вывеска: «Ссудная касса» — там бедняки закладывали за гроши свои вещи... Вон в какую далекую и, главное, чужую для нас эпоху это происходило... И воспитывалась Сашенька совсем иначе, чем вы. Почему же рассказ о ее детстве читаешь так, точно он касается лично тебя?.. Читаешь — и не можешь оторваться.

Начать с того, что в повести нет ни одного лица, к которому мы отнеслись бы равнодушно. С первых ее страниц мы прямо-таки влюбляемся в «доктора бедных» — Сашиного отца. Нам нравится не только его бескорыстие и неутомимость, но даже его близорукость, рассеянность и, кажется, даже запах карболки. И к Сашиной няньке Юзефе мы тоже привязываемся всей душой, несмотря на ее грубоватую воркотню. А слащавую «фрейлен Цецильхен» с кукольными глазками и глупой песенкой о незабудке мы сами готовы выгнать из Сашиного дома. И как радуемся мы, когда она и в самом деле уезжает, а на ее место приходит настоящий учитель — студент Павел Григорьевич!..

В том, что мы любим Павла Григорьевича, пожалуй, нет ничего удивительного: он смелый, самоотверженный человек, революционер! Не мудрено также, что нам по сердцу художник, который, потеряв руки, не утратил воли к жизни, или же Древницкий — один из первых воздухоплавателей, полет которого так живо описан в повести... Но в книге говорится о многих людях, гораздо менее замечательных, а они все равно вызывают у нас самые острые чувства. Нам, например, сразу же становятся дороги остроумная и решительная старушка «Поль» и толстый врач Иван Константинович. Ну, а о больной Юльке и говорить не приходится!..

Да что там люди?! Даже звери и птицы, описанные в книге, вызывают у нас самые горячие симпатии и антипатии. Нам очень нравится добродушный попугай Кики, который любит хороших людей, и мы негодуем на его земляка — драчливого и глупого Сингапура. Прав Иван Константинович, когда в наказание ставит забияку-попугая на полированную крышку рояля,— ничего, пусть покричит: «Простите! Простите! Не буду!..»

Короче, читая повесть, мы ни на минуту не остаемся безразличными. И если разобраться, мы любим тех, кого любит Пуговица, и ненавидим того, кого она ненавидит. Саша Яновская — правдолюбивая, смелая, энергичная — непрерывно заражает нас своим горячим отношением к людям и событиям. А вернее сказать, своим страстным отношением к жизни заражает нас автор книги. Ведь «Дорога уходит в даль...» — книга воспоминаний, но воспоминаний совсем особого рода. Это воспоминания пожилого человека, сохранившего чувства молодости —

непримиримость и задор, заразительную веселость.

Это очень жизнерадостная книга. Но жизнерадостность ее совсем не похожа на успокоенность, которая свойственна иным людям, считающим, что все в жизни гладко. Нет, автор повести великолепно знает, что жизнь — трудная и подчас жестокая вещь... Случается иногда, жизнь схватит человека за горло, но все же и тогда не надо терять надежды: а вдруг... «Есть такая замечательная вещь — «вдруг»,— говорит Сашин отец, и это не случайные слова: в них выражается стойкая и упрямая вера в жизнь, вера в добрые свойства человека.

Есть у книги А. Бруштейн еще одно крупное достоинство: она доверяет уму и чувству читателя. На ее страницах вы не встретите навязчивых поучений. Автор рассказывает о разных жизненных случаях — пусть читатель сам делает выводы... Но так как эти случаи описаны человеком, который любит добро и ненавидит зло, мы не сомневаемся, что выводы будут сделаны правильные. И хотя автор нигде прямо не обращается к ребятам, вы, читая книгу, сами почувствуете, что каждая ее строчка обращена к вам. «Растите большие,— говорит вам автор всей своей книгой.— Растите умные... А главное, растите хорошие».

Ю. Новикова

Товарищ ЮТ

А. Некрасов

Может быть, вы с ним еще не знакомы. Не беда — все равно вы скоро познакомитесь и станете друзьями. Зовут его ЮТ.

Только вот в чем дело: дружить с ЮТом полезно, интересно, но это совсем не просто. Он столько знает, этот твой новый товарищ, что стыдно будет, если он начнет рассказывать, а ты не поймешь и будешь хлопать ушами.

А рассказать ЮТу есть о чем. Еще бы! Он ведь не только с тобой дружит. Сам-то он молодой, ему еще и года нет, а друзья у него почтенные, взрослые люди. Тут и академики, и конструкторы, и инженеры, и писатели, и художники. Он запросто разговаривает с путешественниками, со знаменитыми летчиками, с новаторами производства. У каждого из них всегда есть в запасе интересные новости. А ЮТ как губка: он жадно ловит все новое и все интересное, что относится к науке, к технике, к знаниям... Ловит, впитывает, но не для того, чтобы хранить для себя, а для того, чтобы скорее поделиться с тем, кто готов каждый месяц провести с ним вечерок — другой.

Не бойся. Когда ты останешься один на один с ЮТом, скучать тебе не придется. Он ведь и пошутить любит и посмеяться. Он даже фокусы умеет показывать и может тебя научить этому хитрому искусству... Да и не только фокусам. Если ты моделист, конструктор, радиолюбитель, ЮТ научит тебя работать быстро, прочно и точно, он даст тебе множество полезных советов, поделится секретами мастерства...

А хочешь, он поведет тебя на завод, на новую стройку, на атомную электростанцию, в лабораторию ученого — для него все двери открыты, и он охотно возьмет тебя с собой... Если ты подружился с ЮТом, ты побываешь и за рубежами нашей Родины, оглянешься в далекое прошлое и уж, конечно, заглянешь в завтрашний день...

Ты уже догадался, наверное, что ЮТ — это новый журнал «Юный техник».

Он начал выходить в конце прошлого года, и за короткий срок сотни тысяч читателей крепко подружились с ЮТом. И немудрено: на страницах своего нового журнала юные читатели нашли интересные статьи о тех больших вопросах, которые сегодня волнуют ученых, узнали о

последних достижениях нашей и зарубежной техники, прочитали много рассказов, заметок и информаций, широко раздвигающих их кругозор. Журнал получился разнообразный, беспокойный, с улыбкой. Он интересно составлен, красочно оформлен, его приятно взять в руки и хочется прочитать от начала до конца.

Таким образом, в «Юном технике» сочетается приятное с полезным. Чего же еще можно пожелать журналу!

А читателям от всей души мы желаем поскорее познакомиться с ЮТом и стать его друзьями. А чтобы ЮТ стал еще лучше, еще ближе, еще интереснее, не стесняйтесь, ребята, смело пишите товарищу ЮТу о том, каким вы хотите видеть его, о чем и как просите рассказать при следующих встречах.

Редколлегия за работой.

«ПИОНЕРИЗДАТ»

— В прошлом году наше издательство перевыполнило план,— сказал главный редактор,— мы хотели выпустить двести пятьдесят книг...

— А выпустили целых триста,— не утерпев, перебивает редактора член редколлегии.

Редактору издательства Игорю Махалову тринадцать лет, он учится в седьмом классе. Люся Пустынина, Юля Воронина и Петя Баулин — тоже из седьмого, а самый младший член редколлегии, Галя Левушкина, и вовсе пятиклассница. Ну, а составители и оформители книг, которые выпускает «Пионерское издательство» 529-й школы, те еще моложе. Все в школе знают, что лучшие книжки делают ребята из 4-го «А»,— недаром жюри школьного конкурса на лучшую книжку-самоделку премировало весь этот класс картиной, которая висит теперь в 4-м «А» на стене.

Это очень увлекательное занятие — выпускать самим книжки! Сначала выбираешь тему, а потом выискиваешь на страницах «Пионерской правды» и старых журналов, которые не жалко резать, подходящий материал. Материал надо толково расположить и аккуратно расклеить на страничках книги, интересно оформить подходящими иллюстрациями... А обложка книги? Она должна быть такой, чтобы и внимание привлекала и к содержанию книги подходила.

Конечно, не все книжки-самоделки одинаково удачны: умение и вкус приходят постепенно. Но в библиотеке «Пионериздата» есть хорошие, толковые и красивые книжки: «Как поступают пионеры», «Сказки разных стран», «Партия в моей жизни», книжки о Китае, о Дании и многие другие.

Если ребятам для сборов или для другой цели нужны материалы на одну из этих тем, им теперь незачем рыться в толстых комплектах газет и журналов. Пусть придут к библиотекарю Юле Ворониной, и она даст им нужную книжку-самоделку.

Два бессмертных друга

Может быть, вы, ребята, знаете, кто изображен на этих иллюстрациях? Может быть, некоторые из вас уже читали книгу об отважных и забавных приключениях Тиля Уленшпигеля и Ламме Гудзака?

Написал эту книгу Шарль де Костер, но он не выдумал ее содержание: писатель собрал и переработал легенды, которые рассказывает народ Фландрии о своих любимых героях.

...«Быстрые фландрские ноги, острые карие глаза, а нос и рот — точно их сделали две лисы, отлично постигшие искусство ваяния и лукавства»,— так описывает Тиля его мать Сооткин. Таким и нарисовал его художник Е. Кибрик.

Тиль Уленшпигель — выдумщик, хитрец, веселый бродяга... Но видите на шее у него черный мешочек? В нем зашит пепел отца Тиля — Клааса, сожженного на костре по воле жестокого испанского короля, поработившего Фландрию в XVI веке.

...Ламме сделался поваром на корабле «Бриль». И между тем, как душистые супы кипели в кастрюлях, он стоял у кухонных дверей, гордо, точно скипетр, держа свою большую деревянную шумовку.

Пес вертел хвостом, прыгал, ластился и лаял от жадности. Уленшпигель думал, что все это — выражение дружбы, но он забыл о печенке, лежавшей в его сумке.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце!» — восклицает Тиль. Бродя по Фландрии, он созывает людей на борьбу за освобождение Фландрии, под знамя восставших бедняков-гезов.

За легконогим Тилем всюду следует толстый его друг — Ламме.

Вот он перед вами, этот добродушный обжора... Вздыхая о кровяных колбасах и золотистых сочных пирожках, он все же не покидает Тиля ни под градом пуль, ни в чаще мечей. Тиль и Ламме неразделимы, недаром считают, что Тиль — это вольный дух фландрского народа, а Ламме — его жизнелюбивое тело.

«Легенда о Тиле Уленшпигеле» выходила у нас в стране множество раз. Иллюстрации, воспроизведенные здесь, взяты из последнего издания.

ЛЕСНЫЕ ИГРУШКИ

Как-то в лесу я набрела на место свежей порубки. Стволы деревьев уже были увезены, но на земле лежало много еловых и сосновых веток с шишками, куски коры...

Я стала перебирать их и вдруг заметила, что одна обрубленная ветка с четырьмя короткими веточками напоминает обезьяну. Я сразу представила себе, как можно слепить из пластилина и приделать ей голову и лапы.

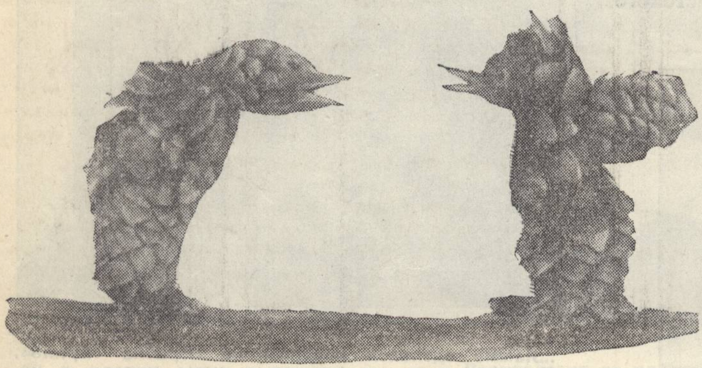
И вот посмотрите, какая смешная обезьянка у меня вышла. Ветка была такой формы, что моя обезьяна получилась в сидячей позе, и я посадила ее на пенек, вырезанный из другой ветки.

В тот день я унесла из лесу много еловых шишек, кусков коры и мха, пеньки «на курьих ножках» и другие лесные материалы. Оказалось, что из всего этого можно сделать много забавных игрушек.

Рассмотрите на снимке «избушку на курьих ножках». Я сделала ее из рифленого картона, в который упаковываются электрические лампочки, крышу покрыла золотисто-коричневыми пленками, снятыми со ствола сосны, и всю избушку посадила на «курьи ножки».

Из еловых шишек я делала самые разнообразные фигурки, и больше всего птиц, потому что чешуйки шишек напоминают птичье оперение.

Вот, например, сценка, изображающая ссору двух представителей пернатого царства. По-моему, люди, когда они спорят и ссорятся из-за каких-нибудь мелочей, бывают так же смешны.

Из шишек можно сделать и человека. Например, если взять шишку с очень плотно прилегающими чешуйками, то они напомнят кольчугу древнего воина. Вот мне и захотелось сделать воина из стражи царя Додона. Вспомните пушкинскую сказку о золотом петушке!

Фигурку не всегда сделаешь из цельных шишек, поэтому их приходится разрубать — ударом молотка по острому ножу — и из отдельных кусков шишки с помощью пластилина лепить задуманную фигурку. Самое важное — удачно задумать фигурку. Среди вас, ребята, наверное, немало хороших выдумщиков, и вы, конечно, сумеете придумать и сделать много интересных лесных игрушек.

З. Карасик

В часы досуга

ЗАГАДОЧНАЯ ГАЗЕТА

Все слова в этой странной газете, включая и ее название,— сплошь имена существительные. Казалось бы, ничего общего между ними нет. Однако это далеко не так. Чтобы убедиться в том, проделайте следующее: в каждом слове замените среднюю букву другой буквой, чтобы получилось новое слово.

Если вы успешно справитесь с этой задачей, то по вновь вписанным буквам прочитаете текст карельской загадки. А кстати и разгадайте ее.

Составил М. Белых.

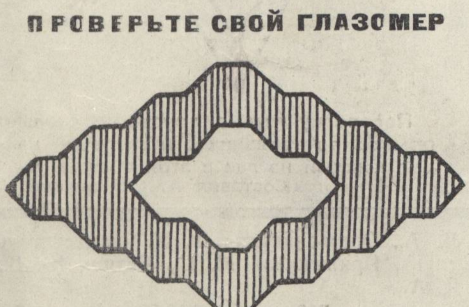
НЕ ГЛЯДЯ НА КАРТУ

1. В названии какой большой реки имеются четыре буквы «и»?

2. Есть два города с одинаковым названием, в котором буква «а» повторяется пять раз. Назовите эти города и скажите, где они находятся.

Составил Анатолий Соколов.

ПРОВЕРЬТЕ СВОЙ ГЛАЗОМЕР

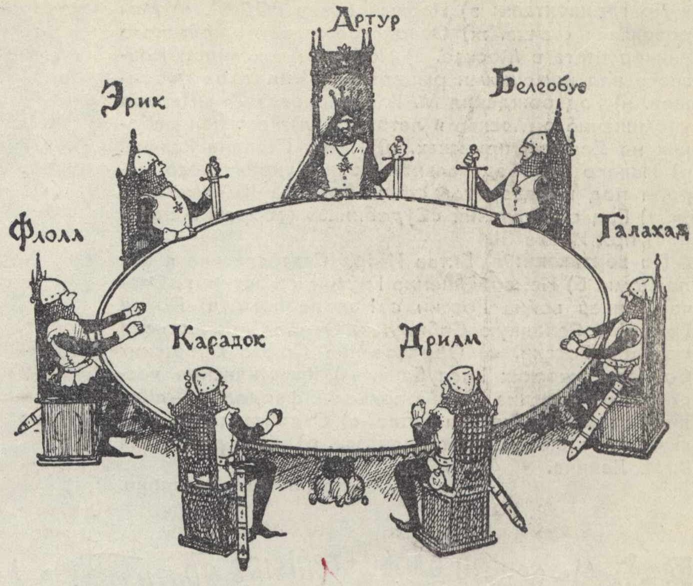

Во сколько раз заштрихованная часть фигуры больше незаштрихованной? И каким способом легко можно проверить правильность предполагаемого решения?

Составил П. Молоков.

РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

(Из старинных английских задач)

Легендарный английский король Артур, как известно, любил восседать со своими рыцарями Белеобусом, Галахадом, Дриамом, Карадоком, Флоллом и Эриком за круглым столом. Случилось, что король три вечера подряд провел с рыцарями за круглым столом, причем каждый раз любой из сидевших имел справа и слева от себя разных соседей. Это достигалось тем, что в каждый из трех вечеров все рыцари, кроме самого короля Артура, рассаживались в различном порядке.

В первый вечер, как мы видим на рисунке, король разместил своих рыцарей за круглым столом в алфавитном порядке, а сам сидел между Белеобусом и Эриком. Далее же Артур усаживал их так, чтобы оба раза Белеобус оказывался возможно ближе, а Эрик возможно дальше от него самого.

Как сидели король Артур и его рыцари во второй и третий вечер?

А. Динин

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ДРОБИ

В названии какого животного есть половина овцы, третья часть синицы и четвертая часть кузнечика?

Составил Н. Охрименко.

ЗАДАЧА-ШУТКА

Я поменял местами несколько букв в названии известной сибирской реки — и она, тотчас очутившись в Африке, понесла свои воды в Атлантический океан.

С какой сибирской рекой могло произойти такое необычайное превращение?

Составил А. Левшин.

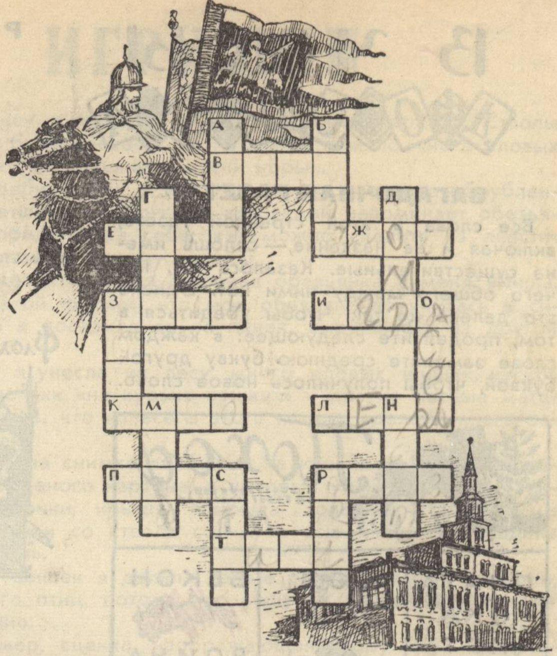
КРОССВОРД „ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАТЫ“

В клетки кроссворда впишите даты, когда произошли следующие исторические события:

По горизонтали: в) Первый съезд РСДРП. е) Морозовская стачка. ж) Основание первого русского университета в Москве. з) Победа Александра Невского над немецкими рыцарями — «Ледовое побоище». и) Год рождения М. В. Ломоносова. к) Первое упоминание о Москве в летописи. л) Расстрел рабочих на Ленских приисках. п) Казнь Степана Разина. р) Начало освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого. т) Год составления «Судебника» (собрание законов) при Иване III.

По вертикали: а) Битва Игоря Святославича с половцами. б) Присоединение Грузии к России. г) Отечественная война России с Наполеоном. д) Поход Ермака в Западную Сибирь. з) Отмена крепостного права в России. о) Образование Союза Советских Социалистических Республик. м) Крестьянское восстание на Украине против польских феодалов — «Колиивщина». н) Невская битва. с) Освобождение Москвы от польских интервентов. р) Год рождения В. И. Ленина.

Составил Толя Веденкин.

1. В Средней Азии есть река, название которой состоит из пяти букв. Найдите ее на карте и напишите это название.
2. Если в этом названии переставить всего лишь одну букву, получится название чудесного пионерского лагеря в Советском Союзе.
3. Новая перестановка букв дает название профессии работника искусств.
4. Сделайте еще перестановку букв — вы получите слово, обозначающее небольшое судно.
5. А еще одна перестановка букв даст вам название кухонной принадлежности.

Назовите все эти слова.

Составил А. Скачинский.

ЧЕТЫРЕ ДРУГА

Четверо друзей — Алик, Володя, Миша и Юра — собрались в доме у Миши. Мальчики оживленно беседовали о том, как они провели лето.

— Ну, Балашов, ты, наконец, научился плавать? — спросил Володя.

— О, еще как! — ответил Балашов.— Могу теперь потягаться в плавании и с тобой и с Аликом.

— Посмотрите, какой я гербарий собрал,— сказал Петров, прерывая разговор друзей, и достал из шкафа большую папку.

Всем, особенно Лунину и Алику, гербарий очень понравился. А Симонов обещал показать товарищам собранную им коллекцию минералов.

Назовите имя и фамилию каждого мальчика.

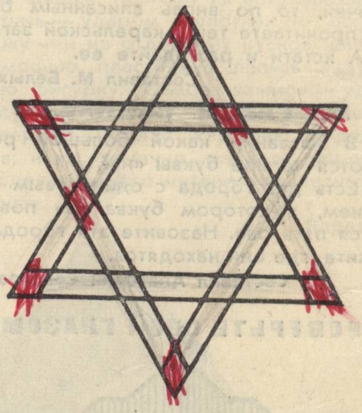
Составил Вячеслав Клочков.

ПОЕЗД ИДЕТ ЧЕРЕЗ ТУННЕЛЬ

Поезд длиною в 1 километр идет через туннель, длина которого равна тоже 1 километру. Скорость поезда — 30 километров в час. За сколько времени пройдет поезд через туннель?

Составил Саша Шерешев.

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Посоревнуйтесь с друзьями: сколько ромбов, треугольников и трапеций найдет каждый из вас в этой фигуре.

Составил А. Скачинский.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 13565. Подписано к печати 29/XII 1956 г. Тираж 350 000 экз. Изд. № 2. Зак. 3315.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.